

**Библиографический
указатель и
избранные труды
членов ассоциации
«Бунинское наследие»**

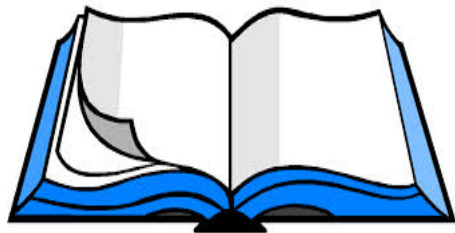

БУНИН

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ

„Вернись на родину, душа...”

**БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ
УКАЗАТЕЛЬ И
ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ ЧЛЕНОВ
АССОЦИАЦИИ
«БУНИНСКОЕ НАСЛЕДИЕ»**

Москва
2014

УДК 821.161.1.09
ББК 84Р1(2Рос=Рус)6-44

Библиографический указатель и избранные труды членов ассоциации «Бунинское наследие» / Д.М. Минаев (сост.). – М.: Изд. ООО «СВАРОЖИЧЪ». – 2014. – 152 с.

В библиографический указатель, посвящённый великому русскому писателю И.А. Бунину, включен перечень книг, статей, рецензий членов Ассоциации «Бунинское наследие», опубликованных в 1991–2014 гг.

В публикациях рассматриваются различные аспекты жизни и творчества И.А. Бунина и его ближайшего окружения (Л.Ф. Зуров, Я.М. Цвибак (Андрей Седых), а также материалы по созданию Ассоциации «Бунинское наследие».

Во 2-ю часть вошли статьи, выбранные их авторами из библиографического списка (по одной статье от каждого автора).

Указатель адресован филологам, историкам, библиографам и всем любителям русской литературы XX века и творчества И.А. Бунина.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
--------------------------	----------

ЧАСТЬ 1

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ	9
--	----------

ЧАСТЬ 2

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ	33
------------------------------	-----------

<i>Пречисский В.А.</i> И.А. Бунин в Москве, на Поварской	35
---	----

<i>Шальнова Г.А.</i> Мой путь в ассоциацию «Бунинское наследие»	49
--	----

<i>Рыльчиков И.В., Хайтулов Е.Д.</i> В поисках бунинской колыбели	60
--	----

<i>Минаев Д.М.</i> Любовь на всю жизнь.....	66
---	----

<i>Гордиенко Т.В.</i> Литературный секретарь И.А. Бунина	79
---	----

<i>Ревакина И.А.</i> И. Бунин и Б. Зайцев в литературном развитии 1960-х гг.	98
--	----

<i>Вересова Т.В.</i> Скиталец	129
-------------------------------------	-----

<i>Бонами Т.М.</i> Прощальный рассказ И.А. Бунина «Бернар»	139
---	-----

ОБ АВТОРАХ	149
-------------------------	------------

ПРЕДИСЛОВИЕ

В книге представлены материалы, характеризующие некоторые аспекты творческой биографии поэта, прозаика, публициста, переводчика Ивана Алексеевича Бунина, лауреата двух Пушкинских премий (1903, 1909), почётного академика по разряду изящной словесности Императорской Академии наук (1909), первого из русских писателей, удостоенного Нобелевской премии по литературе (1933).

В указатель включен перечень публикаций членов Ассоциации «Бунинское наследие» (1992–2014), которых объединяет любовь к творчеству великого писателя, неиссякаемый интерес к его личности гражданина и человека, посвятившего свой талант художника Родине и народу России. Это книги, научные и научно-популярные статьи, опубликованные в периодической печати, а также тексты докладов, включённых в сборники материалов конференций, посвящённых Бунину, проходивших в России и за рубежом (Франции, Германии, Чехии).

Ассоциация была создана как общественная организация в 1992 году по инициативе Галины Ивановны Пречисской (1937–1999), троюродной внучатой племянницы И.А. Бунина. В настоящее время Ассоциацию возглавляет муж Г.А. Пречисской, доктор технических наук, профессор Московского энергетического института Владимир Антонович Пречиский. Среди членов Ассоциации филологи, историки литературы, литературоведы, работники музеев, деятели культуры, читатели и почитатели таланта Бунина. Многие из них внесли существенный вклад в изучение творчества Бунина. Их хотелось бы отметить особо.

Т.М. Бонами издала монографию о художественной прозе Бунина в 1962 году и защитила кандидатскую диссертацию. Это была первая в СССР диссертация, посвящённая Бунину. Она автор статей и книг о Бунине, по её идее и под её руководством к 140-летию со дня рождения писателя подготовлен и издан коллективный сборник «И.А. Бунин и его окружение».

Президент Ассоциации В.А. Пречисский посвящает свои труды Бунинской Нобелиане, созданию хроники деятельности Ассоциации и другим направлениям.

Член Правления Ассоциации «Бунинское наследие» М.Г. Богомоллова (1935–2007) работала с архивами, изучала среду, в которой Бунин сформировался как личность и как писатель. Одна из её работ посвящена прототипам некоторых персонажей в произведениях Бунина. К несчастью, жизненный путь её был рано прерван, и о многом она не успела написать.

Кандидат филологических наук И.А. Ревякина рассматривает творчество Бунина в контексте его эпохи, внося много нового в изучение взаимоотношений Бунина и Горького, Бунина и Зайцева.

Композитор Ю.М. Клепалов положил на музыку стихи Бунина и издал сборник романсов для голоса в сопровождении фортепиано.

Искусствовед Г.И. Пикулева – автор оригинальных статей о Бунине, подготовила также «Хронику празднования 25-летия литературной деятельности Бунина», которое состоялось в 1912 году и проходило в России очень торжественно.

Кандидат филологических наук, ученый секретарь Общества любителей Российской словесности Р.Н. Клеймёнова (1940–2011 г.) открыла новую, очень важную в буниноведении тему – о роли Бунина в Обществе любителей российской словесности. Под её редакцией и при непосредственном участии как составителя издан коллективный сборник статей, в котором «И. А. Бунин предстает как общественный деятель, временный председатель

ОЛРС, в центре литературных связей и борьбы, в известном смысле как учитель писательского мастерства».

Т.В. Гордиенко, автор спецкурса для студентов вуза «Литераторы России – лауреаты Нобелевской премии по литературе», разработала программу спецкурса, планы семинарских и лекционных занятий. Цикл статей, вышедший в журнале «Русская словесность» и в других изданиях посвящён Бунину как первому среди русских писателей удостоенному Нобелевской премии по литературе.

Недавно в Ассоциацию представили результаты своей работы И.В. Рыльчиков и Е.Д. Хайтулов, которые ведут раскопки в районе бунинского имения Бутырки (Липецкая область, Становлянское с/п). Их цель – восстановить облик местности времён детства и юности Ивана Бунина.

Д.М. Минаев, выпускник МХТИ им. Менделеева, кандидат технических наук, член Правления ассоциации «Бунинское наследие», координатор сотрудничества с музеями Бунина в Ельце и Ефремове, автор книг о памятниках И.А. Бунину в России и за рубежом, о Елецкой тропе к Бунину. В настоящее время занимается вопросами генеалогии и родословной рода Буниных.

Доктор медицинских наук Г.А. Шальнова – творческий человек, удачно совмещающий научную работу в иммунологии с литературной. Её статья «Мой путь в ассоциацию «Бунинское наследие» тому пример.

Искусствовед Г.К. Иновенкова в своих статьях передаёт чарующую красоту бунинских пейзажей, к сожалению, в распоряжении составителей на момент создания библиографического указателя у составителей не оказалось полного списка её работ.

Л.Ю. Логинова, журналист, человек с активной жизненной позицией, в течение нескольких лет изучала материалы о литературно-художественном кружке «Телешовские «Среды», которые стали основой одноимённой книги. Немало страниц в ней посвящено членам кружка Ю.А. и И.А. Буниным.

И.Н. Сергеев прослужил в Советской Армии 34 года, подполковник в отставке. Много лет занимается краеведением, систематически публикует свои находки и открытия в периодике. Эти публикации всегда подкреплены тщательно изученными архивными документами, рассказами старожилов.

В течение всех лет существования Ассоциации «Бунинское наследие» её члены участвовали во многих международных научных конференциях, посвящённых И.А. Бунину.

Для удобства пользования библиографические записи сгруппированы по годам публикаций. Публикации авторов, вышедшие в одном году, объединены в сводное описание и даны в хронологическом порядке (по годам) и в алфавитном порядке (по фамилии авторов). Они включают все авторские заглавия произведений с отсылкой к соответствующему номеру издания (газета, журнал, сборник) с указанием выходных данных и страниц.

Каждому автору было предложено выбрать одну из своих работ для публикации во второй части издания. Эти тексты публикуются с указанием места и даты первой публикации.

Это первый опыт издания библиографического указателя публикаций членов Ассоциации «Бунинское наследие», посвящённых творчеству И.А. Бунина – единого справочного издания, которое включало бы все публикации (рецензии, статьи, книги, посвящённые творчеству И.А. Бунина).

Замечания и пожелания просим направлять по адресу: E-mail: minaev2008@mail.ru

Памятник И.А. Бунину в Орле

ЧАСТЬ I БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ (1991 – 2014)

1991 год

Хакимова Г.А. «Лишь слову жизнь дана»: (К 120-летию со дня рождения И.А. Бунина): Рекомендательный библиографический указатель / Гос. респ. юнош. б-ка РСФСР им. 50-летия ВЛКСМ. – 1991. – 45 с.

1992 год

1. Уваров О.А. Ещё раз о Бунине // «Поколение». 1992. – С. 3.

1993 год

1. Гордиенко Т. В. Русские литераторы — лауреаты Нобелевской премии как тема спецкурса // III Международная встреча-конференция лауреатов Нобелевских премий и нобелистов (Тамбов, 21 – 24 сентября 1993). Тезисы докладов. – Тамбов, 1993. – С. 10.
2. Сергеев И.Н. Царицыно. По Бунинским местам Царицына // В кн.: Страницы истории: Путеводитель. – М.: Изд-во МГАП «Мир книги», 1993. – С. 131–134.

1994 год

1. Гордиенко Т.В. И.А. Бунин и Р.М. Рильке // Русский язык и литература в современном диалоге культур: тезисы докладов ученых России. VII Международный конгресс МАПРЯЛ. Германия, Регенсбург, 22–26 августа 1994 г. – М., 1994. – С. 29–30.

1995 год

1. Бонами Т.М. К поэтике рассказов И.А. Бунина // В сб. «И.А. Бунин и русская литература XX века: По материалам Международной научной конференции, посвящённой 125-летию со дня рождения И.А. Бунина». – М.: «Наследие». 1995. – С. 85–94.

2. Богомолова М.Г. О прототипах некоторых литературных персонажей в произведениях И.А. Бунина // В сб. «И.А. Бунин и русская литература XX века: По материалам Международной научной конференции, посвящённой 125-летию со дня рождения И.А. Бунина». – М.: «Наследие», 1995. – С. 213–220.
3. Гордиенко Т.В. К истории награждения И.А. Бунина Нобелевской премией // В сб. «И.А. Бунин и русская литература XX века: По материалам Международной научной конференции, посвящённой 125-летию со дня рождения И.А. Бунина». – М.: «Наследие», 1995. – С. 221–226.
4. Гордиенко Т.В. Русские литераторы – лауреаты Нобелевской премии по литературе // Русская словесность. – 1995. – №5. – С. 39–43.
5. Гордиенко Т.В. Программа спецкурса по русской литературе для студентов 1–2 курсов. – М.: ГАСБУ, 1995. – 21 с.
6. Гордиенко Т.В. К 125-летию И.А. Бунина // Вестник МА-ПРЯЛ. – 1995. – №11 – С. 11–12.
7. Минаева Е.С., Минаев Д.М. А.С. Пушкин и И.А. Бунин // В кн.: Елецкая тропа к Пушкину. Елец – М.: «Изограф». – 1995 – С. 78–91.
8. Михайлов О.Н. Мировое значение И.А. Бунина // В сб. «И.А. Бунин и русская литература XX века: По материалам Международной научной конференции, посвящённой 125-летию со дня рождения И.А. Бунина». – М.: «Наследие». – 1995. – С. 3–6.
9. Морозов С.Н. И.А. Бунин – литературный критик // В сб. «И.А. Бунин и русская литература XX века: По материалам Международной научной конференции, посвящённой 125-летию со дня рождения И.А. Бунина». – М.: «Наследие», 1995. – С. 72–78.

10. Пречисский В.А. Бунинское наследие. «Россияне». 1995. №9–10. – С. 5–7.
11. Пречисская Г.И. Потомки Буниных. «Россияне». 1995. – №9–10. – С. 16–21.
12. Разина А.В. Кинематографичность – как стилевая особенность творческого почерка Ивана Бунина // В сб. «И.А. Бунин и русская литература XX века: По материалам Международной научной конференции, посвящённой 125-летию со дня рождения И.А. Бунина». – М.: «Наследие», 1995. – С. 258–267.
13. Тер-Абрамянц А.П. Созвездия Ивана Бунина (образы звёздного неба в творчестве Бунина) // В сб.: И.А. Бунин и русская литература XX века: По материалам Международной научной конференции, посвящённой 125-летию со дня рождения И.А. Бунина. – М.: Наследие, 1995. – С. 109–116.
14. Хакимова Г.А., Морозов С.Н. (составители) Лишь слову жизнь дана... // К 125-летию со дня рождения И.А. Бунина: Рекомендательный библиографический указатель / Рос. гос. юнош. б-ка; ассоциация "Бунинское наследие". – М.: РГЮБ, 2-е изд., доп., 1995. – 58 с.

1996 год

1. Гордиенко Т.В. Наш Бунин // Вестник МАПРЯЛ. – 1996. – № 13. – С. 16.
2. Гордиенко Т.В. Нобелевские речи И.А. Бунина, М.А. Шолохова, А.И. Солженицына, И.А. Бродского / Сост., предисл. Т.В. Гордиенко. Учеб. пособие. – М.: ГАСБУ, 1996. – 55 с.

1997 год

1. Ревякина И.А. Подготовка (3) писем А.М. Горького к И.А. Бунину 1898–1899 гг. и примечаний к ним //

- М. Горький. Полн. собр. соч. Письма: В 24 т. – Т. 1. М.: «Наука», 1997. – С. 327, 337, 341; 587–588, 596, 600, 651.
2. Ревякина И.А. Подготовка (13) писем А.М. Горького к И.А. Бунину 1900–1901 гг. и примечаний к ним // М. Горький. Полн. собр. соч. Письма: В 24 т. – Т. 2. М.: «Наука», 1997. – С. 35, 43, 45, 52, 58, 72, 83, 93–94, 110, 123–124, 127, 180–181, 203; 268, 275, 284 и др.
3. Ревякина И.А. Подготовка (3) писем А.М. Горького к И.А. Бунину 1902–1903 гг. и примечаний к ним // М. Горький. Полн. собр. соч.: Письма: В 24 т. – Т. 3. М.: «Наука», 1997. – С. 83, 187, 226 и др.
4. Сябро А. (Пречисский В.А.) // Откровения одного человека. Сборник стихов. – М.: Изд-во МЭИ, 1997. – 136 с.

1998 год

1. Вольский В.П. Первый сазан. – Волгоград: Изд-во «ГЛАС», 1998. – 14 с.
2. Гордиенко Т.В. И.А. Бунин и Б. К. Зайцев (к истории одной дружбы) // Проблемы изучения жизни и творчества Б.К. Зайцева: Сб. докладов. Первые междунар. Зайцевские чтения (Калуга, 19–20 сент. 1996 г.) – Калуга, 1998. – С. 103–108.
3. Минаев Д.М., Минаева Е.С. Пушкин и Бунин // АПФ-Американский Пушкинский фонд, №2, июнь 1998 г. / Журнально-газетное обозрение-дайджест «АПФ» (New York, USA).
5. Ревякина И.А. Подготовка (10) писем А.М. Горького к И.А. Бунину 1903–1904 гг. и примечаний к ним // М. Горький. Полн. собр. соч.: Письма: В 24 т. – Т. 4. М.: Наука, 1998. – С. 6, 16, 105 и др.

1999 год

1. Лебедева Е. «Вечер памяти Бунина» // «Люберецкая газета». – 1999. – №1(551). – 12 янв.
2. Гордиенко Т.В., Бережкова С.Б. Радиопередачи В.В. Вейдле о писателях русского зарубежья (радио «Свобода, 1972–1973 гг.) // Русский язык, литература и культура на рубеже веков. IX Международный конгресс МАПРЯЛ, Т. II. Братислава, Словацкая Республика. 16–21 августа 1999 г.). Тез. докл. и сообщ. Братислава, – 1999. – С. 130.
3. Минаев Д.М. Пушкин и Бунин // газ. «Звезда» (с. Становое). – 1999. – №12. – 09 февр.
4. Минаев Д.М. Чистейший родник // газ. «Звезда» (с. Становое). – 1999. – №19. – 02 марта.
5. Минаева Е., Минаев Д. Наши именитые земляки. «Духовный мир Ивана Бунина» // газ. «Звезда» (с. Становое). – 1999. – № 51. – 29 июня.
6. Минаев Д.М. В библиотеке №44 // газ. «На Пресне» (Москва). – 1999 – №31 – 29 окт.
7. Правоторов Г.И. Огненные ветви. Стихи и проза. – М.: «Московский Парнас». – 1999. – 132 с.
8. Пречисская Г.И., Богомолова М.Г. Бунин – русский писатель. Нобелевский лауреат // «Встреча». – 1999. – №1–2. – С. 59–62.
9. Ревякина И.А. Подготовка (3) писем А.М. Горького к И.А. Бунину 1905 г. и примечаний к ним // М. Горький Полн. собр. соч.: Письма: В 24 т. – Т. 5. М.: Наука, 1999. – С. 49, 67, 74 и др.
10. Сергеев И.Н. «Царицыно: От Пушкина до Бунина...» // газ. «Царицыно». 1999. – №13. – С. 4.

2000 год

1. Богомолова М.Г. «Я влюблён был в Лизу на старинный поэтический лад» // «Встреча». – 2000. – №4. – С. 43–44.
2. Гордиенко Т.В. Воспоминания В.В. Вейдле о писателях русского зарубежья как основа цикла радиопередач для радио «Свобода» // Журналистика в 1999 году: тезисы научно-практической конференции. – М.: МГУ, факультет журналистики, 2000.
3. Гордиенко Т.В., Бережкова С.Б. Пятнадцать современников. Радиопередачи В.В. Вейдле о писателях русского зарубежья (радио «Свобода», 1972–1973 гг.) // Вопр. лит. – 2000. – №5. – С. 314–328.
4. Михайлов О.Н. «Россия! Кто смеет учить меня любви к ней!». Уроки Бунина // Вешние воды. – 2000. – №56. – С. 2.
5. Минаев Д.М. «В помещении...» (сообщение о вечере к 130-летию И.А. Бунина) // газ. «На Пресне» (Москва). – 2000. – №43. – 27 окт.
6. Минаев Д.М. «В эмиграцию он уезжал с Поварской...» // газ. «На Пресне» (Москва). – 2000. – № 46. – ноябрь.
7. Минаев Д.М. Род и предки Бунина // «Звезда» (с. Становое). – 2000. – №102. – 5 дек.
8. Минаева Е.С., Минаев Д.М. Религиозность Бунина // газ. «Звезда» (с. Становое). 2000. – №107. – 26 дек.
9. Пречисская Г.И., Пречисский В.А. И.А. Бунин: Нобелевская премия // «Встреча» – 2000. – №4. – С. 41–43.
10. Пречисский В.А. «Его жизни даты в сердце наше снова постучат» // «Музей человека». – 2000. – №7 – С. 4.

11. Сергеев И.Н. «По Бунинским местам Царицына» // газ. «Южные горизонты» (префектура ЮАО Москвы). – 2000. – №15. – 9–15 авг.
12. Сергеев И.Н. «По Бунинским местам Царицына» (окончание) // газ. «Южные горизонты» (префектура ЮАО Москвы). – 2000. – №16. – 16 – 22 авг.

2001 год

1. Абрамянц А. Звёздные руны Ивана Бунина // Русская речь. – 2002. – №2. – С. 29–33.
2. Богомолова М. Г. Некоторые заметки по поводу книги «Иван Бунин» М.М. Рощина // Москва. – 2001. – № 10. – С. 211–215.
3. Дмитриев А.В. Бунинская Россия. Альбом. К 130-летию со дня рождения И.А. Бунина. – Липецк. – 2001. – 28 с.
4. Пречисский В.А. Старая, огромная, людная Москва // «Музей человека». – 2001. – №6 – С. 7.

2002 год

1. Гордиенко Т.В. Нобелевская лекция как литературный жанр // Наука, техника, общество и нобелевское движение в третьем тысячелетии: Международный конгресс. (VII международная встреча-конференция лауреатов Нобелевских премий и нобелистов) / Под. ред. проф. В.М. Тютюнника. – Тамбов: Изд-во МИНЦ, 2002. – Т.2., Ч.2. – С. 51–61.
2. Гордиенко Т.В. Экранизация произведений И.А. Бунина: Литературная основа фильма А. Учителя «Дневник его жены» // Оломоуц (Чехия). – 2002. – С. 75–78.
3. Клепалов Ю.М. Романсы для голоса в сопровождении фортепиано. – М.: Изд-во “Музыка”. – 2002. – 52 с.

4. Михайлов О.Н. Жизнь Бунина. Лишь слову жизнь дана... – серия «Бессмертные имена». – М.: «Центрполиграф». – 2002. – 491 с.
5. Ревякина И.А. “Итальянские строки” И.А. Бунина в забытом цикле “Двенадцать стихотворений” // Русская литература XX века: Итоги и перспективы изучения. Сборник научных трудов, посвященных 60-летию профессора В.В. Агеносова. – М.: Изд-во “Советский спорт”. – 2002. – С. 172–179.
6. Ревякина И.А. Шаляпин и Горький: Двойной портрет в каприйском интерьере. – М.: «Спутник+», 2002. – С. 172–179.
7. Ревякина И.А. «Русский Капри»: М. Горький, Ив. Бунин, Ф. Шаляпин и другие // В кн.: Шаляпин и Горький: Двойной портрет в каприйском интерьере. – М.: Компания «Спутник+». – 2002. – С. 7–63.
8. Разина А.В. «Эстетико-культурологические аспекты взаимоотношений литературы и экранных искусств (на примере творчества И.А. Бунина и экранизаций его произведений 1960–1990-х гг.)» // Автореф. дисс. ... к.ф.н. Государственный университет управления. – М. – 2002.

2003 год

1. Бонами Т.М. Творчество И.А. Бунина в контексте русской литературы. М.: Полиграфцентр «Столица». – 2003. – 148 с.
2. Гордиенко Т. В. Бунинские дни в России // Вестник МА-ПРЯЛ. – 2003. – №41. – С. 47–48.
3. Разина А.В. Проблема создания экранной интерпретации произведений И.А.Бунина (на примере телеспектакля «Последнее свидание» // Центральная Россия и литература русского зарубежья (1917–1939). Исследования и публикации. Материалы международной научной конферен-

- ции, посвященной 70-летию присуждения И.А. Бунину Нобелевской премии / Орловский государственный ун-т. 24–25 апреля 2003 г. Орёл: «Вешние воды». – 2003. С. – 107–110.
4. Ревякина И.А. «Русский Капри»: М. Горький, Ив. Бунин, Ф. Шаляпин и другие // В кн.: Шаляпин и Горький: Двойной портрет в каприйском интерьере. – М.: «Спутник+», изд. 2-е, доп. – 2003. – С. 7–65.
 5. Ревякина И.А. И. Бунин и М. Горький: творческая полемика 1910-х годов // Центральная Россия и литература русского зарубежья (1917–1939). Исследования и публикации. Материалы международной научной конференции, посвященной 70-летию присуждения И.А. Бунину Нобелевской премии. Орловский государственный ун-т. 24–25 апреля 2003 г. Орёл: «Вешние воды» – 2003. – С. 30–33.
 6. Ревякина И.А. «Русский Капри» (1907–1914) // Россия и Италия. Вып. 5: Русская эмиграция в Италии в XX веке / Ин-т всеобщей истории; Отв. ред. Н.П. Комолова. – М.: Наука, 2003. – С. 12–32.
 7. Ревякина И.А. М. Горький в литературной полемике русского зарубежья: 1920-е годы // Некалендарный XX век. Вып. 2: Материалы Всероссийского семинара 2003 г. / НовГУ им. Ярослава Мудрого. Великий Новгород. – 2003. – С. 126–134.
 8. Ревякина И.А. Забытая поэма И.А. Бунина «Мать» в контексте оценок Б.К. Зайцева // Творчество Б.К. Зайцева в контексте русской и мировой литературы XX века: Сб. ст. Четвёртые Международные научные Зайцевские чтения. Вып. 4 / Калуга: Институт повышения квалификации работников образования. – 2003. – С. 266–272.
 9. Рышков В.В. Рядом с Буниным (публ. М. Г. Богомоловой) // Москва. – 2003. – №12. – С. 161–185.

2004 год

1. Гордиенко Т.В. Бунин и кино // Мир русского слова. – 2004. – № 1. – С. 22–27.
2. Гордиенко Т.В. Нобелевская лекция: автор, аудитория // «Речевая коммуникация: теория и методика преподавания в вузе. Материалы Международной научно-методической конференции. 15–17 апреля 2004 г. – ГОУВПО «МГУС». – 2004. – С. 50–59.
3. Гордиенко Т.В. Лекции и речи лауреатов Нобелевской премии по литературе // Русская словесность. – М. – 2004. – №8. – С. 33–38.
4. Дмитриев А.В. Вернись на родину, душа! Альбом // Липецк: ОАО «Полиграфический комплекс «Ориус». – 2004. – 44 с.
5. Логинова Л.Ю. Нобелевский лауреат Иван Бунин // газ. «Малаховский вестник». – 2004. – №5. – С. 3. – 6 февр.
6. Логинова Л.Ю. «Поеду в Москву, заверну на дачу к Телешову...» // В кн.: Легенда XX века. Летний театр в Малаховке. – М.: Изд-во Л.Ю. Логиновой. – 2004. – С. 176–185.
7. Пикулева Г.И. Московская быль Ивана Бунина. – М.: «Музей Человека». – 2004. – 164 с.
8. Ревякина И.А. Ф. Шаляпин в гостях у Горького на острове Капри: встречи и впечатления // Федор Шаляпин. Воспоминания. Статьи / Сост., вступ. ст. и примеч. Н.Н. Соколова. М.: Наталис; Рипол Классик, 2004. – С. 453–479.
9. Сергеев И.Н. «Посадите вы ель на могилу мою...» // газ. «Взаимная помощь». – М. – 2004 – № 3(10).
10. Сергеев И.Н. Царицынская осень Бунина // газ. «Новости Зябликово». – 2004. – №13(59). – С. 6.
11. Сябро А. (В.А. Пречисский) Маяк в пути. – 2004. – 20 с.

2005 год

1. Бонами Т.М. Прощальный рассказ И.А. Бунина “Бернар” // Творческое наследие И.А.Бунина: традиции и новаторства. Материалы международной научной конференции, посвященной 135-летию со дня рождения И.А. Бунина. 22 – 24 сентября. – Орел. – 2005. – С. 65–69.
2. Гордиенко Т.В. Нобелиана И.А. Бунина // Русская словесность. – 2005, №3. – С. 28–34.
3. Гордиенко Т.В. Нобелевская премия И.А. Бунина // Наука и технологии в промышленности. – 2005. – №2. – С. 123–127.
4. Гордиенко Т.В. И.А. Бунин – автор «Нового журнала» (Нью-Йорк) // Русская словесность. – 2005. – С. 27–29.
5. Гордиенко Т.В. Борис Зайцев и Иван Бунин: история взаимоотношений. / Творческое наследие И.А. Бунина: традиции и новаторство. Материалы международной научной конференции, посвященной 135-летию со дня рождения И.А. Бунина. 22 – 24 сентября.– Орёл. – 2005. – С. 116–121.
6. Клеймёнова Р.Н. Тот миг воскрес (Бунин и общество любителей российской словесности // Творческое наследие И.А.Бунина: традиции и новаторства. Материалы международной научной конференции, посвященной 135-летию со дня рождения И.А. Бунина. 22 – 24 сентября. – Орёл. – 2005. – С. 149–155.
7. Клепалов Ю.М. «Романсы для голоса в сопровождении фортепиано». М.: «Музыка». – 2002. – 52 с.
8. Минаев Д.М. Поверял себя Пушкиным. – «Встреча». Культурно-просветительная работа, 2005. №10. – С. 31–33.

9. Минаев Д.М. В Париж к Бунину // газ. «Звезда» (с. Становое). – 2005. – №120. – 8. окт.
10. Ревякина И.А. Публицисты и критики русской эмиграции 1920-х годов о творчестве М. Горького // Классика и современность в литературной критике русского зарубежья 20–30-х годов: Часть I. Сб. научн. тр. ИНИОН РАН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. Отдел литературоведения; редкол.: Петрова Т.Г. (отв. ред.) и др. – М. – 2005. – С. 103–121.
11. Ревякина И.А. И. Бунин и М. Горький в диалогах на Капри: Лица и лики России // Творческое наследие И.А. Бунина: традиции и новаторство. Материалы международной научной конференции, посвященной 135-летию со дня рождения И.А. Бунина. 22–24 сентября 2005 г. – Орел. – 2005. – С. 112–116.
12. Ревякина И.А. «Волшебные отражения» Капри в поэзии И.А. Бунина // VITTORIO. Межд. научн. сб., посвященный 75-летию Витторио Страды. В сб. также пер. с итал., англ.; сост. Сергей Бочаров, Александр Парнис. – М.: «Три квадрата», 2005 (Серия «Филология»). – С. 547–556.
13. Сергеев И.Н. «Бунину отказано в прописке» // газ. «Россия». – 2005. – №39 (467), 29 сент. – 05 окт. – С. 8.

2006 год

1. Минаев Д.М. Поверял себя Пушкиным // газ. «Звезда» (с. Становое). – 2006. – №13. – 27 февр.
2. Михайлов О.Н. Строгий талант // Бунин И.А. Жизнь Арсеньева; Темные аллеи; Рассказы / И.А. Бунин. – М.: Литература; Мир книги. 2006. – С. 5–24. – (Бриллиантовая коллекция).
3. Ревякина И.А. И. Бунин и М. Горький на Капри: творческие диалоги и полемика 1910-х гг. // Творчество Максима Горького в социокультурном контексте эпохи.

Горьковские чтения. 2004 / Материалы Международной конференции. Нижний Новгород. – 2006. – С. 77–82.

4. Ревякина И.А. М. Горький в критике, публицистике и мемуарах русского зарубежья (1930-е гг.) // Классика и современность в литературной критике русского зарубежья 1920–1930-х гг.: Сб. науч. тр. Ч. II / ИНИОН РАН. Центр гуманитар. науч.-информ. исслед. Отдел литературоведения; Редкол.: Петрова Т.Г. (отв. ред.) и др. – М. – 2006. – С. 131–150.
5. Ревякина И.А. «Итальянские строки» в поэзии И.А. Бунина // Творчество И.А. Бунина и философско-художественные искания на рубеже XX–XXI веков: Материалы Международной научной конференции, посвященной 135-летию со дня рождения писателя. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина. – 2006. – С. 93–104.
6. Ревякина И.А. Италия в путешествиях и поэтическом творчестве И.А. Бунина // <http://www.utoronto.ca/tsq/17/revyakina17.shtml>.
7. Reviakina Irina A. (Ревякина И.А.) Gor'kij e un (futuro) Nobel (Горький и (будущий) Нобелевский лауреат) // Uno scrittore "Amaro" nel paese "dolce". Maksim Gor'kij fra Capri, Sorrento e Mosca / A cura di Michail Talalay ("Горький" писатель в "сладкой" стране. Максим Горький между Капри, Сорренто и Москвой / Под ред. М.Г. Талалая.) – Capri: OEBALUS. Associazione Culturale. – 2006. – С. 79–85.
8. Сергеев И.Н. Дом на 5-й Радиальной // газ. Южные горизонты» (префектура ЮАО). 2006. – № 28. – 10–16 авг.

2007 год

1. Бонами Т.М. Свет души человеческой (по рассказам И.А. Бунина) // В кн.: Иван Бунин и Общество любителей русской словесности. Сост. Р.Н. Клейменова и Г.И. Пикулева. – М.: Academia. – 2007. – С. 192–205.

2. Богомолова М.Г. И.А. Бунин во время Второй мировой войны // В кн.: Иван Бунин и Общество любителей русской словесности. Сост. Р.Н. Клейменова и Г.И. Пикулева. – М.: Academia. – 2007. – С. 268–296.
3. Бонами Т.М. Вглядываясь в портрет И.А. Бунина // В кн.: Иван Бунин и Общество любителей русской словесности. Сост. Р.Н. Клейменова и Г.И. Пикулева. – М.: Academia. – 2007. – С. 206–219.
4. Вересова Т.В. Скиталец. В книге "Сии бо люди крылати..." серии Псковская земля. История в лицах. – М.: «Северный Паломник». – 2007. – С. 366–370.
5. Гордиенко Т.В. Иван Бунин и Борис Зайцев: двойной портрет // В кн.: Иван Бунин и Общество любителей русской словесности. Сост. Р.Н. Клейменова и Г.И. Пикулева. – М.: Academia. – 2007. – С. 153–163.
6. Дмитриев А.В. «Я вырос среди народа...»// Липецкий край в жизни и творчестве И.А. Бунина (краеведческая энциклопедия). – Липецк. –2007. – 496 с.
7. Иновенкова Г.К. Открыт памятник Ивану Бунину. «Вестник цветовода». – 2007. – №23 (91). – С. 2.
8. Клейменова Р.Н. «Тот миг воскрес». И.А. Бунин и ОРЛС // В кн.: Иван Бунин и Общество любителей русской словесности. Сост. Р.Н. Клейменова и Г.И. Пикулева. – М.: Academia. – 2007. – С. 83–92.
9. Клейменова Р.Н. Бунин И.А. и писатели-современники на заседаниях ОРЛС. Библиография // В кн.: Иван Бунин и Общество любителей русской словесности. Сост. Р.Н. Клейменова и Г.И. Пикулева. – М.: Academia. – 2007. – С. 93–111.
10. Минаев Д.М. Любовь на всю жизнь // В кн.: Иван Бунин и Общество любителей русской словесности. Сост. Р.Н. Клейменова и Г.И. Пикулева. – М.: Academia. – 2007. – С. 220–228.

11. Минаев Д.М. «Коротко обо всем» (фото об открытии памятника И.А. Бунину) // газ. «На Пресне», 2007. – № 40(653). – С. 5. – 2 ноября.
12. Минаев Д.М. В столице открыт памятник И. Бунину // газ. «Красное Знамя» (Елец). – 2007. – №179–180, – С. 3. – 3 нояб.
13. Пречисский В.А. Мировое признание мастера русской словесности // В кн.: Иван Бунин и Общество любителей русской словесности. Сост. Р.Н. Клеймёнова и Г.И. Пикулева. – М.: Academia. – 2007. – С. 340–356.
14. Пикулева Г.И. Хроника празднования 25-летия литературной деятельности И.А. Бунина // В кн.: Иван Бунин и Общество любителей русской словесности. Сост. Р.Н. Клеймёнова и Г.И. Пикулева. – М.: Academia. – 2007. – С. 112–126.
15. Пикулева Г.И. И.А. Бунин и московская литературная среда // В кн.: Иван Бунин и Общество любителей русской словесности. Сост. Р.Н. Клеймёнова и Г.И. Пикулева. – М.: Academia. – 2007. – С. 112–126.
16. Ревякина И.А. Бунин и Горький. Диалоги во времени // В кн.: Иван Бунин и Общество любителей русской словесности / Отв. ред. чл.-корр. РАН Ю.Л. Воротников; состав. Р.Н. Клеймёнова и Г.И. Пикулева. – М.: Academia. – 2007. – С. 163–181.
17. Сергеев И.Н. Бунинские места в Царицыне // В кн.: Иван Бунин и Общество любителей русской словесности. Сост. Р.Н. Клеймёнова и Г.И. Пикулева. – М.: Academia. – 2007. – С. 229–240.

2008 год

1. Клеймёнова Р.Н. (составитель). Хроника заседаний Общества любителей российской словесности. 1992 – 2007. М.: Academia. – 2008. – 160 с.

2. Пречисский В.А. По Бунинским местам России // Педагогическое образование и наука. – 2008. – №9. – С. 113.
3. Сергеев И.Н. Царицыно. – М.: Голос-Пресс. –2008. – 568 с.
4. Уваров О.А. Скульптор Олег Уваров. Каталог. 2008. – 44 с.

2009 год

1. Дмитриев А.В. Воспоминания... Липецк. – 2009. – 152 с.
2. Пикулева Г.И. Красивый город на берегу Красивой мечи. // газ. «Наш Изограф» (Москва). – 2009. – №12. – С. 15.
3. Пречисский В.А. К истории установления памятника И.А. Бунину в Москве // В кн. «Бунинские чтения в Орле-2008». Материалы Всерос. научной конференции, посвящ. 75-летию присуждения писателю Нобелевской премии. – Орёл. – 2009. – С. 110–119.
4. Пречисский В.А. Потомки бунинского рода и школа Сергея Андрияки // В кн.: Стопани З.К. Из света и цвета: Книга о художниках. – М.: Голден-Би. – 2009. – С. 142–143.
5. Федосеева Л.Н. О некоторых особенностях языка прозы Бунина. – М. –2009. – 71 с.
6. Шальнова Г.А. И.А. Бунин в Ельце // В кн.: Виденное и пережитое (Люди, судьбы, время, встречи, нравы) – М.: 2009. – С. 312–322.

2010 год

1. Бонами Т.М. И.А. Бунин и А.И. Куприн. К истории личных и творческих отношений // В кн.: И.А.Бунин и его окружение. К 140-летию со дня рождения писателя / Ассоциация «Бунинское наследие»; сост. Т.М. Бонами и др. – М.: Русский импульс. – 2010. – С. 99–124.

2. Бонами Т.М., Ревякина И.А. Две вершины русской культуры (И.А. Бунин и Ф.И. Шаляпин) // В кн.: И.А. Бунин и его окружение. К 140-летию со дня рождения писателя / Ассоциация «Бунинское наследие». Составители: Т.М. Бонами и др. – М.: Русский импульс. – 2010. – С. 213–244.
3. И.А. Бунин и его окружение: к 140-летию со дня рождения писателя. Составители: Т.М. Бонами, Т.В. Гордиенко, Л.А. Колобаева, Л.А. Ревякина – М.: Русский импульс. – 2010. – 304 с.
4. Гордиенко Т.В. И.А. Бунин и Б.К. Зайцев в Москве и в эмиграции // В кн.: И.А. Бунин и его окружение. К 140-летию со дня рождения писателя / Ассоциация «Бунинское наследие»; сост. Т.М. Бонами и др. – М.: Русский импульс. – 2010. – С. 148–172.
5. Гордиенко Т.В. И.А. Бунин и Андрей Седых: аспекты общения // В кн.: И.А. Бунин и его окружение. К 140-летию со дня рождения писателя / Ассоциация «Бунинское наследие»; сост. Т.М. Бонами и др. – М.: Русский импульс. – 2010. – С. 220–230.
6. Гордиенко Т.В. Детство И.А. Бунина в системе семейных ценностей // В сб. «Европа и современная Россия. Интегративная функция педагогической науки в едином образовательном пространстве: Материалы VII Международной научной конференции, 18 – 19 августа 2010 г., Париж – М.: МАНПО. – 2010. – С. 365–369.
7. Гордиенко Т.В. Литературный секретарь И.А. Бунина / Русский язык за рубежом. – 2010. №1. – С. 89–97.
8. Гордиенко Т.В. «Большая культурная ценность...» (рецензия: И.А. Бунин: Новые материалы. Вып. II / Сост. ред. О. Коростелев и Р. Дэвис. М.: Русский путь, 2010. – 636 с.) // Русский язык за рубежом. – 2012, №4. – С. 111–117.
9. Дмитриев А.В. Бунинская энциклопедия. – Липецк: ООО «Типография «Липецк-Плюс», 2010. – 880 с.

10. Логинова Л.Ю. И.А. Бунин и Н.Д. Телешов. Узы дружбы. // В кн.: И.А.Бунин и его окружение. К 140-летию со дня рождения писателя / Ассоциация «Бунинское наследие»; сост. Т.М. Бонами и др. – М.: «Русский импульс». – 2010. – С. 86–98.
11. Логинова Л.Ю. «...Ты один из самых прекрасных, благородных людей, каких я знал...» / В сб. «Европа и современная Россия. Интегративная функция педагогической науки в едином образовательном пространстве: Материалы VII Международной научной конференции, 18 – 19 августа 2010 г., Париж. – М.: МАНПО, 2010. – С. 369–373.
12. Минаев Д.М. И.А. Бунин: памятники в России и за рубежом (справочник). М.: «Биоинформсервис», 2010. – 96 с.
13. Минаев Д.М. Памятники И.А. Бунину. В сб. «Европа и современная Россия. Интегративная функция педагогической науки в едином образовательном пространстве: Материалы VII Международной научной конференции, 18–19 августа 2010 г., Париж. – М.: МАНПО, 2010. – С. 382–386.
14. Пикулева Г.И. Бунин и Московский художественный театр // В кн.: И.А. Бунин и его окружение. К 140-летию со дня рождения писателя / Ассоциация «Бунинское наследие»; сост. Т.М. Бонами и др. – М.: Русский импульс. – 2010. – С. 245–259.
15. Пречисский В.А. Бунинское наследие в русской и мировой культуре // В сб. «Европа и современная Россия. Интегративная функция педагогической науки в едином образовательном пространстве: Материалы VII Международной научной конференции, 18 – 19 августа 2010 г., Париж. – М.: МАНПО. – 2010. – С. 398–402.
16. Пречисский В.А. Озарённая И.А. Буниным // В кн.: И.А. Бунин и его окружение. К 140-летию со дня рождения писателя / Ассоциация «Бунинское наследие». Состав-

- вители: Т.М. Бонами и др. – М.: Русский импульс. – 2010. – С. 270–277.
17. Пречисский В.А. Судьба архива И.А. Бунина и его ближайшего окружения. В кн.: И.А. Бунин и его окружение. К 140-летию со дня рождения писателя / Ассоциация «Бунинское наследие»; сост. Т.М. Бонами и др. – М.: Русский импульс. – 2010. – С. 278–298.
18. Пречисский В.А. Ассоциация «Бунинское наследие» // В кн.: И.А. Бунин и его окружение. К 140-летию со дня рождения писателя / Ассоциация «Бунинское наследие»; сост. Т.М. Бонами и др. – М.: Русский импульс. – 2010. – С. 299.
19. Ревякина И.А. Из жанровых поисков Бунина-поэта: забытый цикл «Двенадцать стихотворений» // В сб.: Европа и современная Россия. Интегративная функция педагогической науки в едином образовательном пространстве: Материалы VII Международной научной конференции, 18–19 авг. 2010 г., Париж / Ред. кол.: проф. Е.И. Артамонова; проф. М.Я. Виленский. – М.: МАНПО, 2010. – С. 374–377.
20. Ревякина И.А., Пречисский В.А. Бунин вспоминает Ф.И. Шаляпина... // В сб.: Европа и современная Россия. Интегративная функция педагогической науки в едином образовательном пространстве: Материалы VII Международной научной конференции, 18–19 августа 2010 г., Париж / Ред. кол.: проф. Е.И. Артамонова; проф. М.Я. Виленский. – М.: МАНПО, 2010. – С. 378–381.
21. Ревякина И.А. Бунин и Горький: история отношений // В кн.: И.А. Бунин и его окружение. К 140-летию со дня рождения писателя / Ассоциация «Бунинское наследие»; сост. Т.М. Бонами и др. – М.: Русский импульс. – 2010. – С. 125–147.
22. Ревякина И.А. И. Бунин и М. Горький: итальянские образы в мироотношении писателей // Максим Горький: взгляд из XXI века. Горьковские чтения 2008 года: Мате-

- риалы Международной конференции. – Н. Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета, 2010. – С. 123 – 129.
23. Ревякина И.А. От составителей (в соавторстве с др.) // И.А. Бунин и его окружение: К 140-летию со дня рождения писателя / Состав.: Т.М. Бонами, Т.В. Гордиенко, Л.А. Колобаева, И.А. Ревякина. М.: Русский импульс. – 2010. – С. 4–6.
24. Седенкова Л.С. «...вернись на родину, душа»// В сб. «Европа и современная Россия. Интегративная функция педагогической науки в едином образовательном пространстве: Материалы VII Международной научной конференции, 18–19 августа 2010 г., Париж. – М.: МАНПО, 2010. – С. 402–406.
25. Стопани З.Н. Лодка на аллеях парка как общественный абсурд // В сб. «Европа и современная Россия. Интегративная функция педагогической науки в едином образовательном пространстве: Материалы VII Международной научной конференции, 18–19 августа 2010 г., Париж. – М.: МАНПО. – 2010. – С. 406–413.

2011 год

1. Гордиенко Т.В. Наследие великого русского писателя в юбилейных изданиях (к 140-летию И.А. Бунина) // Вестник МАПРЯЛ. – 2011. – №69. – С. 15–18.
2. Гордиенко Т.В. Журналистская и литературная деятельность Ю.А. Бунина // Русский язык за рубежом. – М. – 2011. – № 6. – С. 103–110.
3. Морозов С.Н. Летопись жизни и творчества И.А. Бунина. Т.1 (1870–1909). – М.: ИМЛИ РАН, 2011. – 944 с. илл.

2012 год

1. Гордиенко Т.В. «Брат беллетриста...» // Журналист. – М., 2012. – № 3. – С. 90–93.

2. Гордиенко Т.В. Юлий Бунин: к биографии журналиста // Журналист: социальные коммуникации. – М. – 2012. – №3. – С. 147–156.
3. Гордиенко Т.В. Ю.А. Бунин и московский журнал «Вестник воспитания» // Вестник МГУ: серия «Журналистика». – М. – 2012. – №4. – С. 79–92.
4. Рыльчиков И.В, Хайтулов Е.Д. В поисках бунинской колыбели // газ. «Красное Знамя» – 2012. – №142 (21467). – 14 июля.

2013 год

1. Бонами Т.М. И.А. Бунин и изобразительное искусство. – М.: «Русский импульс». – 2013. – 96 с.
2. Гордиенко Т.В. Юлий Бунин (1857–1921): личность и судьба // Наука, технологии, общество и Нобелевское движение. – Материалы Нобелевского конгресса 10 (юбилейной) Международной встречи-конференции лауреатов Нобелевских премий и нобелистов. 29–31 окт. 2013 г.) / Под ред. В.М. Тютюнника и О.А. Шеиной. – Труды МИНЦ. Вып. 5. Тамбов – М. – Баку – Вена – Гамбург, 2013. – С. 180–194.
3. Минаев Д.М. Елецкая тропа к Бунину. М.: Изд. ООО «ТАСТ». – 2013. – 316 с.
4. Осипова А.Ю. Библиотека им. И.А. Бунина в Москве // Европа и современная Россия. Интегративная функция педагогической науки в едином образовательном пространстве // Мат. X Межд. научн. конф., 10–24 ноября 2013 г., Париж – Лондон – М.: МАНПО. – 2013. – С. 827–836.
5. Пречисский В.А. И.А. Бунин и межрегиональное сотрудничество // Европа и современная Россия. Интегративная функция педагогической науки в едином образовательном пространстве. Мат. X Межд. научн. конф., 10–24 ноября 2013 г., Париж – Лондон – М. – 2013. – С. 837–839.

6. Пречисский В.А. Парижский архив И.А. Бунина как единое целое // Европа и современная Россия. Интегративная функция педагогической науки в едином образовательном пространстве: Материалы X Международной научной конференции, 10–24 ноября 2013 г., Париж – Лондон. – М.: МАНПО. – 2013. С. 101–109.
7. Ревякина И.А. «Рад, что на родине возрастает новое племя, есть смена» (Литературная жизнь 1960-х годов в переписке Б.К. Зайцева) // Русское зарубежье: история и современность: Сб. ст. / РАН. ИНИОН. Центр комплексных исследований российской эмиграции; – М. – 2013. – Вып. 2 / Ред.-сост. вып. Ю.В. Мухачев, Т.Г. Петрова. – С. 221–236.
8. Ревякина И.А. «В дни скорби любим мы нежнее...»: Иван Бунин на Сицилии // Русская Сицилия. Серия «Русская Италия» (*"Italia dei Russi"*) / Науч. ред. и сост. М.Г. Талалай. – М.: «Старая Басманная», 2-е изд., испр. и доп., 2013. – С. 127–136. / Рец.: А. Мартынов Остров – ключ. Московские следы в Средиземноморье // Независимая газета: Ex Libris. – 18.07. 2013.
9. Ревякина И.А. Бунин И.А.: Пути возвращения // Европа и современная Россия. Интегративная функция педагогической науки в едином образовательном пространстве: Материалы X Международной научной конференции, 10–24 ноября 2013 г. Париж – Лондон. – М.: МАНПО. – 2013. – С. 839–844.
10. Рыльщикова И.В., Хайтулов Е.Д. Бунинские Бутырки. // Европа и современная Россия. Интегративная функция педагогической науки в едином образовательном пространстве / Материалы X Международной научной конференции, 10–24 ноября 2013 г. Париж – Лондон. – М.: МАНПО. – 2013. – С. 845–853.
11. Стопани З.Н. Классики в эпоху рыночной демократии, или перед кем провинился Лев Толстой // Европа и современная Россия. Интегративная функция педагогической

науки в едином образовательном пространстве: Материалы X Межд. научн. конференции, 10 – 24 ноября 2013 г., Париж – Лондон. – М.: МАНПО. 2013. – С. 853–863.

2014 год

1. Гордиенко Т.В. «Полтавские губернские ведомости» и «Хуторянин» в 1895–1896 гг.: характеристика содержания и направленности // Журналистика в 2013 году: Регионы в российском медиапространстве / Материалы международной научно-практической конференции. Москва 7–9 февр. 2014 г.), фак. журн. МГУ. – 2014. – С. 376– 377.
2. Гордиенко Т.В. К истории литературного и общественно-политического журнала «Путь»: деятельность И.А. и Ю.А. Буниных // В сб. Бунинские чтения в Орле-2013. Материалы научной конференции, посвященной жизни и творчеству И.А. Бунина. Орел. – 2014. – С. 24–31.
3. Рыльщикова И.В., Хайтулов Е.Д. О местонахождении хутора Бутырки // В сб. Бунинские чтения в Орле-2013. Материалы научной конференции, посвященной жизни и творчеству И.А. Бунина. Орел. – 2014. – С. 10–18.

ЧАСТЬ II. ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ

*Здесь, в старых переулках
за Арбатом, совсем особый
город...*

И.А.Бунин

И.А. Бунин — в Москве, на Поварской!

Краткая хроника создания памятника

В.А. Пречиский

22 октября 2007 г. по инициативе Ассоциации «Бунинское наследие» в Москве, на Поварской улице, состоялось торжественное открытие памятника великому русскому писателю и поэту Ивану Алексеевичу Бунину работы скульптора Александра Бурганова.

И дата, и место установки памятника далеко не случайны! В этот день 22 октября в 1870 г. родился И.А. Бунин. В доме № 26 на Поварской улице Иван Алексеевич проживал вместе со своей супругой Верой Николаевной Муромцевой-Буниной.

Бунин ценил Москву, с любовью писал о ней. И его здесь любили и ценили. Академия не раз увенчивала Пушкинской премией сборники его оригинальных, талантливых стихотворных произведений, а в 1909 г. И.А. Бунин был избран почётным академиком по разряду изящной словесности.

Когда ему пришлось покинуть Родину, не верилось, что это навсегда. Мировое признание, звание Нобелевского лауреата, 75 лет тому назад впервые присуждённое писателю из России, не могло заглушить боль оторванности от родных, близких сердцу мест, – ведь он был истинно русским писателем, блистательным и самобытным. Об этих своих переживаниях сам Бунин говорил и в своей Нобелевской лекции 10 декабря 1933 г.

Ассоциация «Бунинское наследие» давно добивалась установки памятника И.А. Бунину в Москве. Основатель Ассоциации, внучатая племянница [троюродная, дополнено составителем] писателя Галина Ивановна Пречисская и мы, её сподвижники, в течение многих и многих лет неоднократно обращались к официальным органам, ко многим скульпторам.

В далёком 1992 г. наша Ассоциация стала коллективным членом Международного фонда славянской письменности и культуры. Тогда же состоялись неоднократные встречи с главой фонда – скульптором В.М. Клыковым, который живо откликнулся на мечту, высказанную Галиной Ивановной, и увлечённо стал работать над памятником И.А. Бунину для Москвы.

В январе 1993 г. Ассоциация выступила с инициативой и направила в Министерство культуры РФ подробную программу проведения 125-летия со дня рождения И.А. Бунина в 1995 г. Одним из пунктов программы было сооружение памятника писателю в Москве. Поскольку в Минкульте нам разъяснили, что решение должно быть «свыше», были посланы письма с приложенными документами на имя Председателя Совмина РФ (от 30.03.1993 г.), Президента России (от 10.09.1993 г., № БН-50-93) и Председателя Верховного Совета РФ (от 10.09.1993 г., № БН-51-93).

Только благодаря нашей Ассоциации, после преодоления невероятных трудностей, установлены две примечательные мемориальные доски. Одна – в Москве,

на доме по ул. Поварской, где проживал писатель: этот дом взят под охрану как памятник истории и культуры. Другая (по инициативе и под руководством главы петербургской организации Г.Н. Манчука) – в Петербурге на здании бывшего “Кредитного общества”, где впервые выступал И.А. Бунин.

Однако со скульптурным памятником Бунину в Москве вопрос никак не решался. В результате скульптура В.М. Клыкова была установлена в городе Орле. (Правда, сам скульптор сожалел, что первоначально запланированное им и архитектором место установки памятника было изменено орловскими властями, что несколько исказило творческий замысел).

Нам же в вышестоящих сферах разъяснили, что реализация нашей мечты о памятнике писателю в столице России зависит не от общероссийских, а только от московских властей и соответствующих организаций. Началась новая серия официальной переписки.

На наши обращения прямых отказов не было, но постоянно следовали обоснования, что для решения вопроса о памятнике И.А. Бунину в Москве «в данный момент возможностей не имеется, следует вернуться к нему позже». Это сохраняло надежду, а время шло ... Не дожидаясь своей мечты её инициатор – Галина Ивановна Пречиская. Но ассоциация «Бунинское наследие» считала своим долгом добиться положительного результата.

Мы неоднократно слышали: найдите средства для сооружения памятника, и вопрос будет решён очень быстро! В разное время Ассоциация обращалась за возможной спонсорской поддержкой к весьма и весьма «небедным» организациям. Письма направлялись и передавались персонально их руководителям: председателю Совета директоров Объединения кредитно-финансовых предприятий М.Б. Ходорковскому (письма от 24.03.1992 г., 26.02.1993 г., 04.06.1993 г.), а так-

же председателю совета директоров УКБГ «СБС-АГРО» А.П. Смоленскому, председателю Правления РАО ЕЭС России А.Б. Чубайсу, президенту холдинга «Интеррос» В.О. Потанину, президенту ОНЭКСИМ-банка М. Прохорову, президенту ИНКОМБАНКА В.В. Виноградову и многим другим.

Не откликнулся никто!!!

Шли годы. Памятники И.А. Бунину уже стояли в Орле, Ельце, Воронеже, даже во Франции, в городе Грасе, неподалёку от виллы «Бельведер», которую снимали Бунины!

В Москве же вопрос с памятником не решался ...

Из многочисленных писем и документов сошлюсь только на некоторые из них, отправленные и полученные в ответ в заключительный период нашей борьбы за установку в Москве памятника И.А.Бунину.

Из письма Ассоциации «Бунинское наследие» и общественного объединения «Музей Человека» (от 20.11.2001, №БН-18-01):

В комиссию по монументальному искусству г. Москвы.

Обращаемся к Вам с убедительной просьбой об установлении в Москве памятника всемирно признанному писателю Ивану Алексеевичу БУНИНУ – лауреату Нобелевской и Пушкинских премий по литературе.

В 2003-м году исполнится 70 лет, как И.А. Бунин первым из русских писателей был удостоен высокой Нобелевской награды, а также 50 лет со дня его кончины.

Многие и многие годы его личной и творческой биографии были связаны с Москвой. В своих произведениях Иван Алексеевич Бунин писал об Арбате, Плющихе, соборах Кремля, неповторимых московских уголках. В Москве издавались его книги. В Москве сложились его дружеские отношения с С. Рахманиновым, К. Ста-

ниславским, Ф. Шаляпиным, М. Горьким и еще многими деятелями русской культуры, взаимно уважительные отношения с Л. Толстым.

Скульптурное изображение писателя наиболее целесообразно установить в самой «бунинской» части Москвы – в центре города рядом с Арбатом, а именно, в скверике на углу Поварской улицы и Борисоглебского переулка. Скверик со столетним вязом еще помнит писателя, поскольку находится всего в нескольких десятках метров от дома № 26 по Поварской улице, где И.А. Бунин проживал вместе с женой Верой Николаевной Муромцевой. На этом доме, поставленном на государственную охрану по инициативе и при непосредственном участии ассоциации «Бунинское наследие» Правительством Москвы была открыта мемориальная доска к 125-летию писателя.

Как писал сам Иван Алексеевич Бунин: «Здесь, в старых переулках за Арбатом, совсем особый город...»

Уверены, что эта гуманная акция по увековечению памяти великого писателя – гордости России – будет иметь большое патриотическое значение для всех, кому дорога наша отечественная культура.

Протоколом №11 заседания указанной Комиссии от 18 декабря 2001 г. единогласно принято решение о включении предложения о возведении памятника писателю И.А. Бунину в «Перечень предложений ...» для утверждения Московской городской думой.

В адрес Ассоциации «Бунинское наследие» Комиссией по монументальному искусству ответ был направлен значительно позже – письмом от 20.09.2002 г., № 8-21-310/2, с долгожданным положительным решением:

«Уважаемый г-н В.А. Пречисский!

Сообщаю Вам, что Ваше предложение о возведении в Москве памятника писателю И.А. Бунину включено в Перечень предложений о возведении произведений монументально-декоративного искусства городского

значения. Направляю Вам для сведения постановление Московской городской Думы от 10 июля 2002 года № 219».

В указанном Постановлении Московской городской Думы из девяти внесённых предложений под номером три стояло возведение памятника И.А. Бунину, с выделением из городского бюджета для него суммы в 10 млн. рублей!

Опираясь на это Постановление, полные надежд, мы направили следующее письмо в Комитет по культуре, от которого теперь зависел дальнейший ход работ по памятнику:

31.10.2002 г., № БН-07-02

*Председателю Комитета по культуре
Правительства Москвы ХУДЯКОВУ С.И.*

Уважаемый Сергей Ильич!

Мы с глубоким удовлетворением и радостью восприняли известие о том, что в результате обоснованного ходатайства нашей Ассоциации <...> Московская Городская Дума своим Постановлением от 10 июля 2002 г. №219 дополнила Перечень предложений о возведении произведений монументально-декоративного искусства городского значения, включив в него и позицию о возведении памятника писателю И.А. Бунину.

Упомянутым Постановлением предусматривается проведение открытого конкурса проектов памятника И.А. Бунину в Москве. Как нам сообщили в Комиссии по монументальному искусству г. Москвы, дальнейшая работа по этому Постановлению будет осуществляться Комитетом по культуре Правительства Москвы.

Хотелось бы решить эти вопросы по возможности в ближайшее время, имея в виду, что в 2003 году будут отмечаться две знаменательные даты, связанные с биографией писателя: 50 лет со дня его кончины (ноябрь) и 70 лет со дня присуждения ему Нобелев-

ской премии по литературе (первому из русских писателей).

Будем рады оказывать содействие на всех этапах работ по созданию памятника И.А. Бунину. Просим Вас о встрече с Вами для обсуждения данного вопроса.

Президент Ассоциации

Пречисский Владимир Антонович

Ученый секретарь Ассоциации

Музылёва Татьяна Ивановна,

внучатая племянница И.А. Бунина»

О своей готовности к участию в открытом конкурсе на создание памятника нам говорили многие известные скульпторы.

Тем не менее на протяжении последовавших трёх лет конкурса не объявляли, несмотря на наши неоднократные «заходы» в различные инстанции, на поддержку наших обращений депутатами городской Думы.

Учитывая сложившуюся ситуацию, Мэру Москвы Ю.М. Лужкову было направлено письмо от Ассоциации (от 28.10.2005 г., № БН-03-05) следующего содержания:

*О сооружении памятника И.А. Бунину в Москве
Глубокоуважаемый Юрий Михайлович!*

Принимая во внимание значимость творчества писателя И.А.Бунина для русской и мировой литературы, Московская городская Дума, поддержав обращение Ассоциации «Бунинское наследие», приняла 10 июля 2002 года постановление № 219 о включении сооружения памятника И.А.Бунину в сквере на углу Поварской улицы и Борисоглебского переулка (район Арбат, ЦАО) в перечень произведений монументального искусства, намеченных к сооружению в Москве с финансированием проектных и проектно-строительных работ за счет бюджета города.

В 2003 году по обращению депутата МГД Москвина-Тарханова М.И. Вами было принято решение вернуться к рассмотрению вопроса о сооружении памятника И.А. Бунину в 2005 году (письмо Л.И. Швецовой от 03.07.2003г. № 4-19-8694/3).

В Москве в последние годы уже установлены памятники С.В. Рахманинову и Ф.И. Шаляпину, которые, как и И.А. Бунин, принадлежат к деятелям культуры мирового масштаба с общей судьбой вынужденных эмигрантов, никогда не отказывавшихся от своей исторической Родины.

Ассоциация “Бунинское наследие” обращается к Вам, уважаемый Юрий Михайлович, с просьбой поручить подготовить решение Правительства Москвы о сооружении памятника лауреату Нобелевской премии Бунину И.А. в городе Москве в 2006-2007 гг. 22 октября с.г. исполнилось 135 лет со дня рождения писателя. Просим Вас поручить Москомархитектуре провести в 4-м квартале и в счет бюджета текущего года конкурс среди скульпторов, у которых уже разработаны проекты (модели) памятника И.А.Бунину (Бурганов А.Н., Ковальчук А.Н., Рукавишников А.И., Уваров О.А.). Это был бы первый шаг в реализации важного для культурного наследия Москвы проекта.

Просим Вашей поддержки.

*Президент Ассоциации “Бунинское наследие”
д.т.н., профессор, академик Международной
академии наук высшей школы*

В.А. Пречисский

Данное обращение было поддержано председателем Комитета Госдумы РФ по культуре И.Д. Кобзоном (письмо от 22.11.2005 г., №326-29/963 Мэру г. Москвы Ю.М. Лужкову).

Главный специалист отдела охраны художественного наследия Комитета по культуре города Москвы телефонным звонком мне 12 января 2006 г. уведомила, что

по поручению Мэра Москвы готовится соответствующее Распоряжение. Конкурс так и не был организован. Скульптор Бурганов А.Н. в своём письме (от 01.02.2006 г., № 18-0) на имя Мэра Москвы предложил «принять безвозмездно в дар городу Москве» изготовленный им памятник И.А. Бунину.

Ассоциация “Бунинское наследие” (письмо Мэру Москвы от 12.04.2006, № БН-02-06) поддержала эту инициативу и с удовлетворением отметила: «Совместно со скульптором А.Н. Бургановым нами проведена большая работа по уточнению иконографии великого русского писателя. Надеемся, что дар А.Н. Бурганова ускорит реализацию сооружения памятника».

Комитет по культуре города Москвы, ссылаясь на поручение (от 17 апреля 2006 г.) Мэра Москвы Ю.М. Лужкова, направил письмо (от 31 мая 2006 г., № 01-09-04/6) председателю Комиссии по монументальному искусству при Московской Городской Думе С.Г. Петрову. В письме сообщалось, что Правительством Москвы поддержано предложение Народного художника России, академика Российской академии художеств, профессора А.Н. Бурганова о передаче им в дар городу для установки скульптуры И.А. Бунина, выполненной в бронзе. Выражена просьба *«рассмотреть вышеуказанное предложение на ближайшем заседании Комиссии 13 июня 2006 г.»*.

К письму приложено положительное заключение независимой искусствоведческой экспертизы.

Комиссия по монументальному искусству при Московской городской Думе выполнять эту просьбу не торопилась, выставляя по очереди одно требование за другим.

Поскольку автором выбранного проекта являлся профессор А.Н. Бурганов (член Комиссии), первым условием был выход А.Н. Бурганова из состава Комиссии, что было выполнено. Затем председатель Комиссии С.Г. Петров потребовал заново согласовать установку памят-

ника с муниципальным Собранием муниципального образования Арбат, хотя положительное решение (от 20 февраля 2002 г., № РС-4) Собрания района Арбат о памятнике Бунину уже направлялось в Комиссию письмом от 14 марта 2002 г., № И-281А. Новое положительное решение Собрания представлено в Комиссию выпиской из протокола № 11 от 29.11.2006 г.

После этого Комиссией было предъявлено следующее требование – о необходимости проведения встречи с представителями жителей района «Поварская слобода». Указанная встреча, после оповещения всех жителей, была проведена 22 января 2007 г. Представленный проект памятника И.А. Бунину и место его размещения в сквере на Поварской улице единогласно одобрены жителями. Высказано дополнительное пожелание – осуществить благоустройство сквера в соответствии со значением самого памятника. Официальный протокол состоявшейся встречи немедленно был передан Комиссии.

И лишь письмом от 7 февраля 2007 г., № 0884-45-335/07-01 председатель Комиссии направил нам копию протокола №1 заседания Комиссии по монументальному искусству при Московской городской Думе от 23 января 2007 года.

В данном протоколе отражены пять основных пунктов повестки дня, в которых изложены вопросы о возведении в Москве следующих памятников или скульптурных композиций:

1. *Володе Шарапову, герою кинофильма «Место встречи изменить нельзя»,*

2. *«Сыну полка»,*

3. *Маршалу А.М. Василевскому,*

4. *Академику Б.В. Петровскому,*

5. *Выдающемуся писателю, поэту,*

журналисту А.Т. Твардовскому.

Приведём дословно следующий за ними заключительный пункт протокола (в разделе «Разное»).

«6. Разное: Комиссия поддерживает предложение по установке памятника И.А. Бунину в сквере на Поварской улице, передаваемого в дар городу Москве скульптором А.Н. Бургановым, учитывая положительное решение представителей жителей домов микрорайона «Поварская слобода».

После всех этих многолетних изматывающих перипетий достаточно быстро вышло долгожданное Распоряжение Правительства Москвы от 23 июля 2007 г. № 1552 – РП, подписанное Мэром Москвы Ю.М. Лужковым:

«В целях увековечения памяти выдающегося российского писателя, лауреата Нобелевской премии И.А. Бунина, внёсшего крупный вклад в отечественную и мировую литературу, а также в связи с ходатайством Ассоциации «Бунинское наследие» – общественного объединения, поддержанным Комитетом по культуре города Москвы, Комитетом по архитектуре и градостроительству города Москвы и Комитетом по культурному наследию города Москвы:

1. Установить в 2007 г. памятник И.А. Бунину в сквере на Поварской улице по проекту скульптора А.Н. Бурганова и архитектора В.В. Пасенко.

2. Принять к сведению, что:

2.1. Учреждение культуры Музей классического и современного искусства «Бурганов-центр» передаст в дар городу Москве для установки скульптуру памятника И.А. Бунину в бронзе работы Народного художника России А.Н. Бурганова.

2.2. Ассоциация «Бунинское наследие» – общественное объединение – заключит договор с техническим заказчиком на разработку проектно-сметной документации, изготовление гранитных архитектурных деталей, выполнение строительных работ по установке памятника, благоустройству площадки у памятника и обеспечит привлечение внебюджетных средств для финансирования вышеуказанных работ. <...> ».

Бронзовую скульптуру И.А.Бунина подарил городу Москве её автор, Александр Николаевич Бурганов, который в 1995 г. поставил памятник писателю в Воронеже – городе, где родился И.А. Бунин. Огромную работу проделал «Бурганов-центр» по всему комплексу работ, связанных с сооружением памятника на Поварской улице.

Мы чрезвычайно благодарны, что в ответ на обращение Ассоциации (письмом от 24 июля 2007 г., № БН-09-07) за спонсорской помощью для оплаты расходов по изготовлению монолитного гранитного пьедестала монумента и других необходимых работ свой вклад внесло ЗАО «Объединение ИНГЕОКОМ». Благодаря этому взносу удалось не сорвать запланированные Ассоциацией сроки и открыть в Москве памятник И.А. Бунину в день его рождения – 22 октября 2007 г.

Генеральному директору этой фирмы М.А. Рудяк нашей Ассоциацией было направлено благодарственное письмо (от 20 дек. 2007 г., № БН-11-07).

Когда возведение памятника подошло к завершению, в Правительство Москвы было направлено наше соответствующее предложение.

08 октября 2007 г.

№ БН-10-07

*Первому заместителю Мэра Москвы
в Правительстве Москвы Л.И. Швецовой*

Уважаемая Людмила Ивановна!

С чувством большого удовлетворения сообщаем, что работы по возведению памятника И.А. Бунину на Поварской улице завершаются. Особенно приятно, что это знаменательное для Москвы и всей России событие совершается в Год русского языка и в преддверии 75-летия присуждения И.А. Бунину Нобелевской премии. Предлагаем провести торжественное открытие

памятника в день рождения писателя – 22 октября сего года, в 13 часов дня.

Кроме российских и московских учреждений и организаций, просим направить официальные приглашения на церемонию открытия памятника И.А. Бунину в Посольства следующих стран:

– Франции (где И.А. Бунин похоронен и проживал с 1920 года по 1953 год);

– Великобритании (где хранится полный личный архив И.А. Бунина и его жены);

– Швеции (чья Академия присудила И.А. Бунину Нобелевскую премию);

– Шри-Ланки (где собираются открыть музей И.А. Бунина в честь посещения писателем этой страны);

а также проживающим в Москве потомкам рода И.А. Бунина:

– Музылёвой Татьяне Ивановне, внучатой племяннице писателя, члену правления ассоциации «Бунинское наследие»;

– Музылёву Кириллу Никитовичу, сыну Музылёвой Т.И.;

– Пережогой Ольге Владимировне, правнучатой племяннице писателя, члену правления ассоциации «Бунинское наследие»;

– Пережогой Анне Алексеевне, дочери Пережогой О.В.»

Торжественное открытие памятника состоялось при очень большом стечении народа и представителей различных организаций. Присутствовали потомки рода Бунина. От административных кругов присутствовали члены Правительства столицы, а также руководители и члены департаментов и комитетов Правительства Москвы, депутаты Государственной и Московской городской Думы, главы и представители префектуры и районной управы Арбат, принцесса Шри-Ланки.

Традиционная лента была перерезана и покрывало снято с памятника под звуки Государственного гимна России.

Было зачитано приветствие Министра культуры России А.С. Соколова. Выступили тогда первый заместитель мэра в Правительстве Москвы Л.И. Швецова, председатель Комитета Госдумы РФ по культуре И.Д. Кобзон, председатель Союза писателей России В.Н. Ганичев, президент Ассоциации «Бунинское наследие» В.А. Пречисский.

Выступления завершились исполнением «Второго концерта для фортепиано с оркестром» С.В. Рахманинова, друга И.А. Бунина. Вёл церемонию открытия памятника руководитель Департамента культуры города Москвы С.И. Худяков.

Отныне и в Москве, к удовлетворению и радости всех почитателей его творчества, есть памятник Ивану Алексеевичу Бунину – писателю, поэту и человеку, никогда не кривившему душой!

Пусть этот памятник олицетворяет слова писателя: *«Будем служить людям Земли и Богу вселенной, – Богу, которого я называю Красотой, Разумом, Любовью, Жизнью, и который проникает всё сущее».*

Февраль 2008 г.

Впервые опубликовано:

Пречисский В.А. К истории установления памятника И.А. Бунину в Москве // В кн.: Бунинские чтения в Орле-2008 / Материалы Всерос. научной конференции, посвящ. 75-летию присуждения писателю Нобелевской премии. – Орёл. – 2009. – С. 110–119.

Разве можем мы забыть родину? Может человек забыть родину? Она – в душе. Я очень русский человек. Это с годами не пропадает.

Иван Бунин

Мой путь в ассоциацию «Бунинское наследие»

Г.А.Шальнова

И.А. Бунин в Ельце. Когда Ваню Бунина из деревни привезли в Елец для поступления в гимназию, его определили жить и столоваться у моего прадедушки Михаила Павловича Бякина. Здесь он он провёл два первых гимназических года.

Отец поместил его в нахлебники к мещанину Бякину за 15 рублей в месяц на всём готовом. Там они уже застали приехавшего накануне незаконного сына двоюродного племянника Людмилы Александровны Валентина Николаевича Рышкова, Егорчика Захарова, и Ваня обрадовался, что всё-таки он будет не совсем один. Когда он бывал у бабушки в Озёрках, где у Рышковых тоже было имение, напротив через пруд, то он часто с ним играл.

Хозяин был богобоязненный человек, семья тогда состояла из жены, сына – гимназиста 4-го класса, и

М.П. Бякин (в центре) с женой Мариной Дмитриевной. Крайние справа: его дочь Наталия Михайловна (моя бабушка, в 1-м ряду) и Иван Митрофанович Иншаков (мой дедушка сзади). Фото начала 1900 гг.

двух девочек, очень тихих. Из дневниковых записей И.Бунина:

«В начале августа (мне 10 лет 8 мес.) выдержал экзамен в первый класс Елецкой гимназии. С конца августа жизнь с Егорчиком Захаровым (незаконным сыном мелкого помещика Валентина Ник. Рышкова, нашего родственника и соседа по деревне «Озерки») у мещанина Бякина на Торговой ул. в Ельце. Мы тут «нахлебники» за 15 рубл. с каждого из нас на всем готовом» [1].

Из стен Елецкой гимназии приблизительно в одну эпоху вышли Нобелевский лауреат Бунин, певец природы М. Пришвин, духовный провидец Булгаков, композитор Хренников и много других, творчество которых обогатило культурное наследие России.

Правда, некоторые из перечисленных людей оставили гимназию досрочно. М. Пришвина, например, само-

лично выгнал философ Василий Розанов (за нарушение дисциплины), преподававший в те времена географию. А Бунин проучился в гимназии только 4 года и доучивался дома под руководством своего брата.

Вот что писала об этом времени Инна Костомарова в книге-альбоме «Вернись на Родину, душа...»:

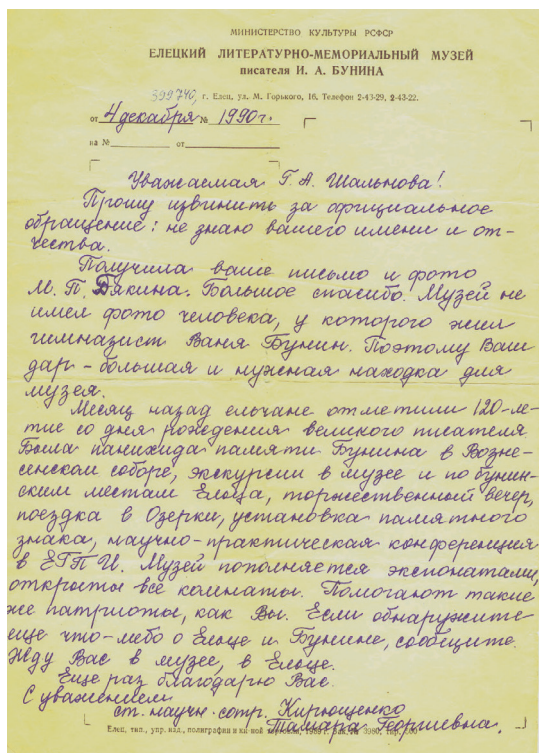
«С десятилетнего возраста он (И.А. Бунин – Г.А.Ш.) был определён в «нахлебники» к мещанину Бякину, человеку крепких национальных устоев, гордившемуся Россией и всем русским, преклонявшемуся перед поэзией Кольцова и Никитина. Атмосфера дома Бякина определила в дальнейшем интерес к талантливым людям «из народа» и дала возможность писателю познать быт мещан как одного из сословий России...».

«В доме был заведен строгий порядок, отец всю семью держал в ежовых рукавицах, был человек наставительный, неразговорчивый, требовательный. И Ване было очень странно попасть к таким людям после их свободного беспорядочного дома. Первый день был особенно темный от низких туч, и когда отец уехал, то было грустно сидеть в чужой комнате в полутьме, но лампы зажечь раньше положенного времени не полагалось. Запомнился на всю жизнь и первый ужин, состоявший из похлебки, рубцов с соленым арбузом и крупеня. Ваня не мог из-за запаха есть рубцов и ел только соленый арбуз, который ему нравился.

Бякин заметил и строго сказал:

– Надо, барчук, ко всему привыкать, мы люди простые, русские, едим пряники неписанные, у нас разнослов нету...

И эти слова Ваня запомнил на всю жизнь, почувствовав, что Бякин очень гордится своей русскостью. И чем дольше жил у них, тем больше понимал, как Бякин любит Россию и гордится ею. Любил он и стихи, иногда заставлял мальчиков декламировать разных поэтов, гордился, что Никитин и Кольцов были

Письмо мне из Елецкого дома-музея Бунина.

мещанами: «Наш брат, мещанин, земляк наш!» – не раз повторял он. Уважал просвещение, сына отдал в гимназию.

Как часто отрицательные события в жизни оказываются полезными, особенно если они встречаются в жизни будущих писателей.

Не живи Ваня в чуждой ему среде в первые годы гимназии, не узнал, не почувствовал бы до конца мещанского быта, не понял бы и мещан по-настоящему. Он всегда говорил, что мещане очень талантливы, предприимчивы, деловиты и что на них главным образом держалось благосостояние России. Были у них и свои нерушимые законы. В этом сословии жила не только любовь к России, но и гордость ею. Конечно, не все

были в Ельце Бякины, не все были честны и принципиальны, но все же удачно, что именно к Бякину попал Ваня», – пишет В.Н. Муромцева в книге «Жизнь Бунина»[2].

Годы жизни в Ельце были очень нелегки: бедность, жизнь в семье мещанина Бякина, полуказарменные порядки в провинциальной гимназии. В доме Бякина он познакомился с творчеством поэтов И.С. Никитина и А.В. Кольцова.

Став взрослым, Бунин иначе оценил елецкий период в своей жизни (тема памяти является важной в творчестве писателя), отдав дань не только житейскому опыту, приобретённому там: он всю жизнь проявлял живой интерес к творчеству поэтов «из народа» и посвятил им несколько статей. Простая и сильная поэзия оказала влияние на поэтические опыты юного Бунина.

В стороне от дороги, под дубом,
Под лучами палящими спит
В зипунишке, заштопанном грубо,
Старый, нищий, седой инвалид...

«Деревенский нищий», 1887 г.

И.А. Бунин в материалах к биографии писал, что у мещанина Бякина было две дочери – Маня и Наташа (моя бабушка – Г.Ш.). Много десятилетий спустя в конце XX столетия, когда уже не стало моей мамы, я обнаружила в архиве фотографию её деда – М.П. Бякина.

Спустя некоторое время я услышала по радио, что в Ельце открылся первый музей И.А. Бунина (в Орле музей И.А. Бунина открыли позднее). Я послала в Елец фотографию своего прадеда с оговоркой, что, может быть, она пригодится музею. В ответ получила благодарственное письмо, в котором сообщалось, что искали, но до сих пор не нашли фото М.П. Бякина, и вот теперь оно у них есть. В письмо они вложили вырезку из местной газеты, где сообщалось о моей посылке, и выражалась мне благодарность за эту фотографию.

Из текста заметки: *«Когда гимназист Иван Бунин учился в Елецкой гимназии, то жил на квартире М.П. Бякина. Подлинная фотография горожанина, приютившего будущего писателя, передана в дар музею И.А. Бунина правнучкой М.П. Бякина – москвичкой, профессором Г.А. Шальной. Ее мать – уроженка Ельца»* (газ. «Красное знамя», 1990 г.)

Позднее моя троюродная сестра, орловчанка, подарила музею фотографию группового портрета семьи М.П. Бякина. И теперь обе фотографии экспонируются в первом зале Елецкого музея И.А. Бунина.

Дом М.П. Бякина находился на Торговой улице (сейчас её часто называют «Елецким Арбатом», одной из центральных улиц Ельца. Богатые купцы строили здесь свои особняки, и первые этажи отдавались под магазины и лавки. *«Запах пекарен и железных крыш, мостовая на Торговой улице, чай, булки и персидский марш в трактире «Карс»... политые из чайников полы в лавках, запах рыбного ряда, укропа, романовской махорки»* – так писал о ней Иван Бунин в своей повести «Деревня». К сожалению, дом Бякина не сохранился.

Помимо дома «неласкового мещанина Бякина» Иван Бунин за годы своего обучения в гимназии жил ещё в двух домах. В списке учеников, живущих не у родителей или близких родственников, составленном на 1 сентября 1884 г., значится, что Иван Бунин, ученик 3«Б» класса, жил у мещанки А.О. Ростовцевой – Рождественская ул., д. Высотского, №74; поступил на квартиру 16 августа 1883 г. В этом доме (дом Ростовцевой) теперь мемориальный музей И. Бунина.

Ассоциация «Бунинское наследие». История эта имела продолжение. Спустя некоторое время я получила письмо от Галины Ивановны Пречисской (урождённой Хвостовой), троюродной внучатой племянницы И.А. Бунина, в котором говорилось, что существует ассоциация «Бунинское наследие». Автор этого письма

оказалась президентом Ассоциации. Ей сообщили обо мне работники Елецкого музея И.А. Бунина.

Г.И. Пречисская, инженер-электромеханик, выпускница Московского энергетического института, замечательная женщина, энтузиаст, очень энергичная, удивительно контактная, восторженная и деловая, с лучистыми сияющими глазами и добрейшей улыбкой. Благодаря ей Ассоциация сумела добиться многого. Она предложила мне вступить в Ассоциацию. Я, конечно, согласилась. С тех пор я – действительный член ассоциации «Бунинское наследие». Мы часто собираемся, обсуждаем насущные вопросы, встречаемся с интересными людьми, имеющими то или иное отношение к творчеству И.А. Бунина, отмечаем знаменательные даты И.А. Бунина, организуем концерты, на которых выступают артисты с чтением произведений Ивана Алексеевича, певцы исполняют произведения на его стихи.

В Ассоциацию входят люди различных специальностей: словесники, художники, скульпторы, артисты, учёные, композиторы.

Группа членов ассоциации «Бунинское наследие» у мемориальной доски И. Бунину на Поварской (дом №26) в Москве, где жил И.А. Бунин перед эмиграцией. На переднем плане третья слева Г.И. Пречиская, четвертая – Г.А.Шальнова. Октябрь 1996 г.

По инициативе Ассоциации и при её активном непосредственном участии проводятся разные мероприятия, направленные на сохранение памяти и увековечении имени И. Бунина. Некоторые члены Ассоциации работают над изданием полного собрания сочинений писателя (несколько томов уже увидели свет).

По инициативе Ассоциации, библиотеке №44 Пресненского района Москвы присвоено имя И. Бунина – естественно, после многолетней переписки и переговоров с различными административными органами Москвы. Открытие библиотеки – после ремонта и оборудования помещений, создания «Бунинского зала» – состоялось 15 декабря 2004 г. В этой библиотеке оборудована Бунинская комната (сейчас библиотека – это наша штаб-квартира, где происходят заседания, встречи и т.д.).

Одним из старейших (не по возрасту) членов Ассоциации является музыкант, композитор Юрий Михайлович Клепалов. Он – виртуоз-балалаечник, замечательный исполнитель различных по форме и содержанию произведений, автором многих из которых он является. Совершенно необыкновенно звучит его пьеса «Колокола». Действительно, вы слышите колокольный звон. Юрий Михайлович написал много романсов на стихи И.А. Бунина, вышли сборники и диск этих произведений. Их прекрасно исполняет на наших встречах невестка Юрия Михайловича под аккомпанемент Клепаловых – отца-балалаечника и его сына-гитариста. Таким образом образовался ансамбль-трио «Серебряные струны», который с успехом выступает на гастролях по стране и за рубежом. По ходатайству Ассоциации Ю.М. Клепалову присвоено звание «Заслуженный артист России».

Ассоциацией выполнено ещё много других важных и не менее значительных дел. Галина Ивановна Пречис-

ская была душой и сердцем Ассоциации. К великому сожалению, в 1999 г. она скончалась после непродолжительной, но тяжёлой болезни. Это был ужасный, непоправимый удар. Член Ассоциации Г.К. Деев написал стихи в связи с кончиной Галины Ивановны, выразив чувства всех знавших её.

Какое сердце биться перестало,
Какой источник доброты угас,
Так много нам она не досказала,
Удар судьбы – её уж нет средь нас.

Она себя всецело посвятила
Родному Бунину и памяти о нём,
Стихи и прозу в душах освятила,
Неистово трудилась день за днём.

Переживала тяжело неудачи
И радостно сияла от побед.
И не могла обидчикам дать сдачи,
Друзьям же слала искренний привет.

Померк лучистый взгляд
С улыбкой бесподобной.
И нет пути назад –
Искать его бесплодно...

Ассоциация «Бунинское наследие» и Международная академия наук педагогического образования организовали и успешно провели в 2008 г. экскурсионную поездку по бунинским местам: Москва – Орёл – Елец – Озёрки – Ефремов – Москва. Поездка была посвящена 78-летию присуждения И.А. Бунину Нобелевской премии.

Я в числе участников поездки смогла посетить Бунинские музеи, где мы встретились с их директорами. 29 января 2009 г. прошёл тематический вечер на тему «Иван Алексеевич Бунин и его окружение». Вступительное слово сделала Л.С. Седенкова – тогда директор библиотеки им. И.А. Бунина в Москве.

В октябре 1999 г. члены ассоциации посетили Париж и его предместья. К могиле И.А. Бунина на Русском кладбище в Сент-Женевьев де Буа участников повела Мария Ивановна Лифарь... Ещё одна поездка во Францию состоялась в 2010 г.

Ассоциация выступила в качестве соучредителя Всероссийской научно-практической конференции в честь 80-летия со дня вручения Ивану Алексеевичу Бунину Нобелевской премии (2013). Конференция проводилась на базе Московского государственного областного университета.

Литература

1. Устами Буниных. Дневники И.А. Бунина и В.Н. Муромцевой. М. Грин (состав. и ред.). Т. 1–3. Франкфурт-на-Майне: «Посев». – 1977–1982.
2. В.Н. Муромцева-Бунина. Жизнь Бунина (1870 – 1906). Париж. 1958.

Впервые опубликовано:

Шальнова Г.А. И.А. Бунин в Ельце // В кн.: Виденное и пережитое (люди, судьбы, время, встречи, нравы) – М.: 2009. – С. 312 – 322.

И.В. Рыльщик

Е.Д. Хайтулов

В поисках бунинской колыбели

И.В. Рыльщик и Е.Д. Хайтулов

Указатель ведёт не туда. Считается, что хутор Бутырки находился примерно в 2–3 км от юго-восточной окраины деревни Озёрки Становлянского района Липецкой области. Ныне у дороги, ведущей к предполагаемой бунинской усадьбе, стоит указатель, а на месте, где якобы был дом будущего нобелевского лауреата, имеется памятный знак – православный крест.

Однако, на наш взгляд, указатель ведёт вовсе не на хутор Бутырки (где рос маленький Ваня Бунин), а в деревню, некогда носившую созвучное название – Бутырские Выселки. Несмотря на схожесть имён, это совершенно другой населённый пункт. А значит, и бунинского дома, где великий писатель провёл первые годы жизни, там никогда не могло быть. Попробуем объяснить почему.

Истоки ошибки. Поиск нахождения хутора Бутырки в 80-х годах прошлого века вели сотрудники Елецкого государственного педагогического института (ЕГПИ). Увы, в то время у них не было возможности изучать то-

пографические карты XIX в. (доступ к ним был ограничен) и уж тем более сопоставить эти карты с современными спутниковыми данными. То, что сегодня можно легко проделать с помощью компьютера и Интернета, 30 лет назад казалось попросту немыслимым.

К тому же, судя по всему, исследователи искали место расположения хутора Бутырки, опрашивая местных старожилов. Но и те вряд ли могли помнить, где он находился: хутор исчез задолго до революции 1917 г. Доказательством тому служат воспоминания В.Н. Муромцевой-Буниной, которые она приводит в книге *«Жизнь Бунина»*: *«Однажды летом, когда мы жили с Иваном Алексеевичем в Васильевском после 1907 года, в имении его двоюродной сестры, Софьи Николаевны Пушешниковой, мы с её сыном Колей и с Юлием Алексеевичем ездили туда, где был хутор Бутырки, на месте которого колосилось, действительно «море хлебов»... Иван Алексеевич всё же указал место дома, парка, сада...»*.

Другими словами, от хутора Бутырки уже в 1907 г. ничего не оставалось, лишь «море хлебов». Ещё бы, этот свой кров Бунины окончательно покинули (продав его) в начале 1883 г. Крестьяне же, купившие этот дом, приобрели его, видимо, для последующей перепродажи в качестве строительного материала, поскольку их интересовала исключительно земля. Так что уже упомянутое «море хлебов на месте хутора Бутырки, скорее всего, появилось в конце 80-х гг. XIX века.

А вот деревня Бутырские Выселки существовала дольше. Мало того, в 20 – 30-е гг. прошлого века здесь жили люди. И, что самое главное, к тому времени населённый пункт нередко именовали просто Бутырками. Однако к бунинскому хутору эти «новые Бутырки» не имели никакого отношения.

Именно поэтому буниноведы 80-х, опрашивавшие жителей Озёрок на предмет местонахождения хутора,

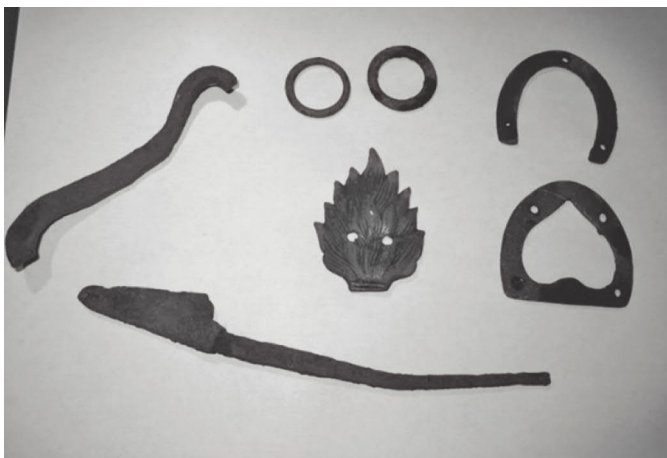
вряд ли могли получить точные данные (слишком уж много времени прошло). Скорее всего, озёрские старожилы указали учёным именно на Бутырские Выселки – мёртвую к тому времени деревню. Так появилась ошибка.

Старая карта и новые технологии. Но где же и как искать настоящую колыбель детства Ивана Бунина? Современные технологии, а также открытые архивы позволяют сделать это с большой долей вероятности. Для поиска мы воспользовались подробной и точной топографической картой Шуберта 70-х годов XIX века. На ней южнее деревни Озёрки обозначен населенный пункт Бутырки. При помощи компьютерной программы для GPS-навигации «Ozi Explorer» «привязываем» старинную карту к современному снимку местности, сделанному со спутника, и выясняем точные координаты Бутырок. Затем благодаря Интернету и программе «Google Earth» смотрим, как выглядит из космоса место, где был когда-то бунинский хутор.

Мощная спутниковая оптика позволяет разглядеть на земле какие-то контуры почти правильной прямоугольной формы. Можно предположить, что это остатки фундамента. Кроме того, немного южнее и западнее фундамента отчётливо проглядывают линии, образующие при соединении прямой угол.

Находки в бунинских местах. Заинтересовавшись данными со спутника, мы отправились на предполагаемое место настоящих бунинских Бутырок.

Здесь мы обнаружили ровную площадку, усеянную известняковыми камнями различного размера. Оказалось, что видимый из космоса прямоугольник – действительно остатки фундамента с достаточно хорошо выраженной кладкой из того же известняка. Тут сохранились следы погреба, а неподалёку – фундаменты других построек. Объединяющиеся под прямым углом линии, заметные на снимке из космоса, оказались

Находки при раскопках в Бутырках. В центре – гренадка, обнаруженная на остатках фундамента барской усадьбы. Фото из архива авторов.

остатками вала. Вполне возможно, им были огорожены границы дворянской усадьбы XIX века.

При проведении на месте поверхностных поисковых работ нашлось немало интересного. В частности, набивки на женские каблуки (одна из них в форме сердечка), гренадка (отличительный знак военнослужащего, предположительно времён Крымской войны), киотное распятие (неотъемлемый атрибут любого домашнего иконостаса), а также лезвие опасной бритвы, кольца конской сбруи, фрагмент стеклянной рюмки, осколки керамики, в том числе дорогой и качественной фарфоровой посуды. Все эти находки свидетельствуют о довольно высоком социальном статусе их владельцев.

Особенно интересна гренадка. По мнению специалистов, она крепилась к походной сумке военного, возможно дворянина. Наши сердца встрепенулись! А вдруг это значок Алексея Николаевича Бунина – отца писателя? Что если Ваня Бунин, будучи малышом, касался значка своими ручонками?

«Провал». Доказательства того, что мы нашли именно бунинские Бутырки, попробовали найти в про изведениях автора. В 5-й главе романа «Жизнь Арсеньева» есть такие строки: *«...Раннее детство представляется мне только летними днями, радость которых я почти неизменно делил сперва с Олей, а потом с мужицкими ребятишками из Выселок, деревушки в несколько дворов, находящейся за Провалом, в версте от нас».* Там же в главе 6-й: *«А затем, постоянно смелея, мы узнали скотный двор, конюшню, каретный сарай, гумно, Провал, Выселки».* В.Н. Муромцева-Бунина в книге «Жизнь Бунина» также упоминает о Провале: *«В детстве он впервые ощутил смерть: деревенский мальчишка из пастушат сорвался вместе с лошадью в Провал, находившийся в поле за усадьбой, нечто вроде воронки с илистым дном, покрытый бурьяном и зарослями».*

Из вышесказанного, а также других автобиографических бунинских источников можно сделать вывод, что рядом с домом в Бутырках находились скотный двор, конюшня, каретный сарай, гумно, хлебные амбары. Далее за амбарами – поле, за этим полем – Провал (небольшая, но очень глубокая лощина с обрывистыми склонами), а за ним деревенька Выселки.

Кстати, о Провале. На месте наших поисков, примерно 400 м на север от предполагаемой бунинской усадьбы, мы обнаружили небольшую, но очень глубокую лощину с обрывистыми склонами и с буйной растительностью на дне – чем не Провал?

Дополнительные аргументы. Позже мы специально побывали в Бутырских Выселках и обнаружили, что ничего подобного там нет, за исключением остатков фундаментов четырёх или пяти небольших домов, стоявших некогда в ряд. Но именно так – в ряд – в русских деревнях располагались крестьянские дома. А где же остатки хутора – барского дома, скотного двора, конюшни, каретного сарая, гумна, амбара? Не могло же всё это исчезнуть бесследно.

Есть ещё один немаловажный аргумент, который свидетельствует о нашей правоте. В конце 80-х гг. прошлого века в Озёрках на месте дома Буниных, где Иван Алексеевич с 1883 г. жил со своими родителями, были произведены раскопки. Результаты этих раскопок можно увидеть, посетив дом-музей И.А. Бунина в Ельце. Находки разнообразные и очень интересные. А вот аналогичные раскопки, проводившиеся в то же время на месте якобы бунинского дома в Бутырских Выселках, подобным изобилием, как нам известно, не блистали. И это красноречиво говорит о том, что барскую усадьбу Буниных искали не в том месте.

Бунинская колыбель ждёт учёных. По нашему мнению, в будущем необходимо провести полноценные исследовательские работы там, где действительно находилось бунинское имение – в Бутырьках. Причём эту работу должны делать профессионалы – археологи, историки, специалисты-буниноведы. В Ельце, на базе ЕГУ им. И.А. Бунина они есть. Наверняка учёных вуза ждёт не одна замечательная находка.

Однако для осуществления этих планов необходимы государственная поддержка, помощь спонсоров, а также объединение сил тех, кто заинтересован в сохранении и восстановлении памяти о великом русском писателе, первом российском Нобелевском лауреате по литературе И.А. Бунине.

Московская область – Грунин-Воргол.

Впервые опубликовано:

газ. «Красное Знамя», 2012. – №142(21467). – 14 июля. – С. 2.

Полная авторская версия на сайте:

[http:// ilya-171/narod2.ru](http://ilya-171/narod2.ru).

О, возврати, мой край, мне молодость мою,
И юных блеск очей, и юную отвагу!
Ты видишь – я красоты твоей не позабыл
И, сердцем чист, твой мир благословляю...
Обетованному отеческому краю
Я приношу остаток гордых сил.

Иван Бунин
«Подражание Пушкину», 1890

Любовь на всю жизнь. (И.А. Бунин и А.С. Пушкин)

Д.М. Минаев

Всемирно известный поэт и писатель, лауреат Нобелевской премии по литературе, И.А.Бунин был «открыт» для наших соотечественников через несколько лет после его кончины (1953 г.), что само по себе обусловлено и стало заметной вехой в череде событий того времени, известных теперь как «Оттепель».

Имя писателя оказалось в Советской России под строжайшим запретом. За одно его упоминание люди попадали в тюрьмы и лагеря, как это случилось, например, со студентом Василием Золотовым, ставшим впоследствии прозаиком, а также известным своими беспощадными «Колымскими рассказами» В. Шаламовым.

Он гордился предками, память о них – одна из ведущих тем бунинского творчества. Достаточно сказать, что размышления о своих корнях, духовном родстве с предками представлены во многих его произведениях,

начиная со стихотворений («Дедушка в молодости», «Люблю цветные стёкла окон...», «Призраки», «Могильная плита» и т.д.) и заканчивая крупными прозаическими творениями – «Суходол», «Жизнь Арсеньева».

Родился Иван Алексеевич Бунин 10 (22) октября 1870 г. в Воронеже, в обедневшей дворянской семье, корни которой удалось проследить за много веков до рождения Ивана Бунина. Окончил всего 4 класса Елецкой гимназии, а детские и юношеские годы вплоть до 19 лет провёл в деревенской глуши Елецкого уезда Орловской губернии, – на хуторе Бутырки, а затем в деревне Озёрки.

Свою собственную биографию Бунин всегда и неизменно начинал цитатой из «Гербовника дворянских родов»: *«Род Буниных происходит от Симеона Бунковского (XV век), выехавшего в XV в. из Польши к великому князю Василию Васильевичу Темному»*. Дьяк определил у белёвских и ряжских Буниных общего предка: этим предком писатель Ю. Гончаров называет иноземца. Т.е. белёвские и ряжские Бунины были родственниками*. Писатель Ю. Гончаров в своей книге проследил до самого корня чисто русское происхождение Бунина.

Наиболее известны и поныне такие предки, как поэтесса Анна Петровна Бунина и поэт Василий Андреевич Жуковский (внебрачный сын тульского помещика Афанасия Ивановича Бунина), а также внук сестры А.П. Буниной – географ и путешественник Петр Семенович Семенов-Тянь-Шанский. Бунин гордился ими более, чем древностью своего рода. И.А. Бунин писал о своём восхищении Жуковским, Баратынским, Пушкиным, Лермонтовым.

*В последнее время появляются данные, полученные с помощью специальных генеалогических компьютерных программ, не поддерживающих эту точку зрения.

В родстве с Буниными были Киреевские, сыновья Авдотьи Петровны Юшковой-Елагиной (1789–1877, урожд. Юшкова, в 1-м браке Киреевская). Авдотья Петровна Елагина – внучка отца Жуковского (племянница В.А. Жуковского). В её салоне бывали Пушкин, Мицкевич, Языков, Баратынский, Чаадаев. Сам И.А. Бунин признаёт родство с Гротами, Воейковыми, Булгаковыми, Соймоновыми. Ближайшие предки Бунина были людьми незаурядными.

Как писал И. Бунин в своей автобиографической заметке: *«Род Чубаровых (тоже древнедворянский) мне почти неведом. Знаю только, что Чубаровы – дворяне Костромской, Московской, Орловской и Тамбовской губерний и что были у деда и отца матери имения в Орловском и Трубчевском уездах».*

Мать Бунина Людмила Александровна происходила из старинного рода князей Чубаровых, лишённого, согласно семейной легенде, княжеского титула Петром I за участие в мятеже царевны Софьи. Она обожала стихи Пушкина, Жуковского; читала их наизусть. Бунин в детстве даже смешивал её с Людмилой Пушкинской: звал её Людмилой Александровной.

Бунин с интересом открывает и исследует отдалённое родство Буниных с Пушкиным: сын А.С. Пушкина Александр Александрович женился вторым браком на Марии Александровне Павловой. Мария Александровна была двоюродной сестрой дворянина Павлова, а «дед Павлова по матери», читаем у Бунина, – *«моряк Иван Петрович Бунин – старший брат поэтессы Анны Петровны Буниной, ... дед Павлова по отцу – Николай Анатольевич Бунин».* Н.А. Бунин, мичман флота, из ветви Буниных – Ряжских. Отец М.А. Павловой гвардии полковник Александр Иванович Павлов происходил из рода Буниных. Таким образом, их дочь, внучка А.С. Пушкина, Елена Александровна Розенмайер (1889–1943), – из рода Буниных.

Недалеко от последнего места проживания Бунина в Москве до эмиграции (Поварская ул., д. 26), неспешной ходьбы минут пять, не больше, возле Никитских ворот находится храм – церковь Вознесения Господня (в Сторожах) на Большой Никитской улице, д. №36. В трапезной этой церкви 18 февраля (2 марта) 1831 г. состоялось венчание поэта Александра Пушкина с Натальей Гончаровой.

Вот тут, идя мимо, Бунин всегда задерживался, ставил свечу старинному образу «Вознесение Господне», тво-рил молитву...»^{*}.

Однажды на родину Н.В. Гоголя приехал начинающий писатель И.А. Бунин, служивший в то время в статистическом бюро в Полтавской губернской земской управе. Побродив по саду, осмотрев усадьбу гениального писателя, он, однако, в дом Быковых не зашёл: видимо, постеснялся беспокоить хозяев. Долгое время хозяином Васильевки был Н.В. Быков, племянник Гоголя, муж М.А. Пушкиной, внучки поэта.

Николай Александрович Пушкин (1885–1964), сын А.А. Пушкина и М.А. Павловой (у них было 5 детей), внук А.С. Пушкина, переписывался с И.А. Буниным. Так, в 1949 г. по просьбе Бунина Николай Александро-

^{*}В 1999 г. напротив церкви Вознесения возвели памятник в виде беседки (фонтан-рондо «Пушкин и Натали» у Никитских ворот. Скульптура копируют сцену после венчания счастливой пары. Авторы памятника – Александр Бурганов и его сын, создавшие несколько памятников И. Бунину. Памятник вызвал далеко не однозначные отзывы у москвоведов.

вич сообщал ему некоторые сведения о потомках Пушкина. В ноябре 1935 г. Бунин приезжал в Бельгию. Он писал Н.Я. Рощину 19 ноября из Брюсселя: «...*Ныне (19-го) вечером я у Пушкиных (Николай Александрович – родной внук Александра Сергеевича). Завтра 20 ноября...*».

Бунин как-то сказал: *«Помню жуткие, необыкновенные чувства, которые испытал однажды (в молодости) возле сына Пушкина, в церкви Страстного монастыря, не сводя глаз с его небольшой и очень сухой, лёгкой старческой фигуры в нарядной гусарской генеральской форме...»*. Бунин жадно рассматривает, как бы впитывает глазами, весь облик этого человека («белая курчавая голова» – курчавая, как у Пушкина), носителя пушкинских генов. Примерно такие же чувства он испытал и гораздо позже, в 1940 г. в Ницце, куда поспешил из Граса, бросив все свои дела, чтобы увидеть внучку А.С. Пушкина. *«Я испытал нечто подобное даже лет десять тому назад, познакомившись 6 июня 1940 года в Ницце с дочерью этого генерала, то есть родной внучкой Пушкина»*.

И.А. Бунин познакомился с Еленой Розенмайер 6 июня 1940 г. в Ницце. Ссылаясь на дневниковую запись самого Бунина, а также на грасский дневник Г.Н. Кузнецовой, А.К. Бабореко сообщал, что 12 июня 1941 г. Иван Алексеевич ездил в Ниццу, завтракал с Еленой, а через два дня она приехала в Грас по приглашению Бунина. В 1942 г. Елена Александровна побывала на вилле Буниных «Жаннет», после завтрака отдыхала в комнате Веры Николаевны, жены Бунина. В её громадных изумрудных глазах потух огонь, она сделалась какой-то «серой», несчастной.

О последней встрече внучки Пушкина с Буниным рассказывал 7 октября 1943 г. Л.Ф. Зуров. В дневнике И.А. Бунина отмечено: *«Нынче письмо из Ниццы. Елена Александровна Пушкина ... умерла 14 августа...*

В письме к Надежде Александровне Тэффи от 19 мая 1944 года Бунин писал, что Елена Александровна, «которую я имел счастье узнать», скончалась «в нищете, после нескольких лет тяжкого труда, таскания для перепродажи всякого старого хлама...».

После смерти Бунина в его архиве была обнаружена записка: «... передо мною опять было существо, в котором текла кровь человека для нас уже мифического, полубожественного! Она была такая же бездомная, бедная эмигрантка... перенесла две операции. Оплатить вторую операцию, которая свела её в могилу, у неё уже не хватило средств, – их нужно было добывать как милостыню у добрых людей. И я сделал тут всё, что мог, но это уже её не спасло. Так на моих глазах погибла родная внучка Пушкина».

Свидетельства о встрече Бунина с Е.А. Пушкиной-Розенмайер показывают, что И.А. Бунин относился к ней не только с состраданием, но и с уважением. И это заслуживает внимания. Талантливый русский писатель, человек тонкой души, Бунин вряд ли стал принимать у себя внучку Пушкина как близкого человека, будь она бесцветной, неумной женщиной с сомнительной репутацией.

Неослабевающее притяжение к Пушкину Бунин мотивировал и собственным необычным увлечением «отжившим, прошлым, некоей легендарной поэзией». В творчестве Бунина пушкинское начало проступает действительно гораздо ощутимее, чем у многих поэтов XX века. Связь с Пушкиным намного превышала поклонение гению. Бунин хотел найти собственный путь.

И. Бунин мыслил себя полномочным представителем классики в современности. Его юношеские дневники – это тот же самый Бунин, который напишет через много лет «Жизнь Арсеньева». Описание им любви к Пушкину – это одно из продуктивных начал его творческого мира. В статье «Думая о Пушкине», Бунин задаётся во-

просом: *«Когда он вошёл в меня, когда я узнал и полюбил его? Но когда вошла в меня Россия? Когда я узнал и полюбил её небо, воздух, солнце, родных, близких? Ведь он (Пушкин) со мной – и так особенно – с самого начала моей жизни».*

Незадолго до эмиграции (Одесса, 1919 г.) И. Бунин становится одним из редакторов газеты «Южное слово». Его, как и в своё время Пушкина, привлекает фигура Андре Шенье, он пишет о нём очерк и замечает, что Шенье *«был для революции слишком умен, зряч и благороден»*. О личном отношении к Пушкину пишет и в «Жизни Арсеньева»: *«Сколько чувств рождал он во мне! И как часто сопровождал я им свои собственные чувства и всё то, среди чего и чем я жил!»*

Пушкин для Бунина – олицетворённый художественный гений русского народа. Бунин впитывает пушкинскую поэзию, зная, что в ней заложен ключ к счастью русского человека. Он пускается в духовные странствия, вдохновляясь артистической мудростью Пушкина, который не поучает, а становится живой водой его сердца. Всю жизнь Бунин страстно стремился *«написать что-нибудь по-пушкински»*, конечно, не подражание, а что-нибудь прекрасное, свободное, стройное. Острый интерес к Пушкину проявился у Бунина с детства.

На протяжении всей своей жизни Бунин сознавал неослабевающую чарующую власть Пушкина над собой. Ещё в юности Бунин поставил великого поэта во главе отечественной и мировой литературы. Связь с Пушкиным для художника нового века была закономерной и священной. Сам Бунин объяснял её неким феноменом своего восприятия, складом души. Обоим – Пушкину и Бунину – было присуще чувство истории, интерес к прошлому славянских народов. Оба тяготели к древним восточным учениям. Поэтическая струна, звучавшая в сердце младшего, была настроена на голос старшего. Бунин всегда вдохновлен смелыми, сильными прояв-

лениями, царящими в природе, поэтому, в отличие от Пушкина, он чаще поёт весну и лето.

В молодые годы он передал желание, вполне созвучное пушкинскому: *«Я жду, чтоб жизнь, пусть даже в грубой силе, вновь расцвела из праха на могиле»*. Поэт хочет остаться для будущих поколений: *«Стану их мечтами, стану бестелесным ...»*. Всю жизнь Бунин ждал счастья, писал о человеческом счастье, искал пути к нему. Он нашёл его в поэзии.

В 1900 г. вышла в свет поэма Бунина «Листопад», где Бунин следует за Пушкиным (*«Настала осень золотая», «Вот север, тучи нагоняя...»*). В последней выражена преданность родной поэзии – и у Пушкина, и у Бунина зима приносит людям поэтическую радость.

В 1903 г. И.А. Бунин удостоен Пушкинской премии за перевод Г. Лонгфелло «Песнь о Гайавате» и поэтический сборник «Листопад». В 1909 г. присуждена вторая Пушкинская премия за книгу «Стихотворения 1903 – 1906». В 1911 г. ему присуждена Золотая Пушкинская медаль, а в 1933 г. – Нобелевская премия. *«За прекрасную русскую литературу Пушкина, Лермонтова, Толстого, Достоевского, Чехова...»* – этот тост Бунина звучал по случаю присуждения ему Нобелевской премии.

На протяжении всего писательского пути И.А. Бунин поклонялся трём творцам: Пушкину, Толстому и Чехову, и лишь в конце жизни присоединил к этим именам имя М.Ю. Лермонтова. Однако Пушкин всегда занимал в этом ряду особое место. В 20–30-е гг. имя Пушкина все чаще появляется на бунинских страницах, упоминается в интервью и разговорах.

Бунин жил и дышал красками и запахами родной среднерусской природы Елецкого края с раннего детства. Многие стихотворения Бунина связаны с Орловской землёй, частью которой был Елецкий уезд. Пушкин был для Бунина не столько учителем и примером,

сколько той верной мерой, которой можно было поверить всё – и собственное творчество, и тогдашнюю литературу, и судьбы России. Пушкин, как мера всех вещей, стал особенно ценен для Бунина в последние десятилетия его жизни.

Для Бунина Пушкин – воплощение простоты, благородства, свободы, нравственного здоровья, ума, такта, вкуса. Пушкиным поверялось всё, и никто из писателей не мог избежать и выдержать сравнение с ним, даже сам великий Толстой, перед которым Бунин благоговел. Пушкиным одухотворялась бунинская юность. Пушкиным наполнены бунинские мечты.

Бунин неотделим от страны, давшей ему жизнь, и сам поэт чувствовал себя неотъемлемой частью духовной атмосферы, которая была создана и выражена гением Пушкина, Лермонтова, Толстого, Чехова.

В 1937 г. И. Бунин участвовал в вечерах и собраниях, посвящённых памяти А.С. Пушкина. Он писал в юбилейные дни: *«Пушкинские торжества. Страшные дни, страшная годовщина – одно из самых скорбных событий во всей истории России, что дала Его ...»*.

Красуйся, град Петров, и стой
Неколебимо, как Россия...»
– О, если б узы гробовые
Хоть на единый миг земной
Поэт и Царь расторгли ныне!

И. Бунин, «День памяти Петра»

Памятник А.С. Пушкину в селе Пальна-Михайловка

Памятник А.С. Пушкину в селе Становое

Эту запись Бунин сделал для С.М. Лифаря, артиста балета и режиссёра, организовавшего Пушкинскую выставку в Париже. 18 апреля 1937 г. в русском ресторане Корнилова Бунин произнес Лифарю благодарственную речь от имени Мирового Пушкинского комитета. *«Я принадлежу стране и хочу, чтобы имя моё было чисто везде, где оно известно»*. А.С. Пушкин

О пребывании поэта в крае существует множество легенд, версий, предположений. Они не получили пока документальных подтверждений, но свидетельствуют об огромной любви к великому Пушкину.

Первый памятник А.С. Пушкину в Пальне-Михайловке был создан скульптором Иваном Витали. Памятник простоял до 1918 г., когда крестьяне села, уверенные, что это бюст кого-нибудь из родственников Стаховичей, сбросили его в реку Пальну. В 30-е гг., всё-таки узнав, что это был Пушкин, бюст искали, но безуспешно. Осталась лишь часть пьедестала, к которой трудно пройти, потому что великолепный английский парк превратился в лес. В мае 2000 г. по инициативе потомков Стаховичей был открыт новый памятник А.С. Пушкину, который установлен на территории школы. На нем есть пометка: От «Стаховичей» [10, 11].

В с. Становое, уникальном в плане сохранения культурных традиций, которое находится недалеко от усадьбы Стаховичей (коннозаводчиков, общественных деятелей,

Аллея культуры в селе Становое

известных любителей литературы) в которой побывал А.С. Пушкин, установлены памятники обоим поэтам. Впрочем, все знаменитости, имеющие какое-либо отношение к становлянцам, увековечены здесь. Здесь создана аллея знаменитых деятелей культуры России, на которой рядом расположены бюсты А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, И.А. Бунина, М.М. Пришвина, Л.Н. Толстого, М.А. Стаховича и И.Е. Репина.

Литература

1. Муромцева-Бунина В.Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью. – М.: Сов. писатель. – 1989.
2. Кузнецова Г. Грасский дневник // Рассказы. Оливковый сад. – М.: Моск. рабочий. – 1995.
3. Бабореко А.К. Бунин. Материалы для биографии (с 1870 по 1917). М. – 1967.
4. Бабореко А.К. Бунин: Жизнеописание. – М.: «Мол. гвардия». – 2004.

5. Минаева Е.С., Минаев Д.М. Елецкая тропа к Пушкину. – М.: Изограф. 1995. – 110 с.
6. Рощин М. Иван Бунин. – М.: «Мол. гвардия», 2000.
7. Пикулева Г.И. Московская быль Ивана Бунина. М.: Изд-во «Музей человека». – 2004.
8. Гончаров Ю.Д. Предки И.А. Бунина. – «Подъем» Воронеж. 1971. – №1 – 179 с.
9. Минаев Д.М. Елец – Пальна-Михайловка: (пребывание А.С. Пушкина, 1829 г.) // газ. Звезда (с. Становое) – 1996. – 6 февр.
10. Дементьев А. «Дар божий – стоять на родной земле» : (эпизоды церемонии открытия памятника Пушкину в Пальна-Михайловке Становлян. р-на) // Липецкая газ. – 2000. – 23 мая.
11. Минаев Д.М. Любовь на всю жизнь // Иван Бунин и Общество любителей русской словесности. Состав.: Р.Н. Клеймёнова и Г.И. Пикулева. – М.: Academia, 2007. – С. 220–228.
12. Отлиты бюсты : [по заказу администрации Становлян. р-на спец. АО НЛМК отлиты бюсты А. С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, И.А. Бунина, Л.Н. Толстого, М. Пришвина, И. Репина, М. Стаховича] // газ. Звезда (с. Становое). – 2003. – 28 июня.

Впервые опубликовано:

Минаев Д.М. Любовь на всю жизнь // Иван Бунин и Общество любителей русской словесности. Состав.: Р.Н. Клеймёнова и Г.И. Пикулева. – М.: Academia, 2007. – С. 220–228.

ИСКРЫ

№ 42.

Иллюстрированный художественно-литературный и юмористический журнал съ карикатурами.

№ 42.

Выходить еженедельно при газете „Русское Слово“.
Подписная цена на год: съ дѣт. в перс. 4 р., на пошл. — 2 р. 50 к., на 3 мѣс. — 1 р. 30 к., на 1 мѣс. — 40 к. Совмѣстно съ газетой „Русское Слово“ на годъ 10 руб. *отдѣльных, по 40 коп. съ почт. изданныхъ, принадлежатъ къ юморист. журналу „Бесѣды“.*

Наши писатели.

Иванъ Алексѣевичъ Бунинъ.
(Изъ двадцатилѣтняго литературной дѣятельности).

– А что Вы сделали с чеком, дорогой мой?

– С каким чеком? – невинно спросил я.

– Да с этой самой премией? Чек-то лежал в папке.

Тут только понял я, в чем дело... Но папка по-прежнему лежала на столе, где я ее легкомысленно оставил, – никто к ней не прикоснулся, и чек был на месте...

...Иван Алексеевич вздыхал:

– И послал же мне Господь секретаря!

Из воспоминаний Андрея Седых

Литературный секретарь И.А. Бунина Т.В. Гордиенко

Среди верных и преданных друзей Ивана Алексеевича Бунина (1870 – 1953) Яков Моисеевич Цвибак (1902 – 1994), больше известный как Андрей Седых, занимает особое место. Они были знакомы около 30 лет, довольно тесно общались, и ни разу между ними не возникло никаких недоразумений. Их отношения всегда оставались тёплыми, дружескими, доверительными. Об этом свидетельствуют мемуары В.Н. Муромцевой-Буниной, И. Одоевцевой, Г. Кузнецовой и сохранившиеся письма Бунина к Андрею Седых.

Особенно интенсивно переписка велась после отъезда Якова Моисеевича в Америку. Нередко она носила деловой характер, так как иногда Седых представлял литературные интересы Бунина в американских издательствах. К примеру, 22 апреля 1947 г. от имени Бу-

нина он подписал контракт с редактором нью-йоркского издательства «Rockport Press» Борисом де Танко на издание сборника «Темные аллеи» [10: 314]. Обсуждалась возможность и других изданий, в частности «Жизни Арсеньева», приходилось решать вопросы гонораров, а в последние годы искать средства для оказания материальной помощи писателю. В архиве Андрея Седых сохранилось

около 100 писем и рукописей Бунина, которые он передал на хранение в библиотеку Йельского университета (США), а часть опубликовал в «Новом журнале».

Известно, что Бунин оставил завещание, в котором просил никогда не публиковать его переписку полностью, а «только какие-то выдержки – чаще всего биографический материал» [4: 172]. Возможно, Седых знал о нежелании Бунина предавать огласке эпистолярные тексты, писатель многим говорил об этом, а в разговоре с Бахрахом объяснил причину: *«Уж, кажется, пером я владею и над тем, что мной написано, комар носа не подточит. А вот письма мне не удаются и никогда не удавались. Получаются какими-то тусклыми, бухгалтерскими – вот только если разозлюсь, то развожу похабщину. Я непременно в моем завещании отмечу, чтобы мои письма никогда не публиковывались. А кто послушается?»* [3: 187].

Не послушался никто. Седых, правда, очень сокрушался по этому поводу и в книге «Далекие, близкие» дал следующий комментарий:

«В № 66 «Нового журнала» (январь 1962 г.) Зуров напечатал «Литературное завещание» Бунина, в котором писатель просит не публиковывать его письма.

Настоящая глава, содержащая многочисленные выдержки из писем И.А. Бунина, была напечатана в №65 того же «Нового журнала» в сентябре 1961 г., т.е. за 4 месяца до опубликования завещания».

Мне остаётся только пожалеть, что наследники И.А. Бунина не сделали этот важный документ достоянием гласности в течение 8 лет, прошедших со дня смерти писателя, и опубликовали его уже после того, как письма появились в «Новом журнале» [11: 203]¹.

То, что опубликовано, – это бесценные сведения для исследователей творчества великого писателя, они органично вошли в материалы для биографии Бунина, подготовленной А.К. Бабореко; многое по этим письмам уточнялось, выверялось, прояснялось.

Бунин вспоминал о начале их дружбы: *«Первые его писания, ставшие известными мне, – во времена теперь уже далекие, – были его отчеты в парижских «Последних новостях» о заседаниях французского парламента, мало для меня интересные, составляемые, конечно, наспех, с неизбежными шаблонами на французский лад («на трибуну поднимается такой-то...»); тут меня заинтересовал только слух о том, что Андрей Седых человек веселый, бойкий, находчивый; кричит на него, например, в редакции «Последних новостей» вечный крикун А.А. Поляков: «До чего, черт вас возьми совсем, валяете вы отчеты как попало?». А тот ему в ответ: «А вы что же, хотите, чтобы я за 25 сантимов построчных переписывал свои отчеты по сто раз, как Лев Толстой свои романы и рассказы?» [11: 22]. Позже, познакомившись с «полубеллетристическими рассказами» молодого автора, Бунин восхищался*

¹ Зайцев Б.К. Собр. соч. Тт. 1–11 (доп.). – М.: Русская книга. Т.11 (доп.): Письма 1923–1971 гг. Статьи. Воспоминания современников. / Сост. Е.К. Дейч и Т.Ф. Прокопов. – М., 2001. – С. 234. Далее ссылки на это издание даются в тексте по следующей форме: [11, 234].

живостью описания характеров и яркостью натуры, которую мгновенно почувствовал.

Андрей Седых – легендарная личность. Его жизнь прошла в трёх странах – России, Франции и США. Дружбу с ним ценили известные писатели, деятели культуры, политики. Начав с того, что мальчишкой продавал газеты на улицах, в зрелости он сделал большую карьеру, став сотрудником, а затем владельцем, издателем и редактором крупнейшей газеты «Новое русское слово», издающейся русской эмиграцией в США.

Родился Я. Цвибак в Феодосии. Он потомственный журналист. Его отец был корреспондентом «Южных ведомостей» и «Крымского вестника», выходивших в начале XX в. на юге России, так что уроки журналистского мастерства сын получил смолоду.

Окончив на родине гимназию, Цвибак в 18 лет покинул родные места, как оказалось, навсегда. После недолгого пребывания в Константинополе он перебрался в конце 1920 г. в Париж, ставший на время столицей русской послереволюционной эмиграции. Комитет по образованию, организованный для русских за границей, помог ему поступить в Школу политических наук Парижского университета. Учёбу пришлось совмещать с репортёрской работой, в течение 22 лет он оставался парламентским корреспондентом русской газеты «Парижские новости», издававшейся П.Н. Милюковым, и здесь во всей полноте проявился его редкостный дар. Будучи от природы талантливым, он писал ярко, образно, умел найти интересную тему, увидеть в человеке изюминку, метко описать его.

Почти все, кто знал А. Седых, отмечают его лёгкий нрав, сердечность и доброту, отзывчивость и желание всегда прийти на помощь. Судьба подарила ему долгий век (он умер на 92-м году жизни) и возможность сполна выразить себя не только на журналистском поприще, но и в общественной жизни Франции и США.

Валентина Синкевич, зная Якова Моисеевича долгие годы, написала в очерке о нём: *«Образ жизни Андрея Седых никогда не был легким. Но его энергию, работоспособность и жизнерадостность можно поистине назвать легендарными. Он всегда был перегружен работой – служебной, творческой и общественной. Тяжелы оказались также и студенческие годы во Франции. Жизнь впроголодь, ночлеги в бежеских бараках, где зимой на полу лежал иней. Работа для куска хлеба и одновременно интенсивные занятия в Высшей школе политических наук (Ecole des Sciences Politiques), которую он закончил в 1925 г. (Впоследствии в Соединенных Штатах он станет членом Нью-йоркской академии политических наук)»* [12: 166].

Несмотря на трудности, Яков всегда добивался своей цели; жизнь закалила его, несколько не ожесточив. В 1932 г. он познакомился с певицей, актрисой Второй студии МХАТ Е.О. Липовской (сценическое имя Жени Грей), которая вскоре стала его женой и преданным другом. Брак оказался счастливым, однако парижский период жизни подошёл к концу из-за начавшейся в 1942 г. войны. Они вынуждены были покинуть оккупированную Францию, спасаясь от фашистских преследований. После трудного морского путешествия беженцы осели в Америке. Почти сразу же по приезде имя А. Седых стало появляться на страницах ежедневной газеты «Новое русское слово», выходившей в Нью-Йорке с 1920 г.

К тому времени, по словам Синкевич, читателям газеты он был хорошо знаком, т.к. ещё в 30-е гг. присылал свои корреспонденции из Парижа. Он служил в редакции «Нового русского слова», но долгие годы зарабатывал на безбедную жизнь в американском страховом обществе. *«Несмотря на две службы, Седых не оставлял творческой работы. Его перу принадлежат около 20 книг (17. – Т.Г.) на самые разнообразные темы»* [12:

167]. Среди них: «Там, где была Россия» (1931), «Люди за бортом» (1933), «Дорога через океан» (1942), «Сумасшедший шарманщик» (1951), «Только о людях» (1955), «Замело тебя снегом, Россия» (1964) и др.

Несколько книг были посвящены Парижу: «Старый Париж» (1926), «Монмартр» (1927), «Там, где жили короли» (1930), «Париж ночью» (1928). В предисловии к последней А. Куприн писал: *«У Я. Цвибака есть добрые данные. У него острый, зоркий глаз. Он поворотлив и разнообразен во фразе. Он пишет о том, что видел и знает, и, главное, работает над собой: у него есть здоровая любовь к жизни. И еще: касаясь иногда, поневоле, самых грязных сторон жизни, он всегда находит ту тонкую черту, где правда и приличие уживаются»* [9: 7].

Почти все книги А. Седых написаны в описательной, очерковой манере и состоят из эскизов, заметок о собственных впечатлениях от различных событий, сохранённых памятью. Куприн особенно выделил рассказы «Монпарнас», «Дно Латинского квартала» и «Бал четырех искусств», которые, по его мнению, выиграли от того, что *«к своим личным впечатлениям автор присоединил некоторые исторические выписки из книги Андрэ Варно «Парижские балы», и попутно с удовлетворением отметил, что Седых указал на источник, чего обычно не делают пишущие о Париже. А характеризуя рассказ «Муф-Муф», Куприн обращает наше внимание на форму произведения, которая как бы выступает «из размеров быстролетного очерка, моментального снимка, переходя в область печальной и простой новеллы».*

Молодому автору было лестно получить не только оценку известного писателя, но и своего рода напутствие. Ссылаясь на Р. Киплинга, Дж. Лондона, М. Горького, Л. Андреева, и отмечая, что работа газетного журналиста может быть очень полезной для писателя, Куприн предостерегал начинающего литератора:

«Тут важно только не пропустить момента, в который надо перейти на другой путь. <...> В «Муф-Муф» чувствуется некоторый художественно-литературный зов. Но ведь я даже не знаю, тянет ли Я. Цвибака на тернистую дорогу беллетристики. Я только знаю, что современные журналисты довели технику газетного отчета до такой высокой степени образности, отчетливости и умения глубоко заинтересовать читателя, что посредственному писателю, хотя бы и с большим именем, я всегда предпочту даже среднего журналиста, любящего свое дело» [9: 8].

Воспоминаниями о Константинополе навеян сборник рассказов «Звездочеты с Босфора» (1948), который высоко оценил Бунин, написав к нему предисловие. *«По старой дружбе, – пишет он, – Андрей Седых написал мне, что издает книгу своих новых рассказов, а вместе с письмом прислал дубликат его корректурных гранок, прося меня сказать ему «откровенно, по секрету», что я думаю о ней, и, зная его талантливость, я прочел ее немедленно и с таким удовольствием, что решил высказаться «не по секрету», а гласно, небольшим предисловием к ней» [5: 22].*

Известно, каким строгим критиком был Бунин и поэтому очень ценно его мнение о книге в целом и особенно о рассказе «Миссис Катя Джексон», о котором он сказал: *«...читаю и качаю головой: это только передача рассказа Кати, русской девушки, неожиданно ставшей англичанкой, о том, что она пережила в немецком плену, а после плена – перед грозившим ей, как и многим-многим другим, возвращением в Россию, во избежание чего многие из этих многих «запирались в своих бараках, когда за ними приезжали на грузовиках красноармейцы, пели «со Святыми упокой», перерезали себе вены или лезли в петлю»: это передача одного из тех рассказов, что мы, по справедливому замечанию Андрея Седых, «уже тысячу раз слышали и*

читали», (курсив мой. – Т.Г.), но я все-таки качаю головой с наворачнувшимися на глаза слезами: как передано! В передаче таких рассказов одно-единственное, наверное, лишнее, пошлое слово может погубить все дело, все впечатление от рассказа, невзирая на все его ужасающее ум и душу содержание. А вот Андрей Седых затуманил мне глаза, ни единым звуком не оскорбил моего писательского, теперь, по моему писательскому опыту, уже «абсолютного слуха». [5: 24].

Бунин отмечает особую «лингвистику А. Седых»: богатство говоров, жаргонов, которыми в таком совершенстве, так безошибочно, так точно владеет он, рассказывая о крымских татарах и греках, о портовых босяках и о людях на морских грузовиках вроде «Гидры», об острожнике Сеньке Барабанчике, о французском легионере, подольском крестьянине.

«Я 13 раз бывал в Константинополе, – заключает автор предисловия, – я хорошо знаю Крым, Черное море... и могу сказать тоже безошибочно, как живо дал мне почувствовать Андрей Седых в своих «Звездочетах» то трудно передаваемое, что присуще Константинополю». А о рассказе «Парад, алле» сказано: «И цирк ему удался не хуже Куприна, даже лучше, по моему».

Однако даже отзывы Куприна и Бунина не вскружили А. Седых голову. Он всегда подчеркивал, что больше всего любит свою журналистскую работу, и, оценивая себя как писателя, равнение держал на высокие писательские авторитеты. В беседе с В. Синкевич, говоря о себе как о прозаике, он дал суровую самооценку, заметив: *«Да, я, конечно, писатель. Но все-таки какого-то необходимого для большого писателя качества, того, что было у Бунина, у меня, в конечном счете, нет. Но журналист я хороший. Даже очень хороший»* [12: 164].

Именно благодаря журналистике он и познакомился с Буниным довольно близко. Седых всегда интересовал

ся творчеством писателя, знал о том, что его имя много лет значится в списках номинирующихся на Нобелевскую премию, и, когда звонок из Стокгольма известил Бунина о том, что он стал лауреатом, Седых примерно спустя час позвонил в Грас по телефону из Парижа. Он отметил, что «соединение было плохое, голос звучал глухо», Бунин отвечал на вопросы как-то неохотно, казался растерянным. Точными и выразительными штрихами, почти фотографически, запечатлел Цвибак эти мгновения в своих сообщениях:

«9 ноября 1933 г. И.А. Бунин сидел на дневном сеансе в кинематографе Грасса. Шла какая-то «веселая глупость» под названием «Бэби» и Бунин смотрел с особенным удовольствием – играла хорошенькая Киса Куприна, дочь Александра Ивановича. Вдруг в темноте загорелся луч ручного фонарика. Л.Ф. Зуров тронул писателя за плечо и сказал:

– Телефон из Стокгольма, Вера Николаевна очень волнуется и просит поскорее прийти домой.

Первое, что подумал Бунин: жаль, так и не узнаю, что стало с Кисой в конце фильма. Отправились домой. По дороге Бунин начал расспрашивать, что, собственно, сказали.

– Непонятное что-то. Премия Нобеля... Ваш муж...

– А дальше?

– А дальше не разобрали.

– Не может быть. Вероятно, еще какое-нибудь слово было. Например, не вышло, очень сожалею...

Так сразу оборвалась его прежняя жизнь: Бунин получил Нобелевскую премию по литературе» [11: 191].

А через 3 дня, когда писатель приехал в Париж устраивать свои дела перед поездкой в Стокгольм, он был весел и «уже с юмором рассказывал, как нахлынули в его «Бельведер» журналисты и фотографы, как вспыхивал и ослеплял магний и как потом газеты всего мира обошла фотография «какого-то бледного безум-

ца». Поведал Седых и о том, о чём и так было известно всей эмиграции, находящейся в таком же положении, — в доме лауреата совсем не было денег, огорчало, что нечего было даже дать на чай мальчикам, приносившим поздравительные телеграммы, а единственные туфли жены лауреата находились в ремонте.

В эти звёздные для Бунина и одновременно «сумасшедшие дни» А. Седых моментально включился в работу, став на время ближайшим помощником, взяв на себя секретарские обязанности: принимал посетителей, отвечал на письма, давал за Бунина автографы на книгах, устраивал интервью. *«Приезжал я из дому, — писал он, — в отель «Мажестик», где остановился Бунин, рано утром и оставался там до поздней ночи»* [11: 192].

О работоспособности Цвибака слагали легенды. Он не чурался никакого дела, во время своих странствий в Константинополе был матросом, грузчиком, продавцом газет; в Париже, будучи редактором, репортёром и переводчиком и, сотрудничая с несколькими изданиями, зарабатывал на жизнь страховым агентом. Теперь даже не сосчитать, сколько статей написал он за свою жизнь. К тому же, как уже было отмечено, он обладал добрым нравом, умением находить общий язык с самыми разными людьми и хорошо ориентировался, всегда стремясь достойно выйти из трудных ситуаций. Неслучайно, именно Цвибаку выпала честь войти в узкий круг людей, сопровождавших Бунина на церемонию 1933 г. в Стокгольм.

А. Седых был свидетелем звёздных нобелевских дней. Он писал, что *«Иван Алексеевич, когда хотел, умел привлекать к себе сердца людей, знал, как очаровывать, и держал себя с большим достоинством, а Вера Николаевна сочетала в себе подлинную красоту с большой и естественной приветливостью»*. Но успеху сопутствовала слишком насыщенная программа: при-

При вручении Нобелевской премии. Стокгольм 1933 г.
В.Н. Бунина, Андрей Седых, И.А. Бунин

ёмы, встречи, торжественные обеды, были дни, когда с одного мероприятия без всякого перерыва надо было ехать на другое. Вот список дел одного из дней нобелевской недели Бунина:

- В 11 часов утра визит в Академию.
- В час дня завтрак у чехословацкого посланника.
- В 4.30 чай во французском посольстве.
- В 10.00 ужин Св. Люции, который устраивала редакция «Стокгольм Тиндинген».

При таком напряженном графике Бунину до отъезда так ни разу и не удалось побыть одному, отправиться за город, побродить «по свежему скрипучему снегу, который так напоминал ему Россию, или зайти в шведский кабачок и выпить стакан горячего пуншу» [11: 198].

Понятно, что в этих условиях без опытного помощника было не обойтись. И Яков Моисеевич понимал своё назначение, гордился им, хотя и для него секретарские обязанности, очевидно, были нелёгкими. Во всяком случае, известно недовольство некоторых людей и кос-

Диплом Лауреата Нобелевской Премии И.А. Бунина. Рисунки на разворотах диплома выполнены специально для Бунина по русским мотивам.

Формулировка присуждения Нобелевской премии по литературе **ИВАНУ АЛЕКСЕЕВИЧУ БУНИНУ**:

«За художественное мастерство, благодаря которому он продолжил традиции русской классики в лирической прозе».

(Фото с оригинала диплома и перевод текста со шведского языка В.А. Пречисского)

венные упрёки в его адрес: «командорский тон», торопливость, невнимание к окружающим. Так, один из близких друзей Бунина укоризненно писал ему: «Скажу лишь для твоей ориентации, что русская колония в Стокгольме больна неразделенной любовью к Бунину. Стали со всех нищих собирать на преподношение, заговтавливались речи, суетились и бегали решительно все, ожидали, представляли себе, как все будет по-русски, – славно, душевно, велеречиво... и ошиблись. Приехавший Бунин оказался человеком строгим, человеком, застегнутым на все пуговицы, оттесненным не только

от толпы лейб-гвардейцами во главе с Олейниковым и Цвибаком, человеком, который не нашел для каждого особого слова, а лишь только «всем, всем, всем» говорил «мерси, мерси, мерси» [13: 110].

Ф. Степун в этом послании выразил справедливую обиду. Эмиграция хотела праздновать свою победу и отдать все почести любимому писателю. Приглашения шли нескончаемым потоком от всех зарубежных русских сообществ, но стокгольмская миссия была непростой. Первая Нобелевская награда представителю русской литературы через 33 года после её учреждения – это не только большая ответственность, но и особые полномочия. Именно тогда начинали складываться традиции русской Нобелианы. И, сознавая это, Бунин был в напряжении от первой до последней минуты.

Г. Кузнецова в «Грасском дневнике» (запись от 19 февраля 1934 г.) отметила, что Иван Алексеевич *«как-то строго отнесся к происшедшему. От этого он сразу и стал так «строг» и с нами, хотя на душе у него было, как он говорил, светло и радостно»*. Она отмечала, что от напряжения и чувства ответственности *«в Стокгольме он вел себя как enfant terrible, все время, кроме часов на людях, на банкетах и в гостиных, где был очарователен и неотразим по всеобщему мнению. Дома же болел, и мы все возились с ним»*.

В этих условиях А. Седых многое взял на себя, и Бунин считал, что *«был он секретарём хоть куда»*. *«Сколько давал за меня, замученного, бесед со всякими иностранными газетчиками, – писал позднее Бунин, – как решительно расправлялся с горами писем, что я получал от несметных поздравителей и просителей, как ловко и спокойно выставлял за порог всяких «стрелков», осаждавших меня в «Мажестике»! В те часы, когда он отсутствовал, я часто сидел, запершись на замок, и недаром: бывали «стрелки», обладавшие удивительным нахрапом, анекдотическим бес-*

стыдством». И далее Бунин вспоминал забавную, но тем не менее довольно неприятную историю о том, как приходила к нему группа неизвестных людей и дерзко и беззастенчиво требовала открыть дверь, купить у них «священную национальную ценность» – топор императора Петра Великого [11: 194]. Не менее настойчивыми оказывались и журналисты. Понятен был их интерес, а возможно, и желание затеять политическую интригу, воспользовавшись щекотливой ситуацией – нежеланием официальных властей СССР признавать победу Бунина. Опасения такие были, и секретарь, хорошо знавший журналистский мир, мог отразить этот натиск.

Насколько интенсивно работал в эти дни А. Седых, свидетельствуют его публикации в газетах «Последние новости» и «Сегодня», освещавшие поездку. Были также публикации в «Нувель литтерер», в «Иллюстрированной России» и других изданиях. Всем хотелось получить информацию из первых рук. Так, в «Иллюстрированной России» Железная маска (псевдоним А.С. – Т.Г.) давал подборку небольших сюжетов, связанных с Нобелианой Бунина.

В одном случае речь шла о министре иностранных дел СССР. Господин Литвинов, находясь в это время в США, вынужден был принимать поздравления от американцев, тем самым оказавшись в несколько щекотливом положении, ведь официально премия советским правительством признана не была.

В другом – был приведён ответ Бунина на вопрос корреспондента о том, как ему удавалось так ярко, верно и глубоко писать о России, находясь вдали от нее. *«Мы оторвались от России?» – спросил Бунин. – Но разве мы не русские по крови, по духу? Россию, наше русское естество мы унесли с собой! и всюду, где бы мы ни были, мы, конечно, не можем не чувствовать ее. Почему же и не писать о России? Можно ли забыть ее? Что я, переродился, что ли, стал французом, стал*

меньше русский, чем Бабель, Эренбург? Почему Клюевы, Есенины должны быть более национальными, чем Пушкины? Разве мужик Семенов лучше писал о мужиках, чем граф Толстой? Разве надо быть королем или мавром, чтобы писать о Короле Лире или об Отелло».

После завершения стокгольмских торжеств настала пора возвращаться домой. Из Швеции в Германию плыли на немецком пароходе. В Берлине А. Седых расстался со своими спутниками. *«Бунины уехали в Дрезден к Ф. Степуну, – записал он, – а я вернулся в Париж. Формально мои секретарские обязанности в этот момент закончились, но до конца жизни Иван Алексеевич любил шутливо называть меня своим «секретарём»* [11: 202].

Жизнь подарила им ещё несколько лет близкого общения в Париже, но в 1942 г. «Последние новости», в которых работал Седых, закрылись. Надо было спасаться бегством от «нового немецкого порядка». Редактор нью-йоркской газеты «Новое русское слово» М. Вайнбаум помог Седых и его жене получить визу, и они уехали в США. Связь с Парижем не прерывалась, но в условиях военного времени можно было обмениваться лишь короткими, случайными открытками, а *«начиная с 47 года и до конца жизни Бунина, – написано в «Воспоминаниях», – приходилось в частном порядке собирать для него деньги среди богатых людей»* [11: 212].

Цвибак добился успеха, став редактором, а затем и владельцем единственной газеты, издающейся на русском языке, занимался общественной деятельностью. По его инициативе были созданы «Фонд срочной помощи» и «Литературный фонд»; устраивались благотворительные вечера, чтения, музыкальные концерты, продавали книги с автографами знаменитостей, привлекали меценатов. Важна была и моральная поддержка, особенно для Бунина, человека гордого и ранимого.

Когда в Париже распространился слух о том, что Бунин решил вернуться в СССР (это было недоразумение), от него отвернулись многие, даже близкие друзья. Седых помог ему опубликовать в «Новом русском слове» от 30 декабря 1948 г. письмо в ответ на публикации И. Окулича и др. Стремясь внести ясность в эту историю, Я. Цвибак в своём мемуарном очерке также дал комментарий, опираясь на известные ему факты.

В очерке, вошедшем в книгу «Далекие, близкие», очерчен и творческий подъём Бунина в годы, предшествующие получению Нобелевской премии, т. наз. грасский период, и время уныния и страданий в годы войны и болезней. Журналистские блокноты Андрея Седых сохранили ценнейшие факты из жизни великого писателя. Говоря о его трудном характере, он обращает внимание на то, что Бунин был отходчив, незлобив.

Вот, например, как завершился спор между ними в один из литературных четвергов, которые проходили обычно у Буниных. Иван Алексеевич читал свои «Воспоминания», досталось там многим, но А. Седых особенно задело высказывание о том, что М. Волошин мог прервать любой теософский спор, чтобы *«жадно наброситься на еду»*. *«Я не выдержал, — пишет он, — и упрекнул его: «Да ведь и Вы, Иван Алексеевич, очень любите закусить пирожками, и селедку любите, и водку. И, пожалуй, ради закуски пожертвуете любым теософским спором...»*. Он на мгновение уставился на меня и вдруг начал смеяться, а потом несколько раз повторял: *«Так Вы думаете, пожертвую, что же, может быть, может быть...»* [11: 226].

Последний раз они виделись в 1951 г., когда Андрей Седых приезжал во Францию. Бунин не вставал с постели и почти никого не принимал. Горькая это была встреча. Вернувшись после этой поездки домой, Седых нашёл рассказ «Мистраль», написанный Буниным в одну из бессонных ночей в Грасе.

Завершая свои воспоминания, он привел эти обжигающие слова: *«Горит свет над старой дубовой кроватью, на которой уже столько лет сплю я в этом старом чужом доме, лежит на приподнятой подушке худое лицо, видны под светом, падающим сверху, темные впадины глаз, виден белеющий лоб, косой ряд в серебристых волосах... Потом я опять поднимаю руку – и только гул и тьма, в которой всюду реет что-то как бы светящееся... Ты взошел на корабль, совершил плавание, достиг гавани, пора сходить»* [11: 234].

Бунина не стало через 2 года после этой встречи. Скончался он 8 ноября 1953 г., а 10 ноября в «Новом русском слове» Я. Цвибак поместил некролог «Памяти Бунина».

Последние годы и месяцы жизни Ивана Алексеевича в письмах к Андрею Седых подробно, день за днём, описывала Вера Николаевна: диагнозы врачей, лекарства, настроение... И так до самого конца. Через 5 дней после его смерти Вера Николаевна написала именно ему большое (на несколько страниц) обстоятельное письмо, в котором подробно рассказала о последних часах жизни писателя, о его кончине и о том, «что опять царствовала любовь к нему и чувствовалось общее горе», как прошли похороны, кто отпевал, кто был рядом. *«День был чудесный, и когда мы ехали уже мимо лесов, то все вспоминалось: «Лес точно терем расписной, лиловый, золотой, багряный...» и меня как-то успокаивало, что это осенью в такой солнечный день, который он особенно любил»*. Копию этого письма в 1965 г. А. Седых переслал А.К. Бабореко, который полностью поместил его в своей книге «Материалы к биографии», вышедшей 1-м изданием в декабре 1967 г.

В эмиграции очень ценили труд Бабореко. Благодаря его книге стали известны многие факты из первой половины жизни писателя: о путешествиях, которые он совершал, живя в России, о романе с Варварой Па-

щенко, о Лопатиной. Вместе с тем в биографии, как писал автору Седых, нет баланса между первыми и вторыми 40 годами жизни Бунина. Даже о получении Нобелевской премии в первых изданиях было сказано «вскользь, мимоходом». Он не мог знать, что это происходило не по воле автора. Многие ещё находилось под запретом.

Следует сказать, что Седых был непримиримым врагом советской власти и большевизма, и поэтому, несмотря на ту роль, которую он сыграл в жизни великого русского писателя, в двух томах «Литературного наследства», вышедших в 1973 г., нет ни одного упоминания его имени.

В 1982 г. русская эмиграция в Нью-Йорке отметила 3 юбилея А. Седых: 80-летие со дня рождения, 60-летие творческой деятельности и 40-летие работы в редакции «Нового русского слова». В мероприятии, устроенном в его честь, и в альманахе, выпущенном по этому случаю, участвовали представители всех трёх волн русской эмиграции: Леонид Ржевский, Василий Аксенов, Владимир Максимов, Ольга Жигарева, Лидия Алексеева, Галина Вишневская, Мстислав Ростропович, Валентина Синкевич, Владимир Войнович и др. Было сказано и написано много тёплых слов, справедливых, заслуженных. Речь там шла и о его дружбе с И.А. Буниным.

Литература

1. Бабореко А.К. Бунин: Жизнеописание. М. – 2004.
2. Бабореко А.К. Дороги и звоны: Воспоминания, письма. М. – 1993.
3. Бахрах А.В. По памяти, по записям. Разговоры с Буниным // Новый журнал. 1978. Кн. 130.
4. Бунин И.А. К моему литературному завещанию // Новый журнал. – 1961. Кн. 66.
5. Бунин И.А. О прозе Андрея Седых // Седых А. Далекое, близкое. М. – 1995.

6. Довлатов С.Д. Речь без повода... или Колонки редактора. М. – 2006.
7. Илюкович А.М. Согласно завещанию. Заметки о лауреатах Нобелевской премии по литературе. М. – 1992.
8. Кузнецова Г.Н. Грасский дневник. М. – 1999.
9. Куприн А.И. Предисловие // Як. Цвибак (Андрей Седых). Париж ночью. Париж. – 1928.
10. Письма И.А. Бунина к С.А. Циону (1940 – 1947) (прим. №3 к письму №32) // И.А. Бунин. Новые материалы. Вып. 1. – М. – 2004.
11. Седых А. И.А. Бунин // Далекие, близкие. М. – 1995.
12. Синкевич В.А. Пути-дороги Андрея Седых // «...с благодарностью: были». М. – 2002.
13. Степун Ф. Письмо И.А. Бунину от 21 ноября 1934 г. // С двух берегов. Русская литература XX века в России и за рубежом. М. – 2002.
14. Три юбилея Андрея Седых: Альманах // Новое Русское слово. Нью-Йорк. – 1982. – 211 с.

Впервые опубликовано:

Гордиенко Т.В. Литературный секретарь И.А. Бунина. Русский язык за рубежом. 2010. №1. – С. 89– 97

*«Рад, что на Родине возрастает
новое племя, есть смена».*

Из писем Б.К. Зайцева
В.И. Лихоносову

И. Бунин и Зайцев в литературном развитии 1960-х гг.

И.А. Ревякина

В письме 3 марта 1966 г. беллетристу и критику Н.П. Смирнову Борис Константинович Зайцев, один из старейших на тот момент писателей Русского зарубежья, в письме 3 марта 1966 г.: *«Я Вас и знаю и не знаю. Никогда не видал и вряд ли уж увижу, но я читал в “Русских Новостях” – всегда с большим внутренним сочувствием и одобрением. В каком-то смысле мы, очевидно, два сапога – пара. Очень близкое мне душевно чувствую в Вашем писании».*

По всей вероятности, речь шла в этом и следующем письме от 29 марта не только о критических выступлениях Николая Павловича, но и его художественной прозе: хороший приём в литературном зарубежье встретила повесть «Золотой Плёт» о жизни и творчестве И. Левитана, что и расширило его сотрудничество

в «Русских новостях». Начало письма относится, по-видимому, к оценкам Смирновым недавних произведений Зайцева.¹

В 1965 г. писатель переслал ему свою книгу воспоминаний «Далёкое» с надписью: «*Николаю Павловичу Смирнову с заочной симпатией Бор. Зайцев. Париж 27 мая 1965*» [11: 433]. В целом благожелательные отклики Зайцева интересны расположением к «близкому» в другом мире литературной жизни, к «встрече» с ним. Не менее очевидна также и горячая заинтересованность, открытость к диалогу его адресата. Он в письмах много расспрашивал Бориса Константиновича об И.А. Бунине, зная об их дружбе и ценя живые свидетельства разных лет, стремясь понять, в частности, отношения писателей поздней поры, в которых было немало трудного².

Именно Н.П. Смирнов был на тот момент «с советской стороны» одним из глубоких и тонких ценителей дарования первого русского Нобелевского лауреата вопреки официальному неприятию его творчества. Эту заслугу Смирнова (почти забытую) справедливо подчеркнет Е. Осетров, вспоминая, каким важным было в писательской среде общение с ним: «*Благородная интонация Русского Зарубежья была целительным озоном в литературе тех лет... В его библиотеке всегда были париж-*

¹ Зайцев Б.К. Собр. соч. Тт. 1–11 (доп.). – М.: Русская книга. Т. 11 (доп.): Письма 1923–1971 гг. Статьи. Воспоминания современников / Сост. Е.К. Дейч и Т.Ф. Прокопов. – М., 2001. – С. 234. Далее ссылки на это издание даются в тексте по следующей форме: [11: 234]. (Продолж. сноски на след стр.) См. ответные письма Зайцева 6 янв., 18 мая 1967 г., 17 янв., 5 мая 1968 г. и др. // Указ. соч. Т. 11: 245, 256, 266, 271 и др.

² См. о нем: Осетров Евгений. Николай Павлович Смирнов, каким его мы знали // Росс. литературов. ж. – М., 1993. – № 2. – С. 217.

ские *“Русские новости”*, издание просоветское, но для чтения всё-таки редко кому доступное. На страницах *“Русских новостей”* Николаю Павловичу удалось в полный голос сказать о художественном значении Ивана Бунина; на родине же тогда не обошлось без выпадов, направленных против писателя-изгнанника»³.

Н.П. Смирнов переписывался с В.Н. Муромцевой-Буниной. Она хорошо отзывалась о его книге *«Охотничьи просторы»*, в одном из писем упоминала: *«Жду с нетерпением продолжения Вашего “Золотого Плёса”»*. В их переписке не однажды обсуждались отклики на книгу *«Тёмные аллеи»*. Вера Николаевна делилась своими суждениями в марте 1959 г.: *«Согласна, что “Тёмные аллеи” будут по-настоящему оценены только впоследствии, но у Вас их понимают лучше, чем здесь... Я очень тоже жалею, что Вы не познакомились с Иваном Алексеевичем, он сразу почувствовал бы в Вас родную душу и был бы с Вами настоящим. Когда ему не нравились люди, то он бывал иногда совсем не тем, чем был»*⁴.

В 1961 г. в *«Русских новостях»* Смирнов опубликовал эссе о *«Тёмных аллеях»*, которое едва ли могло бы появиться в советской печати, как и его статьи о Набокове и В.В. Розанове. Он писал: *«Эта книга написана Буниным в возрасте 65–75 лет... на закате жизни, который, однако, не был его творческим закатом. Скорее это был период “вторичного цветения” его творчества: книга пронизана таким юношески-жадным чувством бытия, которое говорит о вечной весне человеческого сердца. “Тёмные аллеи” – книга, безусловно, смелая, несколько неожиданная в некоторых частно-*

³ См. также очерк о Н.П. Смирнове: Гайдамак А.А. От Плёса до Парижа // <http://www.plyos.org/stat/stat04.html>.

⁴ Письма В.Н. Буниной / Подгот. текстов и примеч. Ник. Смирнова // Новый мир. 1969. – № 3. – С. 214, 215.

стях, и, вместе с тем, исключительно целомудренная и чистая... книга, которая по своему художественному вкусу и такту остается “в словесных изображениях любви” такой же благородной и скромной, как лучшие образцы “обнаженной натуры” в живописи и скульптуре»⁵.

В сходной – искренне позитивной настроенности, тоже обусловленной определённой «близостью», 7 февраля 1967 г. Борис Константинович выскажет и своё отношение к молодому прозаику Виктору Ивановичу Лихоносову. Получив его первые сборники рассказов – «Вечер» (М.) и «Что-то будет» (Новосибирск), которые вышли в 1966 г., он писал: *«Прочитал и порадовался: дарованию, свежести Вашей и молодости. Это всё в Ваших рассказах есть, и человечность есть, и никакого указательного перста. Терпеть не могу, чтобы мне что-нибудь навязывали, долбили в одну точку. Слава Богу, Вы ни с чем не пристаёте к читателю, а изображаете молодежь, чувства молодые – это тема вечная... Всячески желаю Вам сил и творчества, “и во всем благого поспешения”. У Вас свежее и доброе дарование»* [11: 249–250].

Ещё через год, видимо, будучи не уверен, что его письмо получено, Зайцев дважды напишет в поддержку первых книг молодого автора. 20 февраля 1968 г. в его послании отчётливо прозвучит мысль о связи литературного дебюта Лихоносова с новыми исканиями в литературной современности: *«Дорогой Виктор Иванович, вторую Вашу книгу давно получил и давно с удовольствием, как и первую, прочёл. Очень всё свежо, молодо и независимо. Рад, что на Родине возрастает новое племя, есть смена»* [11: 269].

⁵ Смирнов Н.П. Бунин на родине // Росс. литературов. ж. – М., 1993. – № 2. – С. 219.

То же суждение встречаем и в повторном письме 14 марта 1968 г.: *«...очевидно, моё письмо не дошло – я ответил Вам (правда, с опозданием), и книжку Вашу вторую давно получил, и в письме был вполне сочувственный о ней отзыв. Не меняю его и теперь. Ваша молодость, даровитость и свежесть по-прежнему очень меня к Вам располагают. Новая Россия! Дай Вам Бог преуспевать. Дай Бог – свыше дарованное – проносить через жизнь, никуда не склоняясь, в свободе и независимости»* [11: 269].

Их заочному знакомству – в письмах – помог Ю. Казаков, и Зайцев сразу воспринял талант и своевременность только что вошедшего в литературу Лихоносова, его – новый голос, и в стиле, и в направлении. В 1963 г. в «Новом мире» появился рассказ Лихоносова «Брянские», принёсший ему успех.

Молодой автор обратил на себя внимание как лирик в прозе – той творческой линии, которая в 1950–1960-х гг. становится важным направлением в обновлении литературной жизни. Он собственно был и одним из первых «деревенщиков», чьи произведения ознаменовали новую полосу в развитии советской литературы, когда официальная методология соцреализма не хотела сдаваться, но уже начала неумолимо сжиматься, как «шагреновая кожа».

Как правило, именно молодые писатели послевоенной поры стали продолжать деревенскую тему нашей литературы на современном жизненном материале – трудном своей обжигающей и нелицеприятной правдой: они писали без фальши, без угоды советским классово-идеологическим приоритетам.

В 1967 г. вышел объёмный сборник рассказов Лихоносова «Голоса в тишине» с предисловием Ю. Казакова. *«Всё, что он написал, – утверждал старший товарищ о молодом своем друге, – написано свежо, музыкально, очень точно, и всё проникнуто острой, даже какой-то*

*восторженно-печальной любовью к человеку»*⁶. В этой оценке по сути определён программный характер тех явлений в литературе 60-х гг., которые были связаны во многом с творчеством писателей, вошедших в литературу после Великой Отечественной войны: складывалось новое направление ещё советских лет – без боязни суровой правды, без прикрас, без идеологических догм, с тяготением к психологической углублённости, с опорой на большие традиции русской литературы не только XIX в.

Вот эти черты таланта, как предвестия и свидетельства обновления литературы, и воспринимал Б.К. Зайцев, прочитав первые 2 книги, присланные ему Лихоносовым. В первом письме от 7 февраля 1967 г. он поддержал самобытность молодого автора – особый такт его повествовательной манеры – лиризм и ненавязчивость: *«И автора видишь, не только на фотографии, но и всюду в описании он присутствует, не назойливо, как будто незаметно, но вот это как будто именно и нужно ... подражаний кому-либо не заметил. В одном месте чуть-чуть пахнуло Чеховым, но мимолетно... У Вас свежее и доброе дарование... Диалоги Вам очень удаются»* [11: 250].

Во всех письмах Зайцев чётко выделял близкие ему позиции, обусловленные новой эпохой в советской жизни – уже «после оттепели». Подчеркнем ещё раз: *«Дай Бог – свыше дарованное – проносить через жизнь, никуда не склоняясь, в свободе и независимости»* [11: 269]. Последние слова Б.К. – далеко не общее место. Они выявляют и его писательскую позицию: её он противопоставлял идеологической зависимости советских писа-

⁶ Казаков Ю. Несколько слов о Лихоносове / Голоса в тишине. – М.: Мол. гвардия, 1990. – С. 604. Это напутственное слово Казакова впервые сопровождало первую большую книгу рассказов Лихоносова того же названия, вышедшую в Москве в 1967 г.

телей. Об этом кратко, но очень веско сказано в письме 6 мая 1968 г. Н.П. Смирнову, которого он, напомним, «заочно чувствовал родственно»: «... должен сказать, что чем дольше живу за границей, тем более становлюсь русским, хотя здешней свободы, как писатель, ни на что променять не могу» [11: 272].

«Возрастание» новых тенденций в русской литературе 60-х г. Зайцев усматривал с одной стороны в признаках освобождения от идеологического догматизма и скованности, а с другой — в проявлениях определённой свободы отношений с представителями эмиграции, чего не было раньше. Оба эти явления, конечно, были связаны, одно вызывало другое. Время высвобождения из-под пут тоталитарности порождало — новый исторический контекст, новые взгляды на прошлое (Революцию и Гражданскую войну) и на современность. Эпоха «разрыва времен и мирозерцаний» ещё не закончилась, её жёсткие императивы продержатся более двух десятилетий, но «наступила переломная пора», обозначенная в статье-воспоминаниях Осетрова «пастернаковским словом» — «Рассвет»⁷, того «момента» в движении времени, *когда тьма уже уступает свету*.

В переписке с Зайцевым 60-х гг. очевиден рост ответных связей, а особенно из среды молодых (несомненно, что одной из нитей этих отношений был и Лихоносов). Бориса Константиновича необычайно радовало признание его собственного творчества в среде писателей нового поколения в России, которые проявляли большой и принципиально-творческий интерес к писателям-эмигрантам в целом, а особенно настойчивый по отношению к Бунину, его жизни и творчеству. И то, и другое было знаком новых веяний в развитии советской литературы, долгое время бывшей за «железным

⁷ См. указ. выше статью Е. Осетрова // Росс. литературов. ж. — М., 1993. — №2. — С. 217.

занавесом» идеологических запретов, а литература и авторы «в рассеянии» оставались на «других берегах» и жизни, и культуры.

«Странную вещь», – писал Зайцев 26 июня 1968 г. в Орел Л.Н. Назаровой, своему давнему адресату из круга исследователей творчества И.С. Тургенева, – заметил я за последнее время: здесь сочувственно относятся немолодые дамы, а в России (с которой всё-таки связь возрастает) молодые – писатели и просто читатели. Недолго жить осталось, а интересно бы увидеть, многое сейчас меняется, чувствую по письмам из России и рассказам путников отсюда туда – многие берут и провозят мои книги. И говорят: там нарасхват» [11: 273].

В следующем письме к ней же в августе 1968-го ставится та же тема: *«Вообще же у меня переписка с Россией всё растет. Недавно дама эмигрантка, вернувшись из Москвы, привезла мне книгу неизвестного мне писателя с трогательной надписью. Кончалась она: «...патриарху российской словесности». Это Вам не доярки и не парнишки. – Дама прибавила, что по её мнению «тамошние» даже переоценивают эмиграцию. Очень может быть. Думаю, поднадоели «ребята», «вроде бы», «хватит». А «мы» вымираем неукоснительно [11: 275].*

При всей трагичности разрыва на долгие годы отечественной культуры глубинные связи и притяжения между её искусственно разделёнными потоками никогда не прекращались. На них были строжайшие запреты от официальных ведомств, как будто вершивших судьбы творцов художественных ценностей, но эти связи существовали в личных и, несмотря ни на что, творческих контактах писателей и художников с обеих сторон, в «катакомбах» их встреч и переписки, что получит признание и станет гласным только через годы. В этом отношении чрезвычайно показательны примеры

откликов И.А. Бунина конца 1940-х г. на новые произведения советской литературы. Надо подчеркнуть, что появились они при тягчайших для писателя жизненных обстоятельствах: его мало печатали тогда в эмиграции, он был, как и прежде, произвольно лишён возможности издаваться на Родине – и на склоне лет всё это воспринималось им чрезвычайно остро. Тем более значительными предстают позитивные отклики писателя на яркие и заметные явления советской литературы. Бунин с восторгом прочитал отрывок из автобиографической повести К. Паустовского «Далекие годы»⁸, появившийся в зарубежье. Он сообщал об этом Н.Д. Телешову, а также пытался известить и самого автора (написав в издательство). Обжигающе горячо отозвался Бунин и на выход ставшей скоро широко известной поэтической книги Твардовского, узнав о ней также из зарубежной публикации.

В сентябре 1947 г. Бунин писал Н.Д. Телешову: *«... только что прочитал книгу А. Твардовского («Василий Тёркин») и не могу удержаться – прошу тебя, если ты знаком и встречаешься с ним, передать ему, что я... совершенно восхищён его талантом, – это поистине редкая книга: какая свобода, какая чудесная удаля, какая меткость, точность во всём и какой необыкновенный народный, солдатский язык – ни сучка, ни задоринки, ни единого фальшивого, готового, то есть литературно-пошлого слова»*⁹.

Успехи литературы на родине были дороги Бунину, именно они «звали» его на родину. Новое и успешное в советской литературе вызывало у него надежды на перемены и ожидания быть наконец понятым. Однако это оказалось тогда преждевременным и тщетным. Достаточно вспомнить очень болезненную реакцию Бу-

⁸ См. об этом: Лит. наследство: Т. 84: Иван Бунин. Кн. 2. – М.: Наука, 1973. – С. 405.

⁹ Там же. – Кн. 1. – М., Наука, 1973. – С. 637.

нина на план Государственного издательства, возникший в конце 1945 – начале 1946 г.: выпустить «изборник» его произведений без каких-либо договорных обязательств перед ним. Бунин считал (в соответствии с международными правовыми нормами), что самовольность плана Госиздата может лишить его каких-либо прав на переиздания за границей, как он писал с горечью и обидой – «самого существенного из труда и достояния всей моей жизни»¹⁰.

После протеста писателя набор издания был рассыпан. В конце 1946 – начале 1947 г. Бунин делает новую попытку связаться с Гослитом. 8 января 1947 г. он обращался с такой просьбой к Н.Д. Телешову, своему «пожизненному» другу: *«... спешу горячо просить тебя сказать Государственному издательству: пусть издаёт из моих писаний всё что угодно, но выбирают только из собрания моих сочинений издания «Петрополиса» в Берлине 1934 и 1935 гг. (если в Москве этого издания нет, – я вышлю свой экземпляр, последний, ибо это издание давно разошлось)»*¹¹.

Писатель был готов к печатанию своего «избранного» – однако, с учётом его авторской воли в выборе источников текстов, что и было обязательным условием творчески-делового контакта. Он хотел избежать ограничений в отборе созданного им (только из дореволюционного времени) и в той интерпретации, которая подразумевалась гослитовскими идеологами! Как тревожил и мучил Бунина отрыв от родины, как хотел он «возвращения стихами», по слову Г. Иванова, – чтобы его произведения, именно произведения, вернулись к читателю на родине! Но обе попытки связи с Госиздатом во второй половине 1940-х гг. так и не привели к желаемому результату.

¹⁰ Там же. – С. 628: см. письмо Бунина Н.Д. Телешову от 30 января 1946 г.

¹¹ Там же. – С. 631.

Однако позднему волевому импульсу Бунина напечататься на родине всё-таки суждено было осуществиться, но только после его смерти. Его авторские распоряжения выполнила В.Н. Муромцева-Бунина уже в иных исторических обстоятельствах (другом историческом хронотопе), передав на родину обещанные писателем материалы (они готовились писателем и предполагались как основа будущих изданий). Тогда-то, после смерти Сталина, в условиях наступившей «оттепели», в 1954 г. на Втором Всесоюзном съезде писателей в докладе К. Федина, наконец, прозвучало: наследие Бунина надо вернуть на Родину¹².

Только тогда наступила «пора» официального возвращения, которая продлится несколько десятилетий: и в 50-е, и в 60-е гг., и в последующие десятилетия Бунина начнут издавать немало, но всё ещё не в полном объёме (выступлений против «окаянства» революции ему долго не будут прощать); полный корпус напечатанного им при жизни появится в собрании сочинений только в 2000 г.¹³

Драматизм последнего прижизненного запрета на наследие Бунина (когда был рассыпан набор его избранного в Госиздате) до сих пор не вполне точно трактуется в биографическом плане. Что касается Бунина, то в этом обращении к советской стороне не было никакого «заигрывания» с нею. Писатель допускал возможность диалога только с позиций свободного художника. Такой же была и его позиция в отношении реэмиграции после окончания Второй мировой войны. Тут были несходства с воззрениями Б.К. Зайцева, что и поссорило их в поздние годы.¹⁴

¹² Федин К.А. Писатель, искусство, время. – М.: Сов. писатель, 1957. – С. 430.

¹³ См. Бунин И.А. Собр. соч.: В 8 Тт. / Сост., коммент., подгот. текста и подбор иллюстр. А.К. Бабореко. – М.: Мос. раб., 1993–2000.

Проживи Бунин на десятилетие – полтора больше – время, может быть, и примирило бы их. Именно «шестидесятые» стали наступившей порой творческого, подчас ещё подспудного, подводного, запрещаемого, но несомненно начавшегося признания органических связей в развитии разорванных революционной катастрофой частей отечественной культуры. Не случайно в переписке Зайцева тема взаимопонимания, признания, «родства» с писателями нового поколения в 60-х гг. становится почти лейтмотивной.

С конца 1950-х г. интерес к связям с эмиграцией в Советской России возрастает – и в писательской, и в научной среде. Так проявятся новые качественные характеристики отечественной литературы – с обновленным гуманистическим и историческим наполнением. Это особенно чётко скажется в освоении наследия Бунина: его произведения начнут интенсивно печатать, его жизнь и творчество будут также интенсивно изучаться, в русле его творческих притяжений окажутся многие и многие писатели, как уже сложившиеся (что ранее замалчивалось), так и молодые.

Новый период в изучении наследия И.А. Бунина явно обозначится с «внепартийными», т.е. общекультурными подходами к творчеству писателей Русского зарубежья, которые прежде развенчивались как «реакционеры», связанные с «проклятым прошлым» и чуждые революционной культуре нового мира. Творчество Бунина, последовательного в своих «белоэмигрантских» позициях, тоже в это время начинает по-новому осваиваться в своей культурно-исторической значимости.

¹⁴ См. отголоски политических распрей, сотрясавших русский Париж во время и после войны в переписке И.А. Бунина с Ю.С. Сазоновой (Слонимской) // И.А. Бунин: Новые материалы. Вып. II / Сост., ред. – О. Коростелев и Р. Дэвис. – М.: Русский путь, 2010. – С. 268, 295, 297, 352.

Эту задачу стали решать «катакомбные литературоведы» (как их потом назовут)¹⁵. Среди них следует назвать А.О. Храбровицкого, Н.П. Смирнова, П.Л. Вячеславова, Э.М. Ротштейна, О.Н. Михайлова, а также А.К. Бабореко.

Выделим пример одной из первых инициатив, показательный теми трудностями, которые приходилось преодолевать. Статья «Выдающийся русский писатель» – первое выступление А.К. Бабореко о Бунине. Она появилась не случайно по «родному» для писателя «адресу» в «Орловской правде» 22 октября 1955 г.: статью не принял московский академический журнал «Известия ОЛЯ», т.к. автор ни слова не сказал об отношении Бунина к революционным демократам.

И в дальнейшем Бабореко нередко публиковал свои разыскания в «провинциальных» изданиях, близких «биографически» писателю местам – например, Орле, Воронеже, где на гуманитарных кафедрах университетских городов, отчасти свободных от литературно-партийных чиновников, складывались научные сообщества изучения творчества Бунина.

В сборнике воспоминаний и писем «Дороги и звоны» Бабореко подчеркнет: *«Очень помогал мне преодолевать цензурные препоны поэт, живший в Смоленске, Николай Иванович Рыленков, влюблённый в автора “Жизнь Арсеньева”.... Нашлись и в Орле люди с не замутнённым пропагандой разных марксистско-ленинских идейщиков разумом... Эта смелость была у Л. Афонина. Добрым словом должны поминать читатели Клавдию Петровну Пушешникову, вдову писателя-переводчика Николая Алексеевича Пушешникова, племянника Бунина. Она спасла ... архив его брата Юлия Бунина... Ко мне она была расположена дружески и весь бунинский*

¹⁵ См. статью О. Михайлова «Мой Бунин» // Литературная Россия. – М., 2011. – № 50. – 14 декабря.

архив открыла для меня... По моему совету она передала всё в музей Тургенева в Орле»¹⁶.

В период с 1956 по 1967 г. появляется более 30 публикаций и статей Александра Кузьмича. В них последовательно собиралась разнообразная мозаика эпистолярных и мемуарных, научно прокомментированных документов, которые выстраивали эскиз биографии писателя в реально-неопровержимых, а до того и неизвестных фактах его жизни: от юношеской влюбленности в Варю Пащенко и первых литературных связей вплоть до катастрофических событий в России 1917 г.

Примером содержательной насыщенности подборок писем Бунина, печатаемых Бабореко, может служить публикация «Из переписки И.А. Бунина» в «Новом мире» в 1956 г. (№10). Из восемнадцати писем Бунина – 4 адресованы Толстому, 1890–1894 гг., 3 – В. Пащенко, 1891 г., 2 – А.П. Чехову, 1891 и 1901 г., 1 – брату-наставнику Ю.А. Бунину, 1900 г., 1 – издателю В.С. Миролюбову, 1901 г., 4 – М. Горькому с 1902 по 1910 гг., 1 – также издателю Н.С. Клестову, 1910 г., 1 – другу-писателю Н.Д. Телешову 1941 г. и 1 – Н.Я. Рощину 1943 г., литератору, близко связанному с домом Бунина, вернувшемуся позднее из эмиграции на родину.

Эта публикация представляла и личностное становление Бунина, и его рано заявленные, а потом всё более широкие отношения в литературном мире. От письма к письму менялась сама стилистика посланий мужавшего Бунина. Показательно в подборке – письмо из эмигрантских лет. Оно было в то время прорывом в особый мир русской культуры, на десятилетия отторгнутый от родной почвы. В заметке от составителя Бабореко перечислял архивы, в которых хранились публикуемые письма: Музей Л. Толстого в Москве, РГБ НИОР, Ар-

¹⁶ Бабореко А.К. Дороги и звоны: Воспоминания, письма. – М.: Скифы, 1993. – С. 59–60.

хив А.М. Горького в Москве, ОР ИМЛИ, ГЛМ, личный архив Н.Я. Рощина.

Редакция «Нового мира» предпослала подборке писем вступление, в котором приводились слова К. Федина из доклада на Втором Всесоюзном съезде советских писателей, получившие поддержку делегатов, о необходимом возвращении наследия Бунина на родину. Итогом более десятилетних (с середины 1950-х г.) поисков Александром Кузьмичем Бабореко бунинских документов, изучения творческих и личных связей писателя стала книга «И.А. Бунин. Материалы для биографии (с 1870 по 1917)» (М.: Худ. лит., 1967. – 302 с.; альбом илл. – 25 с.). Её открывала история рода Буниных, начиная с XV в. Жанр именно материалов для биографии был точным обозначением поставленных задач: Бабореко следовал, правда в условиях жёсткого идеологического давления и цензуры, научным принципам школы В.В. Вересаева – честного собирания фактов и строгой объективности.

Одним из первых горячо откликнулся на книгу в письме автору П.Г. Антокольский: *«Хорошо могу представить себе тщательность, добросовестность, страстность и длительность вашей работы...»*. Высказывал Павел Григорьевич догадку о вероятных трудностях цензурного её прохождения, упоминая вскользь: *«Видимо, сознательно вы совершенно убрали себя... За таким решением чувствуется и скромность и большая выдержка»*¹⁷.

Ю.Г. Оксман, также в письме автору, высоко оценивая работу, называл её «первым сводом» основных материалов для биографии Бунина «без вранья» и лакировки. Он советовал «приступить к новой фазе исследования»: «развороту» материалов «в биографическую монографию»¹⁸.

¹⁷ Там же. – С. 117–118 ¹⁸ Там же. – С. 119.

Ю.И. Долинин тоже с благодарностью писал о «добротной, честной манере письма» Бабореко, видя в таком подходе продолжение традиций «литературы факта и жизненной правды». Он подчёркивал успех следования этим принципам в полноте их наполнения: *«У нас утрачен вкус к биографии писателя (исключая её социальные аспекты)... Между тем личное, интимное значит так много... Вы превосходно даёте ощутить человеческий облик Бунина... И вы не менее хорошо обрисовали его цепкую художественную восприимчивость ...»*¹⁹.

Единодушно признавались достоинства книги также и в Русском зарубежье современниками писателя – А. Седых, Г.В. Адамовичем, Г.П. Струве, Б.К. Зайцевым, Г.Н. Кузнецовой. И от них исследователь получил подробные послания. А. Седых отмечал: *«...Ваш труд представляется мне ... совершенно первоклассным с точки зрения исследования жизни писателя... книга эта останется в русской литературе...»*.

Он же выделял, что, хорошо зная жизнь Бунина, обнаружил очень много неизвестного из первой половины его жизни. Однако для А. Седых было ясно (как и другим из бунинского окружения), что «в книге нет “баланса” между первыми и вторыми сорока годами жизни Бунина». В частности, по его мнению, обстоятельства получения Нобелевской премии раскрывались в книге «очень бегло». Седых оговаривал при этом своё понимание такой особенности: *«...Человеку, отрезанному от многих источников и архивов, трудно было дать такую же полную картину жизни Бунина после 20-го года»*²⁰.

Эти замечания были справедливыми. Бабореко на момент издания книги не располагал ещё многими источ-

¹⁹ Там же. – С. 120–121.

²⁰ Там же. – С. 138

никами о «вторых сорока годах» писателя. Но главное заключалось в том, что автор сознательно ограничил себя периодом до 1917 г., как это обозначено им в подзаголовке. Всё последующее лишь кратко освещалось в приложении «Последние годы». Это решение диктовалось идеологическими обстоятельствами тем очевиднее, что во вводную часть главы были внесены чуждые автору мысли об ущербности Бунина-художника в условиях эмиграции²¹.

Собрания сочинений Бунина в советское время стали печататься только с середины 1950-х гг. Первым опытом было собрание сочинений в 5-ти томах, вышедшее в 1956 г. как приложение к журналу «Огонёк»²².

Оно состоялось благодаря тому, что в 1955 г. от вдовы писателя в московские архивы поступили книги, исправленные Буниным в последние годы жизни специально для будущих переизданий. Тогда впервые в советских изданиях стала выполняться авторская воля писателя: перепечатывать его произведения с учётом позднейшей правки 1940–1950-х гг., сделанной прежде всего в томах собрания сочинений изд-ва «Петрополис» (Берлин, 1934–1936).

Для немногих советских изданий 1920 и 1930-х гг., никак не согласованных с автором (будучи эмигран-

²¹ См. Бабореко А.К. И.А. Бунин: Материалы для биографии (С 1870 по 1917). – М.: Худ. лит., 1967. – С. 215. Эти суждения А.Т. Твардовского (из статьи «О Бунине») были навязаны Бабореко, по его словам, редактором, и без них книга не могла выйти (см. об этом: «Дороги и звоны», С. 115). Освободиться от этого «официоза» исследователь не смог и во втором издании труда. По-новому и в широком объеме раскрыть тему эмиграции удалось много позднее, при работе над книгой: Бабореко А.К. Бунин: Жизнеописание. – М.: Мол. гвардия, 2004; вышла посмертно.

²² Бунин И.А. Собрание сочинений: В 5 т. / Подгот. текста и примеч. П.Л. Вячеславова. – М., 1956.

том и серьёзно нуждаясь, он не получал за них никаких гонораров), отечественные издатели использовали в качестве основы тексты дореволюционного собрания сочинений, которое вышло приложением к журналу «Нива» в 1915 г. Намерение использовать в однотомнике, набранном в СССР в 1945 г., этот ранний, устаревший для самого автора источник, и послужило одной из причин конфликта Бунина с советскими издателями в 1945–1947 гг. Двусторонний характер их разногласий остался закрытым цензурой почти на 30 лет. Факты нереализованных тогда возможных контактов писателя с советскими издателями лишь частично были приоткрыты в 1973 г. в переписке Бунина с Н.Д. Телешовым и К.А. Фединым²³.

В процессе «возвращения Бунина на родину» сталкивались разные подходы к его «эмигрантству». Показательно для 1960-х г., да и в последующем, явное разноречие в характеристиках Бунина-художника, например, между К.Г. Паустовским и А.Т. Твардовским.

В 1961 г. в литературно-художественном сборнике «Тарусские страницы», сразу приобретшем авторитет оппозиционного и вскоре запрещённого, печатается глава «Иван Бунин» из второй книги Паустовского «Золотая роза». Этот очерк, написанный с огромной силой художественной убедительности, впервые открывал в советской литературе обаяние и мощь бунинского мастерства, достоинство и цельность Бунина-человека.

Для автора «Золотой розы» не подлежит сомнению, что послереволюционный Бунин – столь же неотразимый художник, как и раньше. Его позиция в самой сути противостоит неприятию Бунина советскими идеологами как писателя, растерявшего свой талант в отрыве от родины.

²³ См.: Лит. наследство: Т. 84. Иван Бунин. Кн. 1. – М., 1973. – С. 627-638, 690-691.

Именно поэтому большая часть очерка посвящена «Жизни Арсеньева». Паустовский утверждал: «...возвращены на родину драгоценнейшие бунинские вещи и в их числе повесть «Жизнь Арсеньева». Об этой повести писать трудно, почти невозможно, так же, как и о самом Бунине. Он так богат, так щедр, так многообразен, так беспощадно и точно видит любого человека от господина из Сан-Франциско до плотника Аверкия, видит каждый малейший жест и каждое душевное движение так удивительно ясно, одновременно строго и нежно, говорит о природе, неотделимой от течения человеческих дней, что писать об этом, как говорится, «из вторых рук» бесполезно и почти бессмысленно»²⁴.

Н.П. Смирнов также отстаивал целостность бунинского таланта на всём протяжении его творчества; по его мнению, Бунин в эмиграции даже «обогастил» свой талант, придав ему «необычайную лирическую силу». Вот яркие характеристики «Тёмных аллей»: «Ностальгией обусловлена в книге и роскошная щедрость картин родной природы, воспринимаемых с наглядной ясностью и чувственной осязательностью. «Тёмные аллеи» – книга глубоко национальная: это не только магическое перевоплощение в былую Россию, но и глубинное ощущение её непреходящего колорита и жанра»²⁵.

Статьей Твардовского «О Бунине» открывалось 9-томное Собрание сочинений писателя (выходило в 1965 – 1967 гг.). Даже по своему объёму, включая многие поздние произведения, оно стало очевидной вехой освоения наследия писателя²⁶. Во вступитель-

²⁴ Тарусские страницы: Литературно-художественный иллюстрированный сборник / Ред. коллегия: В. Кобликов, Н. Оттен, Н. Панченко, К. Паустовский и Арк. Штейнберг. – Калуга: Калужское кн. изд., 1961. – С. 30.

²⁵ См. в статье «Бунин на родине» // Указ. изд. – С. 221.

ной статье Твардовского немало и убедительно сказано о «редкостном даре», «безусловности художнических принципов» Бунина-реалиста классических традиций. И всё-таки «примесь» социологизма в исходных позициях Твардовского – диктуемых обстановкой – в определённой степени искажала его выводы о месте Бунина и в литературном движении на сломе эпох, и в самом искусстве русского слова. Вот одна из спорных формулировок: *«идеи, проблемы и самый материал действительности, послуживший основой его стихов и прозы, уже принадлежат истории»*²⁷.

Выделял Твардовский и губительность отталкивания писателя от революции: *«Эмиграция стала поистине трагическим рубежом в биографии Бунина... произошла не только довременная и неизбежная убыль его творческой силы, но и само его литературное имя понесло известный моральный ущерб и подёрнулось ряской забвения, хотя жил он ещё долго и писал много»*²⁸.

Среди немалого числа однотомных изданий Бунина 50–60-х гг., которые получили известность, современники выделяли «Избранные произведения» (М.: Гослитиздат, 1956 / Подгот. текста и примеч. П.Л. Вячеславова) и «Повести. Рассказы. Воспоминания» (М.: Моск. раб., 1961 / Подгот. текста и примеч. П.Л. Вячеславова) с предисловием К. Паустовского. И то и другое издание значительны именно «неизвестным» Буниным: они обогащали советского читателя ранее запретными произведениями – шедеврами поздних лет.

Конечно, в отборе произведений подготовитель вынужден был ограничиваться прежде всего тем, что уже не вызывало цензурных нареканий. А кроме того, в ос-

²⁶ Бунин И.А. Собр. соч.: В 9-ти т. / Под. общ. ред. А.С. Мясникова; вступит. ст. А.Т. Твардовского; примеч. О.Н. Михайлова и А.К. Бабореко. – М.: Худож. лит. – 1965–1967.

²⁷ Новый мир. – 1965. – № 7. – С. 211.

²⁸ Там же. – С. 213.

нове изданий были тексты, которые сам Бунин готовил для будущих переизданий²⁹.

В суждениях В.И. Лихоносова о том, как Бунин «входил» в его творческое сознание, однотомник 1956 г. занимает особое место: он выделен как подлинное событие. Вот одно из таких свидетельств: *«Любому жившему тогда советскому человеку 1953 г. памятен тем, что умер Сталин. Но осенью того же года в Париже умирает Бунин. Газета "Правда" по этому поводу поместила крошечное сообщение. Меня очень заинтересовало, кто такой Бунин? Почему он умер на чужбине? Почему запрещены его произведения?»*

*Через три года, наверное, благодаря XX съезду партии, Бунина впервые напечатали в Советском Союзе. Я помню, как сообщение о выходе бунинского однотомника вышло в «Литературной газете» и как я спрашивал у продавцов: «Не пришел ещё?» Только узнав Бунина, я понял, как надо, как единственно стоит писать»*³⁰.

В числе тех писателей, от которых Лихоносов вёл свою родословную, Бунин, почти всегда, — на первом месте. Об этом истоке, но в связи с осмыслением того, что такое писательское призвание вообще, он размышлял: *«Читал я в детстве мало, и мне кажется нынче: если бы не очаровали меня эмигрантские страницы И. Бунина, "Тихий Дон" М. Шолохова, стихи С. Есени-*

²⁹ О новых задачах научных изданий произведений Бунина и его писем на академическом уровне, поставленных исследователями его наследия, см. в фундаментальных трудах: Бунин И.А. Письма 1885 – 1904 гг. / Под общ. Ред. О.Н. Михайлова; Подгот. текстов и коммент. С.Н. Морозова, Л.Г. Голубевой, И.А. Костомаровой. – М.: ИМЛИ РАН, 2003. – С. 5–8; И.А. Бунин: Новые материалы. Вып. I / Сост., ред. – О. Коростелев и Р. Дэвис. – М.: Русский путь, 2004. – С. 3–5.

³⁰ Лихоносов В. Доброго никогда не бывает перебор // газ. Живая Кубань (Краснодар) – 2011. – 8 дек.

на, если бы не благословлявший дорожить мечтательностью и печалью своей души К. Паустовский, то я бы не посмел написать и строчки. Моё мироощущение подкреплялось мироощущением знаменитостей: ага! Этого нежного трепета стесняться не надо. Раскрепоститься в тайных переживаниях и потом выйти с ними на площадь – непросто. Но робость перед литературой беспокоит меня и по сей день»³¹.

Лихоносов, как и его старший товарищ по литературному цеху Ю.П. Казаков, с первых шагов в литературе испытал благотворное влияние личности и наследия Бунина. Это вызывало неоднозначные оценки, которые затем не случайно менялись.

Уже подводя итоги литературной жизни 1960-х гг., критики писали, что «в середине пятидесятих годов Бунин “обрушился” не на одного Казакова. Его проза, в которой было “чересчур много живописи” (Ю. Трифонов), оказала на молодых прозаиков той поры – в чём они дружно и не однажды признавались – огромное влияние “в области стиля”, заворожив их своими интонациями, ритмами, своей “сочной и плотской” образностью.

В бунинской прозе их привлекало, как говорил, например, А. Приставкин, “полное отсутствие официоза, естественность и простота, глубокий психологизм, близость к природе и вообще к естеству человека, высокая, почти музыкальная культура слова”³².

По признанию В. Белова, приобщение к бунинским традициям для молодых прозаиков середины пятидесятих годов было установлением связей с классической русской литературой. Он был для них «последним,

³¹ Цит. по: Бондаренко В. «Очарованный странник Виктор Лихоносов» // Завтра. – М., 2003. – 8 окт.

³² Кузьмичёв И. Юрий Казаков: набросок портрета. – Л.: Сов. писатель, 1986. – С. 102.

пока ещё никем не превзойденным» её представителем и старейшим современником³³. А. Твардовский отрицательно оценивал влияние Бунина на раннего Казакова. Когда уже появились его рассказы 1956 и 1957 г. «Голубое и зелёное», «На полустанке», «Некрасивая», «Никишкины тайны» и др., Твардовский как редактор «Нового мира» отказывался его печатать. Во внутренней рецензии в 1958 г. он писал: *«Автор талантлив, но по молодости притворяется пожившим, усталым, понимающим будто бы “тщету всего земного”, “горечь и безнадежность утрат, неизменность “вечного круговорота”: юность – старость... Все эти настроения и мотивы в готовом виде взяты из литературы, более всего от Бунина, который весьма сильно определяет и само письмо молодого автора»*. Твардовский воспринял героев Казакова обрисованными «односторонне, абстрагировано от множества жизненных связей».

Особенно показательным он считал в этом отношении рассказ «Дым»: где есть *«ощущения биологического (возрастного) счастья юности и горести старости, но нет ни намека на практически-жизненную принадлежность их... А ведь это так важно, что “дед”, например, был мужиком, а “отец” генералом... а сын учится... Другая цена была бы всем этим росным травам, запахам земли и воды, даже мыслям о юности, счастье, старости и смерти»*³⁴.

Позднее, в статье «О Бунине» 1965 г. (открывавшей собрание сочинений писателя в 9-томном собрании сочинений) Твардовский по-иному, гораздо шире и справедливее, оценивал бунинскую традицию в творчестве советских писателей: он писал о почетном «родстве с бунинскими эстетическими заветами» лучших совет-

³³ Там же. – С. 103.

³⁴ Твардовский А. Собр. соч. в 6 т. Т. 5. М.: Худ. лит., 1980. – С. 291.

ских прозаиков, называя Шолохова, Федина, Паустовского, Соколова-Микитова, а вслед за ними – Казакова, Белова и Лихоносова³⁵.

В спорах о бунинских традициях участвовали многие критики и писатели. В. Панова на Всероссийском семинаре молодых прозаиков в Ленинграде в 1958 г. отзывалась о Ю. Казакове так: «... талант большой... В лепке характеров, в слове, ритмике... нам нечему учить молодого Казакова». Считая, что подражание для молодого писателя «неизбежно, как корь», она подчёркивала, что Казаков «щедро даёт – при желании – превосходные детали сегодняшнего дня». Это она выделяла в лучших, по её мнению, на тот момент рассказах Казакова – «Легкая жизнь», «Лешак»³⁶.

Сам Казаков отстаивал свои связи с классическими традициями. Он писал В. Пановой: *«И Бунинным Вы меня напрасно укорили. Что ж Бунин? Бунин олимпиец, бог – таких, как он, у нас на Руси было 3 – 4, не больше. Но если я обожествляю Бунина, то это вовсе не значит, что я слеп и глух к остальному. Я многих люблю, я и Вас люблю...»*³⁷.

Даже «выбравшись из-под Бунина», как признавался сам Ю. Казаков, он продолжал преданно любить его, собирався написать о нём книгу «в духе цвейговских «Звездных часов человечества»³⁸.

Во время поездки во Францию в 1967 г. он встречался с Б. Зайцевым, Г. Адамовичем, расспрашивал о Бунине всех, кто был с ним хоть сколько-нибудь знаком³⁹.

³⁵ Там же. – С. 59.

³⁶ См.: Кузьмичев. Указ. изд. – С. 89–90.

³⁷ Там же. – С. 91.

³⁸ Там же. – С. 103.

³⁹ Казаков Ю. Беседы с Борисом Зайцевым в Париже // Новый мир. – 1990. – № 7. – С. 132–139.

Юрий Павлович не только собирал материалы о Бунине, но чувствовал себя как бы частью бунинской среды, одним из преданных продолжателей и наследников его традиций.

В обсуждении вопроса – кто же всё-таки Ю. Казаков: ученик или мастер в наследовании традиции? – критики давали разные ответы. Ю. Трифонов в 1977 г. утверждал именно его современность и самобытность: *«Казаков близок Бунину, он его ученик, мастер бунинской школы, продолжатель, но не подражатель. О, нет! Близость Бунину – в стилистике, во фразе, в умении живописать, но наполнение казаковских рассказов иное. Они написаны воздухом нашего бытия»*⁴⁰.

А в чём именно «воздух нашего бытия» – отечественные критики вели споры и в 70-е гг. и позднее, на грани столетий. И.С. Кузьмичев в 90-х писал: «И характер, и гражданскую позицию своих героев Казаков испытывал на прочность, ставя их перед проблемами вечными и одновременно актуально-конкретными.

Его художнические заповеди не содержали в себе радикальных новшеств, напротив, были, пожалуй, традиционны. Казакова, как он сам, напоминая, объяснял, волновали: человеческое счастье, преодоление страданий, живучесть грязных инстинктов, любовь...

Любовь, может быть, больше всего: она являлась той лакмусовой бумажкой, которая безошибочно определяла в казаковском романе душевный потенциал человека... Любовь его героев – всегда страсть, всегда счастье, добываемое в мучительном процессе самовоплощения»⁴¹.

И во всем этом у Казакова немало «волшебных совпадений» с Буниным. Определяющее важное свойство таланта и личности Казакова критик видел также в

⁴⁰ См.: Кузьмичев И. Указ. изд. – С. 89.

⁴¹ Там же. – С. 62–63.

«глубинной памяти», душевной интуиции, обостренном чувстве причастности к своему роду⁴².

И в этих осмыслениях *«душевного потенциала человека»*, уже на материале сегодняшнего дня, Казаков во многом пересекается с Буниным. Критик ссылается на размышления А. Твардовского о пронизательности и ёмкости бунинского психологизма, охватывающего движение времени: «Бунин не просто мастер необычайно точных и тонких запечатлений природы, он великий знаток “механизма” человеческой памяти... властно вызывающий в нашей душе канувшие в небытие часы и мгновения, сообщающий им новое и новое повторное бытие и тем самым позволяющий нам охватить нашу жизнь на земле в её полноте и цельности, а не ощущать её только быстрой, бесследной и безвозвратной пробежкой по годам и десятилетиям...»⁴³.

В приобщении В.И. Лихоносова к наследию Бунина много общего с тем, как он был необходим его старшему другу. «Последний классик» притягивал Ю.П. Казакова в пору писательской молодости и позднее остался живительной частью творческих исканий – той связью с пройденным великими предшественниками, без которой не открывается значимость и суть современности. Юрий Павлович во многом пробуждал и усиливал интерес Лихоносова к Бунину.

В очерках «Волшебные дни» (1985, 1987) о писательских встречах, о скитаниях по литературным местам Виктор Иванович многое об этом расскажет. Вот об одном из решающих моментов: *«Казаков побывал в Париже, повидался с друзьями И.А. Бунина и на даче в Абрамцеве рассказывал мне обо всех разговорах; в ту ночь мы наметили с ним “махнуть как-нибудь” на Ор-*

⁴² Там же.

⁴³ Твардовский А. Собр. соч.: В 6 т. – Т. 5. – М.: Худ. лит. – 1980. – С. 86.

ловщину, туда, где “в первобытном чистом состоянии души” начиналась “жизнь Арсеньева”. И всё у нас потом не получалось с поездкой»⁴⁴.

Благодаря Казакову завязалась переписка Лихоносова с Б.К. Зайцевым и Г. Адамовичем, им он посылал свои книги и получал добрые отзывы, но из-за переписки с эмигрантами стал «невыездным». П.Л. Вячеславов, который переписывался и В.Н. Муромцевой-Буниной, ей писал об интересе молодого прозаика к творчеству Бунина, и Вера Николаевна прислала ему свою бунинскую биографию. Об этом и многих «естественных» и важных вторжениях в свою творческую жизнь не так давно ушедшего, но оставшегося для него живым классика, потом расскажет Лихоносов в большом очерке «Мой Бунин»⁴⁵.

Очерк вместил особую, лирическую, исповедальную хронологию того, как Лихоносов узнавал Бунина. Вот он юношей 17 лет читает в «Правде» краткое сообщение о смерти писателя: «Что толкнуло меня после урока литературы подойти к учителю и спросить: кто такой Бунин? Почему он умер в Париже?... учитель ничего ясного мне не сказал. А может, и не захотел. Но те минуты в классе у доски я запомнил на всю жизнь. Неужели у меня было предчувствие, что И.А. Бунин сыграет в моей судьбе огромную роль?»⁴⁶.

Потом, всего через два года, Лихоносов-студент каким-то чудом, стараниями друга обретёт дореволюционные 6 томов Бунина, изданные приложением к журналу «Нива» в 1915 г., и познает магию чудесных слов писателя, оживляющих прошлую жизнь. А ещё

⁴⁴ Лихоносов В. Волшебные дни: Статьи, очерки, интервью. – Краснодар: Краснодар. кн. изд. – 1988. – С. 90.

⁴⁵ Вошел в кн.: Лихоносов В. Тоска-кручина. – Краснодар: ИД «Краснодар. известия», 1996. – С. 55–62.

⁴⁶ Там же.

через год будет томительное ожидание выхода – в 1956 – «Избранного»: «... всё казалось, что книгу уже получили и прячут под прилавком».

Но в том году за Бунинным не гонялись, его ещё никто не знал. «Литературная газета» оповещала на первой странице о содержании книги: я ждал не «Деревню» и «Суходол», а вещи эмигрантские, неизвестные: «Митину любовь», «Лёгкое дыхание», «Лику»... Стоял лёгкий ясный день, никогда не забуду, как я вышел из книжного магазина... наконец выбрал в сквере скамейку, сел посмотреть оглавление, но прежде прочитал на 551-й странице начало повести «Лица»: «Те весенние дни моих первых скитаний были последними днями моего юношеского инокства». Так это же, наверное, про меня? – пронеслось в моей душе. Это было про самого Бунина (чего он не признавал и обижался), и было это давно»⁴⁷.

Лирическую хронику вхождения Лихоносова в наследие Бунина перемежают заключения о значимости писателя и его уроках, необходимых современности. Молодого Лихоносова, как и зрелого, притягивает «светлая душа самого русского писателя в нашей литературе», которая способна «напитать многих, ранее не слышавших о нём».

Привлекает Лихоносова правда пережитого в литературе: «О Бунине легче всего писать его же словами. Нет в русской литературе писателя, который бы, не прячась за выдуманных героев, так, не боясь, посыпал перстью тайны свои, чувствовал себя постоянно

⁴⁷Цит. по: Виктор Лихоносов: В книгах Бунина – последнее восхищение отчим домом, который тысячу лет строили предки... // Литература. М., 2009. – №6. – С. 4. Далее очерк «Мой Бунин» цитируется по этому источнику.

⁴⁸ Там же.

в просторе веков и не стужил язык свой мёртвой водою»⁴⁸.

Бунин, «неизвестный», прочитанный в 60–70-е гг. без идеологических изъятий, поразил Лихоносова тем, что его творческая мысль свободно жила *«в просторе веков»*. *«Самый русский писатель»*, десятилетия запрещаемый, возбуждал интерес Лихоносова к переоценке пережитых страной исторических событий (революции и Гражданской войны), в понимании которых господствовали идеологические стереотипы.

Он писал: *«Было удивительно, что всего три года назад умер этот русский кудесник в Париже. В южном городе ещё жили его ровесники, современники, немало было таких, кто скорбел по золотой старой России. Да и в Париже ещё не исчезла родовитая Русь. Бунин зародил во мне интерес к русской эмиграции»*.

В прозе и публицистике Бунина Лихоносов увидел *«последнее восхищение отчим домом, который тысячу лет строили предки»*. На новом повороте истории Бунин продолжил пушкинскую традицию уважения к памяти предков – *«любовь к отеческим гробам, любовь к родному пепелищу»*.

К справедливой точности сопоставлений настоящего и прошлого Лихоносов призывал в своих размышлениях о сегодняшнем дне.

Не раз он вспомнит в 90-х и 2000-х гг. Бунина, его независимость в литературных делах до последних дней, суровую резкость его послереволюционной публицистики: *«...в чужом Париже... прямой наследник Пушкина, Толстого, мудрым трехсотлетним вороном живший свои 83 года, медленно расставался с зорями и ночами, а в это время какой-нибудь безграмотный литературный булыжник крошил черепа свежих молодых дарованных (под видом “чистоты наших советских рядов”) в Краснодаре или кучка “кавалеров золотой звезды” в Москве лгала о беспаспортных нищих колхозниках и заедала враньё в Доме литераторов цыплятами-таба-*

ка. Гнев самого Бунина в “Окаянных днях” расстраивает душу. Не будет больше таких писателей никогда, как не будет и старой России»⁴⁹.

В первоначальной редакции очерка о «моём» Бунине, написанном в разгар перестроечных дней и к 125-летию со дня рождения писателя, обличительное слово Лихоносова звучит резче и неумолимее – по заветам Бунина-публициста, который не прощал «сокрушителей кровли»: *«...реквием Моцарта и гнев самого Бунина в “Окаянных днях” заливают душу... Люблю его “Несрочную весну”, “Косцов”, “Холодную осень”... Косцов я читал в Вечерней Москве, и тогда там цензура выкинула строчки, которым место в какой-нибудь новой Ипатьевской летописи: “Это было давно, это было бесконечно давно, потому что та жизнь, которой все мы жили...не вернется уже веками”... Студенту, пять лет слушавшему какие-то классово-горбатые лекции о русской литературе, открывался другой, истинно русский мир...»*

У Бунина всегда на горизонте колеблется марево. Постоянное скитание души по срокам времени, расставание с ними, потом расставание со старой императорской Россией, утешение в вечности сухой Розы Иерихона – вот Бунин, которого мы закутали в дифирамбы о его “парчовой прозе”»⁵⁰.

Об особых качествах писательского почерка Лихоносова – и стремлении к полноте воссоздания явлений жизни, а также чувстве исторического прошлого – писал ещё Г. Адамович в отклике на книгу Лихоносова «Голоса в тишине» (1967): *«Мне не только понравилась Ваша книга... нет, я очарован ею... В книге нет ни одного фальшивого слова... это самое важное, т.е. отсутствие выдумки в дурном смысле этого слова...*

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Цит. по: Лихоносов В. // Избранное. – М: Изд. центр «Терра». – 1993. – С. 88.

У вас редкостное чувство русского прошлого, природы, людей, всей России вообще... Мне кажется, Вы должны написать большую вещь – обо всём и ни о чём, как сама жизнь, это Ваш склад, Ваша особенность... И кстати, этот жанр “обо всём и ни о чём”, по существу, очень русский, теперь как-то исчез, забыт за всякими текущими делами...»⁵¹.

И такую вещь Лихоносов действительно написал – лирико-эпический роман «Мой маленький Париж: Ненаписанные воспоминания» (1986). Сюжет его – десятилетия истории. В нём 87 глав-новелл связанных, но и самостоятельных, которые рисуют «одиссею» кубанского казачества почти за целое ушедшее столетие. Место действия – от хуторка в глухой степи до Царского Села и Парижа. Как пишет В. Распутин, *«главный герой этого романа – Память. Память – как вечность и непрерывность человека, как постоянное движение из поколения в поколение духовного вещества. Нельзя жить... не помня, чем здесь жили прежде, не зная о трудах, славе, присяге... Безымянное и беспамятное пользование – тоже воровство... Испытываешь сквозь искущённую душу невольное чувство радости, что сохранилось и спустя много лет отыскалось доносящееся теперь, как эхо, многоголосое незатихшее слово кубанцев»⁵².*

Впервые напечатано:

Русское зарубежье: история и современность: Сб. ст. /РАН. ИНИОН. Центр комплексных исслед. рос. эмиграции // Ред. кол.: Ю.В. Мухачев, Т.Г. Петрова. – М. – 2013. – Вып. 2. – С. 221 – 236.

⁵¹Адамович Г.В. // «Избранное». – М. – 1993.

⁵²Распутин В. «Что ни возьми, одни воспоминания» // Лихоносов В. Наш маленький Париж: Ненаписанные воспоминания / Послесл. В. Распутина. – М.: Советская Россия, – 1990. – С. 650 – 651)

Книги Зурова останутся в русской литературе не в разделе литературных экспериментов, но как важные и правдивейшие свидетельства очевидца, сочувливо-го и чуткого, русских трагедий и русской стойкости, запечатленные талантливым мастером прозы в полновесном писательском слове.

Н. Андреев
«Новый журнал»

СКИТАЛЕЦ

Т.В. Вересова

Собирая материал о гимназистах, некоторые данные я уточняла у В.А. Каверина. В апреле 1988 г. Вениамин Александрович, между прочим, заметил: «В одном классе со мной учился Зуров – он тоже стал писателем. Думаю, какие-то сведения о нём можно найти в Риге...». Тогда, за суетой больших дел, я забыла об этом замечании Каверина. За шесть лет жизни в Риге (1990 – 1996) это имя ни разу не ворвалось в мою память...

Март 1998-го. Знаковый звонок: Дмитрий Алексеевич Вульф, правнук тверского помещика И.И. Вульфа, в имении которого не раз бывал А.С. Пушкин, хочет узнать от меня ситуацию в Тригорском. Потом мы встре-

*Леонид Зуров учился в Реальном училище гор. Острова, а не в Псковской губернской гимназии, как считал Вениамин Каверин (Зильбер), ровесник Зурова (родился 19 апреля 1902 г., а Зуров – 18 апреля 1902).

чались неоднократно, а 23 сентября он отмечал своё 90-летие – «пушкинская Москва» гуляла неделю: сначала в Музее А.С. Пушкина на Пречистенке, потом в Библиотеке им. А.С. Пушкина, первой попечительницей которой была старшая дочь поэта. Я побывала всюду, заодно подготовила очерк о необыкновенном юбиляре в РИА «Новости», где в то время работала. В Музее А.С. Пушкина на

Л.Ф. Зуров

Пречистенке ко мне подошла Тамара Приходько, корреспондент радиостанции «Юность»: «навёл» Вульф – у нас оказались общими не только профессиональные интересы... В сентябре 1999-го Тамара приглашает меня в... Париж: она едет с кинооператором телеканала «Культура» снимать сюжеты к своему фильму о пропавшем дневнике А.С. Пушкина. Программа меня ошарашивает: 1 октября – открытие памятника А.С. Пушкину в Сквере Поэтов; конференция в Сорбонне, где соберётся Пушкинское общество Парижа, в их числе – потомки великого поэта; встреча с Татьяной Владимировной Дурново, праправнучкой А.С. Пушкина, у неё дома; поездка в Сент-Женевьев де Буа – в Русский Дом и на Русское кладбище...

В нашей компании – Владимир Антонович Пречиский, президент ассоциации «Бунинское наследие», у которого своя программа поездки.

В Сент-Женевьев де Буа шестого октября мы едем электричкой. Нас встречает Мария Ивановна Лифарь, вдова племянника Сергея Лифаря, на своей малюсенькой машине, – она согласилась провести нас по Русско-

Русское кладбище в Сент-Женевьев де Буа

му кладбищу. Чтобы мы могли поклониться большему числу своих соотечественников, М.И. Лифарь к последнему приюту И.А. Бунина ведёт нас окольными путями. От А. Тарковского отправляясь дальше, мимолётно вглядываюсь во все надписи. Леонид Зуров... Приостанавливаюсь: «Зуров... Зуров...». Нет, не вспоминаю! Вслух замечаю, что крест на могиле Бунина очень похож на псковские поклонные кресты... Церковь и звонница на кладбище также напоминают стиль псковских храмов...

В ноябре 1999 г. в книжной лавке Сретенского монастыря вижу книгу Леонида Зурова «Обитель» – имя автора и название одинаково заостряют внимание. Просматриваю предисловие: «Да, это о нём говорил Каверин!...». Прочитав биографический очерк, поняла, что в Сент-Женевьев де Буа совершила ещё одну непоправимую оплошность... Звоню В.А. Пречисскому: «Да, фотографии Зурова есть в архиве Бунина... Некоторые из

них опубликованы в только что вышедшем многотомнике Бунина... Рукописный фонд Зурова, как и архив Бунина, находится в Русском архиве – в английском городе Лидсе...».

Леонид Зуров родился 18 апреля 1902 года в городе Острове, в дворянской семье. Он *«ещё и гимназии не закончил, как началось всероссийское трагическое безумие – революция... Юноша Зуров «по долгу совести» вступил добровольцем в армию Юденича и пошёл освобождать Петроград. И уже взяли Гатчину, вступили в Лигово, откуда будто бы уже виднелся купол Исаакия Далматского, что у самого Зимнего дворца... и вот бы ещё рывок – и столица освобождена... В этих боях Леонид Зуров был дважды ранен и его, почти домиравшего, переместили в Эстонию. Заканчивался 1919 г., а с ним уходила в прошлое Родина. Предстояла бессрочная чужбина...»*.

После поправки здоровья Леонид Фёдорович задумывается, как определиться в жизни. Поначалу он выбирает стезю историка древнерусского искусства, чтобы полнее выразить своё желание послужить памяти предков, исчезающей памяти Отечества. И вот уже юный ревнитель древностей в Праге. В чешской столице он посещает Карлов университет и семинары академика Н.П. Кондакова, слушает лекции его замечательных сподвижников по археологии. Зурову хочется стать учёным, но неотступная нужда – постоянная спутница русских изгнанников – не позволила дальше учиться. Найти работу было совсем не просто. Вернулся в Прибалтику, на этот раз в Латвию. Одно время в Риге устроился маляром, а немного погодя – ответственным секретарём детского православного журнала «Перезвоны». С «Перезвонов» и пойдёт отсчёт литературной работы Леонида Зурова...

В 1928 году в Риге вышла в свет его первая книга «Кадет», куда он включил одноимённую повесть

и ряд рассказов и очерков. Молодой писатель в ней сразу предстал во всём блеске своего дарования: художественная ткань его прозы была выработана столь тщательно и умело, что потрясла совершенством даже маститых литераторов; своим трепетным пером Зуров ярко отобразил тончайшие душевные переживания, а событийный фон им был выписан так убедительно и достоверно, как это мог сделать лишь живой свидетель и участник описываемых ситуаций...

Вскоре вышла и другая книга Зурова – «Отчина», и тоже прекрасная. Так ярко и так образно никто из русских писателей ещё не поведал о далёком прошлом Псково-Печерского монастыря, о его духоносцах и ратниках, отстоявших твердыню в години вражеских набегов. В повести явно ощущается летописный подтекст, художественный язык аскетичен, стилевая заострённость сродни сказу.

«В этой книге, как в золотой чаше, собраны драгоценные слёзы, и скорби, и страдания мучеников – истинных воинов Христовых, которые отдали свою жизнь за Дом Пресвятой Троицы и за веру Православную», – напишут спустя несколько десятилетий сёстры Пюхтицкой обители на рукописном экземпляре «Отчины», который они подарят братии Псково-Печерского монастыря». Полнее и лучше не скажешь...» (А. Стрижев).

Иван БУНИН: *«Недавно я, совсем неожиданно, испытал большую радость: прочёл книжку нового молодого русского писателя, Леонида Зурова, изданную в Риге и состоящую из повести «Кадет» и нескольких небольших рассказов: подлинный настоящий художественный талант, – именно художественный, – а не литературный только, как это чаще всего бывает, – много, по-моему, обещающий при всей своей молодости.*

<...> На днях я с ещё большей радостью прочёл его новую книжку «Отчина». Он мне пишет (в ответ на

моё письмо о его первой книжке), что «Отчину» он писал «по обещанию». А в предисловии к ней говорит: «Это результат моей работы в Псково-Печерском монастыре, в его рукописной библиотеке, весной 1928 года...» Уже одно это прекрасно. Но прекрасна и сама книжка, – на неё надо обратить особенное внимание. Дай Бог всяческого благополучия молодому дарованию».

Активная переписка между Буниным и Зуровым закончилась приглашением во Францию – в ноябре 1929 г. Леонид Зуров был уже в Грасе. *«Там, в Приморских Альпах, Бунин тогда жил достаточно широко, по-русски хлебосольно. При нём чуть ли не на правах члена семьи обитали начинающие писатели – Николай Рощин и Галина Кузнецова. Даровитый, благовоспитанный, эффектный Зуров сразу же пришёлся ко двору. Иван Алексеевич предложил ему остаться здесь, продолжить литературные занятия и между тем поработать у него секретарём. Предложение было принято, и с тех пор с небольшими перерывами Зуров до конца дней будет жить у Буниных»* (А. Стрижев).

Л.Ф. Зуров – сотрудник ежедневной газеты «Последние новости», но в периодике, несмотря на постоянные приглашения, печататься не любит. В 1934 г. выходит его первый роман «Древний путь», спустя 4 года – «Поле». Оба романа читателями были приняты восторженно, а критика отмечала не только богатство языка, но и то, что *«из всех эмигрантов лишь Зуров один обращён к родной земле и не страдает никаким отрывом»*.

В 1935, 1937 и 1938 гг. с группой этнографов Л.Ф. Зуров по поручению парижского музея Трокадеро (Музей человека) и Министерства просвещения отправляется в Печерский район, входивший тогда в состав Эстонии. Итог этой научной экспедиции – 2 служебные записки: 1) о произведённом обследовании древностей Печерского и Изборского края и о результатах археологической

У могилы своего знаменитого четвероюродного пра-прадеда.
Сент-Женевьев де Буа, 1999 г. Фото Т.В.Вересовой

и этнографической разведки 1935 – 1937 годов; 2) о дохристианских пережитках и религиозных верованиях сетских чудо-эстонцев и крестьян Печерского края. Именно в окрестностях Изборска Зуров сделал эскиз каменного креста, который в 1954 г. и послужил основой выбора памятника Ивану Бунину. Во время первой экспедиции Зуров принял участие в реставрации церкви Николы-Вратаря (надвратной Никольской церкви).

*Учитель и ученик покоятся рядом – на кладбище Сент-Женевьев де Буа. Все эти годы уход по содержанию могил оплачивал Лидский университет. Не так давно (2008) Россия заявила о том, что берет на себя уход за знаменитым кладбищем. Хотя для тех, кто покоится там, это уже не имеет никакого значения.

Тамара Величковская, знавшая Зурова более 20 лет, считала, что *«Леонид Фёдорович был подлинно русским человеком, он жил Россией и её судьбами, мог писать только о ней, хотя прожил на чужбине три четверти своей жизни. Я не знаю ни одного его произведения, где отразились его эмигрантские впечатления. Всегда только о России... Свой родной край – Псковскую область – Зуров знал и крепко любил... У Леонида Фёдоровича было много друзей, он располагал людей к себе. Большим его другом, едва ли не самым большим, была Вера Николаевна Бунина... Как бы по-матерински она ни относилась к Зурову, он всегда старался сохранить свою независимость...»*.

Зуров много гулял, путешествовал: летом обязательно уезжал со своей палаткой; не раз побывал в Бретани; съездил в Данию, Шотландию – к своим старым друзьям ещё по России, – разыскал там гробницу предков Лермонтова, зарисовал в Сент-Эндрю их родовой герб и даже встретился с последними шотландскими потомками, о чём сам и написал в «Новый журнал». И упорно работал над романом «Зимний дворец» – отрывки печатал журнал «Новоселье». Роман так и остался незаконченным – Зуров не смог получить новых сведений от участника штурма Зимнего из-за начала войны. Когда немцы заняли Францию, жизнь русских эмигрантов резко изменилась. Наступал голод, а за Зуровым вдобавок гестапо установило слежку – его часто забирали и допрашивали...

Война обострила отношения писателей – Зуров покинул семью Бунина и уехал в Буживаль. Устроился сторожем гаража, где и жил. Пишет мало – несколько рассказов, позднее включённых в сборник «Марьянка».

После смерти И.А. Бунина в 1953 году (крест на его могиле, по типу псковских поклонных, поставил Зуров) возвращается в Париж, сохраняет, разбирает и публикует его архив. В апреле 1961 г. не стало Веры Ни-

колаевны Буниной-Муромцевой – Леонид Фёдорович остался один. Жилищная контора посчитала квартиру Буниных слишком большой для одного человека и Зурову отделили тёмную её часть. По завещанию Веры Николаевны, вещи семьи и 2/3 доходов от литературного наследия писателя перешли Леониду Зурову – архив мужа В.Н. Бунина разбирала и частями передавала Союзу писателей СССР. После её смерти этот архив, со значительным числом рукописей, приводил в порядок Зуров, чтобы потом передать в СССР.

Но наследство И.А. Бунина оказалось под угрозой распродажи с молотка: за Буниными открылся огромный долг, оплатить который Зуров был не в состоянии. Переговоры и переписка Посольства СССР во Франции, Союза писателей и Министерства культуры, между собой и «приёмным сыном Буниных писателем Л.Ф. Зуровым» затянулись, хотя Зуров был заинтересован в скорейшей передаче бунинских реликвий на Родину: вещи, хранящиеся не бесплатно на складе в Буживале, портились...

Зуров тяжело переносил одиночество, потери друзей обостряли его болезнь: скоропостижно скончалась Т.С. Конюс, дочь композитора Рахманинова, покровительница Леонида Фёдоровича; трагическая смерть Петра Струве, «врачевателя душ», потрясла его – депрессия не вернулась, но «обнаружилось» сердце... Он особенно переживал оскудение литературной жизни русского Парижа. По возвращении из госпиталя работал мало – пылились на столе собственные рукописи и полки с архивом Бунина... Радостью для него стал переезд семьи Бориса Зайцева по соседству – особенно заботлива с ним была дочь Зайцева Н.Б. Соллогуб...

В начале сентября 1971 г. Л.Ф. Зуров охотно уезжал подлечиться в санаторий Акс-ле-Терм, что в Пиренейских горах, но 9 сентября в Париж пришло известие о его внезапной кончине от инфаркта. *«Мы, искренно его*

любившие, потеряли большого друга, русская литература – талантливого писателя», – писала в «Новом журнале» Тамара Величковская.

Литература

1. Кузнецова Г. Грасский дневник. М. – 1995.
2. Зуров Л.Ф. Обитель (Очерк о Псково-Печерском монастыре): Повести, рассказы, очерки, воспоминания. – М.: «Паломникъ» 1999 (составитель А. Стрижев).
3. Александр Стрижев. Леонид Зуров. Биографический очерк // В кн.: Л.Ф. Зуров. Обитель, С. 3.
4. Иван Бунин. Леонид Зуров. Там же, С. 561– 63.
5. Николай Андреев. «Отчина» и её автор. Там же, С. 563–567.
6. Тамара Величковская. О Леониде Фёдоровиче Зурове. Там же, С. 567 – 591.
7. Кудрявцев В. Дома и в лодке с Леонидом Зуровым. Там же, С. 591–616.
8. Рощин М.М. Иван Бунин. М.: «Мол. гвардия», 2000. – 329 с.: ил. – ЖЗЛ.

Впервые опубликовано:

Вересова Т.В. СКИТАЛЕЦ. В кн.: «Сии бо люди крылати...» серии «Псковская земля. История в лицах» (ред.-сост. Т. Вересова). М.: Изд-во «Северный паломник». – 2007. – С. 366 – 370.

– Думаю, что я был хороший моряк. Je crois bien que j'étais un bon marin. –Он [Бернар] сказал это умирая...

Но ведь сам Бог любит, чтобы все было «хорошо». Он сам радовался, видя, что Его творения «весьма хороши».

Мне кажется, что я, как художник, заслужил право сказать о себе, в свои последние дни, нечто подобное тому, что сказал, умирая, Бернар.

«Бернар» И. Бунин, 1952 г.

Прощальный рассказ И.А. Бунина «Бернар»

Т.М. Бонами

Впервые рассказ Бунина «Бернар» был напечатан в 1929 году* [1]. В нем нашли отражение некоторые сокровенные раздумья писателя, волновавшие его на протяжении многих лет: о вечном и преходящем, о единке жизни и смерти, единстве людских душ. Чувство жизни, «любовь и радость бытия» были органично присущи личности Бунина; странствуя по свету, он, по собственному признанию, *«приобщил свою душу бесконечности времени и пространства»* («Тень птицы»), постигал мудрые истины, стремился проникнуть в сущ-

*В таком же варианте он вошел в книгу Бунина «Божье древо» (Париж, 1931), но с изменением даты написания – 1927–1930.

ность человека. Изумляясь разнообразию человеческих типов, он убеждался присутствию в них по воле Творца и внутренней красоты, и стихийных порывов.

Уже в раннем лирическом стихотворении Бунин писал:

Прекрасна ты, душа людская,
Бездонному спокойному, ночному небу.
Мерцанью звезд подобна ты порой.

(«Летняя ночь»).

В этой связи интерес представляет дневниковая запись В.Н. Муромцевой-Буниной 1932 г., в которой упоминается о беседе Бунина с одним из соредакторов «Современных записок» И. Фондаминским. Откликаясь на слова собеседника: *«В каждом человеке есть божественная правда»*, – он произнес: *«А только один писатель об этом сказал... – я в «Бернаре» [2].* В закатные дни, когда Бунин особенно остро ощущал тягостное чувство старения, приближение рокового предела, неизбежности смерти, он возвратился к рассказу «Бернар», создав новую его редакцию.

В помещенном в сборнике «Весной в Иудее. Роза Иерихона» (Нью-Йорк, 1952) Бунин дополняет текст отрывками из Мопассана в вольном переводе, изменяет концовку произведения, усиливая его смысловую емкость, меняет дату его создания. Теперь во всех собраниях сочинений писателя присутствует в качестве времени написания 1952 г. и внесенные в текст слова автора: *«Дней моих на земле осталось немного»* – в самом начале рассказа. Тональность рассказа становится более исповедальной, со всей глубиной открывается мироощущение автора, поведавшего об основополагающих ценностях, духовно-нравственных связях людей на земле, их сопряжении. Рассказ приобретает философское, общечеловеческое звучание.

Один из самых проникательных критиков русской эмиграции Г. Адамович, высоко оценивший роман Бу-

нина «Жизнь Арсеньева», тонко заметивший, что в рассказе «Огонь пожирающий» сказалась «неисчерпаемость мастерства» [3] автора, писал ему в одном из писем того времени: «...*Меня особенно поразил рассказ о мопассановском матросе, и последняя фраза в нем*» [4], имея в виду «Бернара».

Тридцать три года провёл Бунин в эмиграции, он был вынужден покинуть Россию, испытал «чашу несказанных душевных страданий», боль изгнанничества. Творческий дух писателя не угас, он сохранил в себе веру в свое писательское предназначение. Лишенный родной почвы, Бунин не утратил корневые связи, питался наблюдениями о Родине, оставался русским писателем и пользовался заслуженным признанием классика русской литературы. «*Мир вечный, мир чудесный*» засиял для него «*другой, нездешней красотой*»: в его творчестве слились Россия и Франция.

Уже в 1-й главе «Жизни Арсеньева» Бунин пишет о небольших провинциальных городах «*в стране, заменившей мне родину*», давшей ему приют. Г. Кузнецова записала в 1927 г., как, находясь под впечатлением от празднества в Каннах, Бунин не без горечи сказал: «*Я все-таки, по совести, не могу написать о таком Жозефе или Жанне, потому что не знаю их души. Я ужасно хочу написать о них – ведь Франция для нас теперь вторая родина*» [5].

Как писатель Бунин выступал продолжателем пушкинской «*всемирной отзывчивости*», он полагал, что художник должен обладать «способностью особенно

сильно чувствовать не только своё время, но и чужое, не только свою страну, но и другие, не только себя самого, но и прочих людей» [6]. Сам он был одержим желанием «познать тоску всех стран и всех времен».

20 февраля 1930 г. Кузнецова записала в «Дневнике»: «Мы ходим в Лувр, в Национальную библиотеку, в старые церкви» [7]. Интересом к истории, культуре Франции, судьбе талантливой французской актрисы Терезы Анжелики

И.А. Бунин и Г.В. Кузнецова

Обри было вызвано создание лирического очерка Бунина «Богиня разума». В нём присутствуют не только размышления о революциях, вторгающихся в жизнь людей, но и вера автора в то, что нетлёмными на Земле «остаются греческие храмы и готические соборы, прекрасные предания о совести и чести...». Они стали символами единства мира небесного и земного, утверждения нравственных идеалов, вечности и верности.

Для Бунина, как и для его героя романа «Жизнь Арсеньева», важным истоком познания жизни и человека, становления и формирования его как художника стало чтение русской и мировой классики. Книги остались для него «благородной памятью сердца», они говорили о том, что «поэзия есть бог в святых мечтах земли».

С юных лет Бунин знакомился с французской литературой и неизменно в ряду любимых им писателей называл Флобера и Мопассана. В «Автобиографической заметке» Бунин писал, что открыл для себя Флобера, был увлечён им еще с середины 90 гг. [8].

В.Н. Муромцева-Бунина вспоминает, что в 1910 г., во время пребывания в Ницце, Бунин обратил её внимание на женщину, напоминающую героиню Флобера из повести «Простая душа»: *«Ведь совершенно флоберовская тетушка Фелисите! Много о нем говорил Ян, восхищаясь его образами, языком, художественностью»* [9]. Героиня Флобера пленила Бунина своей трогательной привязанностью к людям, животным. Несмотря на личные потери, скорбь, душа ее наполнена любовью, она умирает с улыбкой – *«так иссякает фонтан, так замирает эхо»*.

В эмиграции Бунин перечитывал Флобера, «сам так восхищался, что заражал других» [10]. Г. Кузнецова стала свидетельницей разговора Бунина с философом Ильиным, его глубокой оценки романа Флобера «Госпожа Бовари»: *«Я недавно перечел «Бовари» – какая там звучит над всем и нота глубокой меланхолии, безнадёжности! Такая нота у французов того времени! Это впервые!»* [11].

Роман был воспринят Буниным как книга о духовном вырождении, низменных мещанских нравах. Связанная с этой средой Эмма Бовари испытывает крушение романтических иллюзий, своей неудовлетворенностью она возвышается над окружающими ее людьми. Противостоя деградации, Флобер отстаивал высокие ценности и красоту.

Бунин видел во Флобере замечательного стилиста, у которого «не только отдельное слово, но и каждый звук имеет значение» [12]. В оценках Флобера Бунин перекликался с Л. Толстым и М. Горьким. Толстой написал в одном из писем, что «Госпожа Бовари» имеет большие достоинства и недаром славится у французов» [13]. Горький называл Флобера *«величайшим мастером стиля»*, а прочитав «Простую душу», признавался: *«Я был изумлен рассказом»*. (Рассказ «О том, как я учился писать»).

Бунин заботился о переводах книг Флобера, сам начал переводить его на русский язык. Важным для Бунина оказалось его вхождение в творчество Мопассана. В своих новеллах, романах Мопассан сумел объяснить поступки многих людей, раскрыть их характеры, чувства, подчас трагические судьбы. Обличая пороки, он не переставал быть страстным гуманистом. Мопассан был близок Бунину по *«художественному созерцанию»* (Ф. Степун), живописному импрессионизму, способности передать чувственные впечатления от природы, сжатостью повествования, владением искусством детали.

Об отношении Бунина к Мопассану оставили свидетельства многие современники. Н. Рощин, подолгу живший у Бунина в Грасе, вспоминает о вечерних чтениях: *«Бунин читает вслух по-русски или по-французски, чаще всего Мопассана – любимца [14]. Читая «Пышку» Мопассана, Бунин восхищался простодушной героиней, возвышающейся над «лицемерными людьми», над их циничной моралью»*.

Г. Кузнецова упоминает о том, что Бунин читал Мопассана *«с величайшим вкусом»* [15]. По мнению Бунина, Мопассан сумел проникнуть в сложность любовных отношений, *«он единственный посмеявшийся без конца говорить, что жизнь человеческая вся под властью жажды женщины»* [16].

В 1927 г. Бунин пишет очерк «Конец Мопассана». Он опирается на книгу Норманди, который проследил нарастание болезни у Мопассана, закончившего жизнь в психиатрической лечебнице. Не подробности болезненного состояния, а сострадание Бунина к Мопассану – человеку и художнику – пронизывает очерк. Он уделяет внимание меркнувшему сознанию, мучительным воспоминаниям писателя: *«В его бреде постоянно одно и то же: убийства, преследования, бог, смерть, деньги... Так выражаются у него сложные мучительные мысли, столько раз с такой точностью, с такой красотой и*

изяществом высказанные им» [17]. Французские критики находили родственные черты между Буниным и Мопассаном.

В сферу внимания и чтения Бунина в 20 гг. вошёл М. Пруст. В письме к Л. Зурову Г. Кузнецова характеризует его как *«замечательного писателя»*, который *«открывает новые пути в искусстве»*, и сообщает: *«Мы все очень им заняты»* [18]. Пруст заинтересовал Бунина своеобразной стиливой свободой, желанием отойти от литературных канонов. Как и Бунин, он сумел передать в своих романах тоску по ушедшему, воскресить картины, чувства, впечатления детства, юности. Творческий поиск двух писателей был независимым, здесь не может быть речи о влияниях. После публикации первого романа *«Жизнь Арсеньева»* Бунин писал в письме к Бицилли, что в романе *«немало мест совсем прустовского»* [19].

Привлекали Бунина своим гуманизмом и душевной открытостью автора путевые очерки Мопассана *«На воде»*. В них писатель раздумывает об участии бедных людей, которые работали *«от зари до зари, терпели все муки земные»*... Глубиной мысли проникнуты его суждения о войне, преступной бойне, оставляющей после себя нищету и страдания. Мопассан с уважением пишет о *«настоячивом плодотворном»* труде ученых, которые хотят *«помочь людям, облегчить их жизнь»*, они *«ежечасно одаривают человеческий разум новыми сокровищами знаний»*.

В очерках отразились свежесть наблюдений Мопассана над явлениями природы, умение передать зрительное восприятие, краски, световую и воздушную среду. Лучшие человеческие качества сосредоточил в себе моряк Бернар, сопровождавший во время путешествия Мопассана.

В рассказе Бунина *«Бернар»* обнаруживается характерная черта для его творческой манеры: краткость, сгущенность повествования, слитность объективного

и субъективного. Композиция подчинена выбранному автором лирико-ассоциативному принципу. Не традиционен, оригинален жанр рассказа, в текст включены отрывки из путевых очерков Мопассана «На воде». Они сочетаются с элементами медитации, характеристики Бернара, личность которого укрупняется Буниным, освещена особым светом.

В рассказе возникает хор голосов – двух авторов и самого Бернара, все они даны в соприкосновении с миром, людьми, проявляют себя в поступках, высказываниях. Бернар незауряден, ловок и смел, заботлив и чистосердечен, трудолюбив, беззаветно предан своей профессии. В конце жизни он испытывает чувство удовлетворения оттого, что «служил не за страх, а за совесть». Поэтому так искренне произнес он, умирая: *«Думаю, что я был хороший моряк!»*

Между автором и героем Мопассана устанавливается духовно-нравственное родство. Осмысление жизни Бернара помогает Бунину обрести душевное равновесие, приводит его к мысли о божественной природе человеческого призвания, дара, значимости собственной жизни. Суждение о предназначении человека, верном служении ему, является главным в рассказе.

Всякое созидание, работа, творчество рождают гармонию и красоту, устраняют противоречие между личным и всеобщим, человек может ощущать свою причастность к историческому течению жизни. Автору удастся избежать морализаторства, т.к. он опирается на конкретные судьбы, на выстраданные нравственные и эстетические идеалы, в которых находит высшую правду. Бунин всегда видел в писателях *«священнослужителей в слове»*.

Насыщенность рассказу придает обращение автора к природному Космосу, фоном выбраны пейзажи Ниццы и Приморских Альп, которые возникают в описаниях Мопассана. Оба автора любили рисовать переходные

состояния в природе. В рассказе «Бернар» нарисована картина раннего утра, восхода солнца и пробуждения телесной жизни мира», когда еще ощутимо *«сухое и холодное дыхание покрытых снегом гор»*, зажигаются *«каким-то розовым пламенем снежные хребты Верхних Альп, доносится звон «далекого колокола»*. Свет, краски, звуки – *признаки животворящих сил природы и человека, «высокого божьего намерения»*.

В конце жизни пришли к Бунину особые мысли и чувства от сознания выполненного священного долга: *«Мне кажется, что я, как художник, заслужил право сказать себе о себе в свои последние дни нечто подобное тому, что сказал, умирая, Бернар»*. Он считал необходимым поделиться со своими читателями заветными мыслями: *«Нет в мире разных душ, и времени в нем нет»*. Тем самым Бунин пророчески предсказал что его художественное творчество избежит забвения.

Литература

1. Газета «Последние новости». – 1919 – №2916. – 17 марта.
2. Устами Буниных. Т. 2. «Посев». – 2005. – С. 215.
3. Адамович Г.В. // Литературные беседы. – СПб. – 1998. – С. 108.
4. Бунин И.А. // Новые материалы. – Вып. 1. – С. 118.
5. Кузнецова Г. // «Грасский дневник». М. – 1995. – С. 35.
6. Бунин И.А. «Книга моей жизни» // Литературное наследство. Т. 84. Кн. 1. – М. – 1973. – С. 384.
7. Кузнецова Г. «Грасский дневник». М. – 1995. – С. 131.
8. Бунин И.А. Собр. соч. в 9 т. Т. 9. – С. 261.
9. Муромцева-Бунина В.Н. // Беседы с памятью. – М. – 1989. – С. 480.
10. Кузнецова Г. «Грасский дневник. М. 1995. – С. 216.
11. Там же. С. 131.

12. Бабореко А.К. И.А. Бунин. Материалы к биографии. – М. – 1987. – С. 171– 172.
13. Цит. по кн. Г. Флобер. Собр. соч. в 3 томах. – Т. 1. – М. – 1983. – С. 10.
14. Рошин Н. У Бунина. «Возрождение». 1933. – 15 ноября.
15. Кузнецова Г. «Грасский дневник». М. – 1995. – С. 85.
16. Цит. по ст. О. Михайлова «Путь Бунина-художника. Литературное наследство. Кн. 1. С. 141.
17. Бунин И.А. Собр. соч. в 9 т. Т. 9. – С. 466– 467.
18. И.А. Бунин // Новые материалы. Вып. 1. М. – 2004. – С. 267.
19. Русская литература. 1961. – № 4. – С. 54.

Впервые опубликовано:

Творческое наследие И.А. Бунина: традиции и новаторство. Материалы Международной научной конференции, посвященной 135-летию со дня рождения И.А. Бунина 22–24 сент. – Орёл. – 2005. – С. 65–69.

Об авторах

Бонами Талла Михайловна – кандидат филологических наук, профессор кафедры литературы Московского государственного университета культуры и искусства; педагог, исследователь русской литературы XX века. Автор учебных пособий, монографий и многих статей.

Вересова Тамара Васильевна – член Союза писателей и Союза журналистов России, член Совета Союза краеведов России. Председатель Псковского регионального отделения Союза краеведов России, главный редактор и издатель альманаха «Псковский летописец». В журналистике с 1976 г. Более 200 публикаций по краеведению (выдающиеся люди земли Псковской) в периодической печати. Подготовила к печати и издала более 10 книг (редактор-составитель и издатель).

Гордиенко Тамара Викторовна – кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры связей с общественностью Российского государственного университета туризма и сервиса (РГУТиС). Автор более 200 работ по истории русской литературы XX века и литературы русского зарубежья, по журналистике, по методике преподавания РКИ. Почетный работник высшего профессионального образования РФ, член Союза журналистов Москвы.

Минаев Дмитрий Михайлович – кандидат технических наук, ГИАП, автор 33 научных работ, 99 литературных публикаций пушкинианы и бунинианы в газетах и журналах, автор трех монографий, одна в соавторстве, 2 изобретений.

Пречисский Владимир Антонович – доктор технических наук, профессор Национального исследовательского университета «МЭИ», действительный член (академик) МАН высшей школы. Автор 40 учебных пособий, более 200 научных трудов, в том числе двух монографий, 9 изобретений.

Ревакина Ирина Александровна – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник ИМЛИ им. А.М. Горького РАН. Автор более 200 статей о русской литературе XX века. Автор двух монографий.

Рыльчиков Илья Валерьевич – бизнесмен, поэт, музыкант, автор и исполнитель песен, краевед.

Хайтулов Евгений Дмитриевич – краевед, ельчанин, исследователь бунинских мест.

Шальнова Галина Андреевна – доктор медицинских наук. Автор и соавтор свыше 500 научных трудов, в том числе 12 книг, ряда изобретений. Давно совмещает научную работу с литературной. Она – автор книги воспоминаний (2 издания) и многих статей о своём институте и его сотрудниках, в котором проработала около 60 лет, о своих родных, коллегах и друзьях. Правнучка мещанина М.П. Бякина, в доме которого жил гимназист Ваня Бунин.

Д л я з а м е т о к

Минаев
Дмитрий Михайлович
(составитель)

**Библиографический указатель
и избранные труды членов
ассоциации «Бунинское наследие»**

Издано
ООО «СВАРОЖИЧ»
Подписано к печати 05.10.2014 г.

Формат 60х90/16. Гарнитура Акафист.
Усл. п.л. 15,75. Тираж 100 экз.

minaev2008@mail.ru

“Бунина нельзя не любить и не ценить за его строгое мастерство, за дисциплину строки... Молодому русскому, и не только русскому писателю невозможно миновать Бунина в ряду мастеров, чей опыт попросту обязателен для каждого пишущего. ... Бунин – по времени – последний из классиков русской литературы, чей опыт мы не имеем права забывать.

А.Т. Твардовский